ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

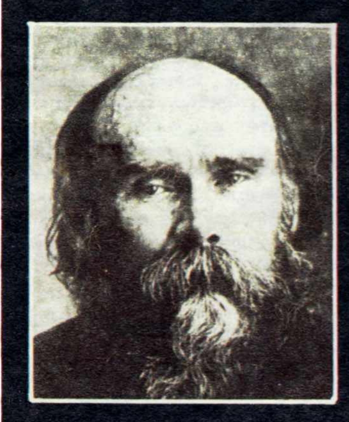
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 43 ОКТЯБРЬ 1989

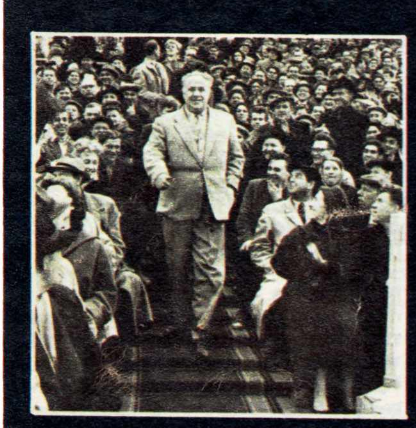
МИР И МЫ

150 ЛЕТ ФОТОГРАФИИ

ОТКРОВЕНИЯ ПОЭТА

ФУТБОЛ НАШЕГО ДЕТСТВА

СТАРИКИ НЕ МОГУТ ЖДАТЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 43 (3248)

21—28 ОКТЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: *Пятьдесят восемь миллионов пенсионеров в нашей стране. В их числе Мария Федоровна и Иван Афанасьевич Сидельниковы из села Верхопенье Белгородской области. (О проблемах пенсионеров см. в номере материал «Старики не могут ждать».)*

Фото Павла КРИВЦОВА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 02.10.89. Подписано к печати 17.10.89. А 08921. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 300 000 экз. Заказ № 1271. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24

НЕСОПОСТАВИМОСТЬ

Алексей КИРЕЕВ,
кандидат экономических наук

Размышления экономиста о месте СССР в мировом хозяйстве

Коммунистическое общество, которое, как мы раньше полагали, будет «в основном построено» к 1980 году, характеризовалось бы в числе прочего тем, что СССР превзойдет США, «наиболее мощную и богатую страну капитализма», по основным экономическим показателям. В их числе прежняя Программа КПСС называла уровень промышленного производства и производительности труда, которые к тому времени должны были быть больше, чем у США, соответственно в 6 и 2 раза.

Правда, довольно скоро выяснилось, что наиболее мощная и богатая страна капитализма не собиралась стоять на месте и дожидаться, когда мы ее догоним и перегоним, и, несмотря на все кризисы, потрясения и противоречия, продолжала развиваться. Кроме того, мало-помалу сформировались еще два центра силы — Западная Европа и Япония. Приходилось уже сравнивать СССР не только с США, но и динамичной Японией, интегрирующейся Западной Европой, капиталистическим миром в целом.

Когда к середине 80-х годов окончательно рассеялась эйфория относительно возможности в два прыжка догнать и перегнать западные страны, пришло время трезвой оценки достигнутых результатов. Где мы находимся? Какое общество построили? Как выходить из прорыва? Ответы на эти и многие другие вопросы, рожденные перестройкой и гласностью, будут ущербными, если не сопоставить наши результаты с достижениями других стран, если не вписать советское хозяйство в мировую систему экономических координат.

Оторванность страны от реального масштаба стоимости, который в соответствии с азами марксизма формируется на интернациональной основе, делает большинство данных, приводимых Госкомстатом, не более чем упражнениями с цифрами, почти что ни о чем не говорящими. Надежно отгородившись от мирового хозяйства государственной монополией на внешнеэкономическую деятельность, неконвертируемой валютой, неучастием в крупнейших международных экономических организациях, а также многочисленными идеологическими установками, в прошлые десятилетия мы загнали себя в замкнутый круг неонатурального хозяйства в государственных масштабах.

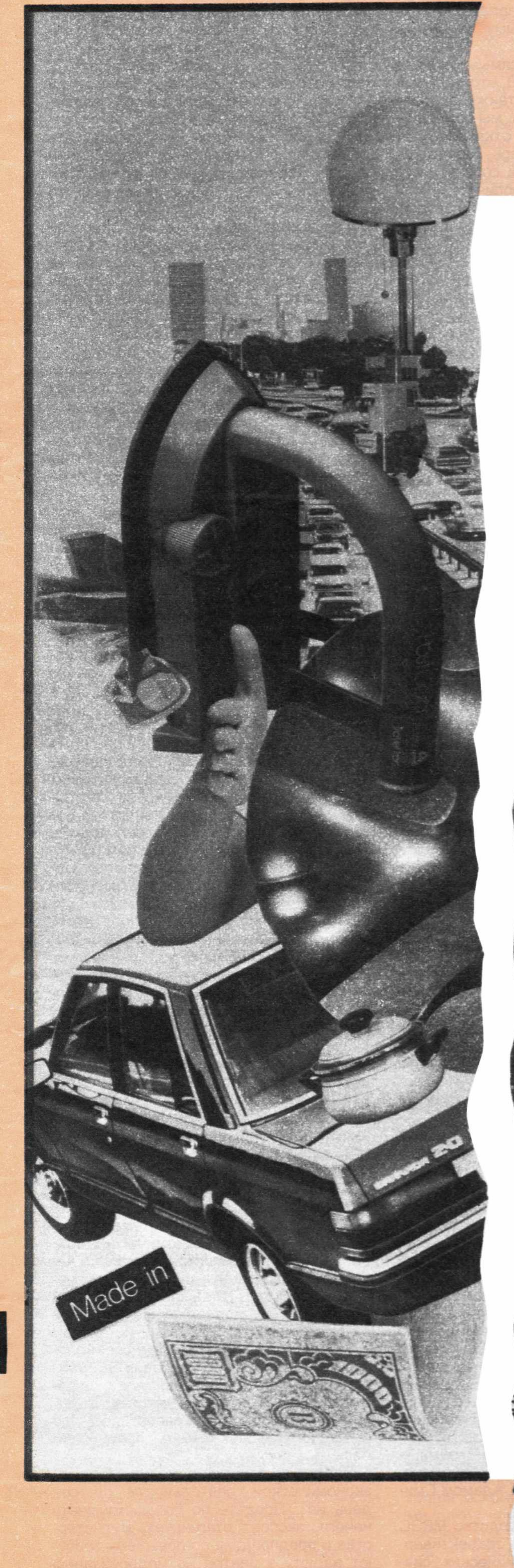
Советская же статистика, как и многие другие науки, давно стала выполнять социальный заказ, который сводился к подтверждению укрепления международных позиций социализма. При этом использовалась хитроумная, никому вне статистических органов не известная методология.

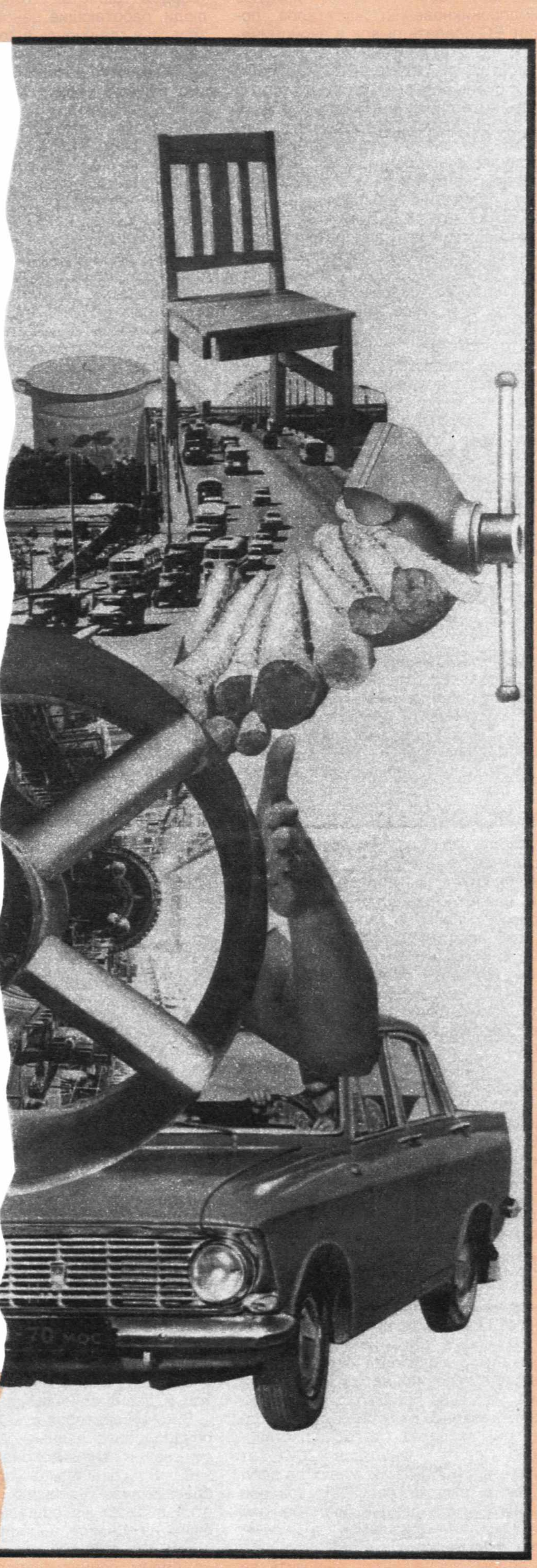
Когда темпы роста советской экономики стали падать, статистика прибегла к удивительному трюку, введя в научный оборот термин «более». Так, если в 1955 году выпуск продукции советской промышленностью составил, по данным юбилейного справочника «Народное хозяйство СССР за 70 лет», 55 процентов от уровня США, то в 1980 году — уже «более» 80 процентов, а производительность труда в промышленности достигла «более» 55 процентов от американской по сравнению с 44 процентами за четверть века до этого. В 1986 году оба показателя, видимо, не улучшились, и поэтому цифры остались прежними, но все же с припиской «более».

В последние годы в советской печати стали появляться многочисленные альтернативные оценки основных экономических показателей, в том числе и места СССР в мировом хозяйстве. В своем большинстве они не совпадают с официальными данными и значительно тревожней их по своему содержанию. Достоверность их не очень уж высокая, поскольку в большинстве своем они являются гибридом данных ЦСУ СССР, статистических органов ООН, других международных организаций, а также национальных статистических и разведывательных органов западных стран. Попытки составить статистический гибрид из несопоставимых по методологии источников зачастую приводят к плачевным результатам, но за неимением лучшего можно воспользоваться ими, взяв для сравнения те же два показателя, что и в хрущевской программе партии.

Доля СССР в мировой промышленной продукции в соответствии с одной из оценок составляет порядка 15 процентов, в то время как США — 20 процентов, при этом СССР дает примерно 73 процента от уровня США. В расчете выпуска промышленной продукции на душу населения мы отстаем от США в 1,6 раза.

Что касается общественной производительности труда, то, как показывают альтернативные оценки, мы до сих пор отстаем от США в 3,4 раза. И если в промышленности наша производительность труда составляет 45,5 про-

Коллаж Олега ГРАЧЕВА

цента от американского уровня, то в сельском хозяйстве (о, ужас!) — всего 10,4 процента.

Из изложенного выше можно сделать вывод, что в юбилейном справочнике Госкомстата уместней было бы употребить скромный термин «менее».

Можно было бы провозгласить здравицы за то, что удалось-таки поймать нашу хитрую статистику с поличным, вывести ее на чистую воду. Но не будем торопиться. Как можно сравнивать показатели по СССР и США, ведь методология их подсчета разная. Данные по нашей стране, переведенные из рублей в доллары, могут в результате исказить не только динамику производства, но и его структуру. Причина тому — принципиальная несопоставимость директивно устанавливаемых цен у нас и рыночных цен капиталистического хозяйства, сильно завышенный курс советского рубля по отношению ко всем твердым валютам.

СССР еще ни разу не принимал непосредственного участия в регулярно проводимых с конца 60-х годов под эгидой ООН исследованиях вопросов международной сопоставимости. Поэтому практически все оценки нашего места в мировой экономике, которые использовались группой международных экспертов, брались преимущественно из зарубежных публикаций. Однако они являются основой для исчисления взносов нашей страны в бюджет ООН и поэтому пользуются определенным международным авторитетом.

В соответствии с методологией ООН в числе прочих важнейших показателей уровня экономического развития страны является произведенный валовой внутренний продукт (ВВП) и ВВП, приходящийся на душу населения. Если до начала 80-х годов наша страна занимала второе место в мире после США по абсолютному объему ВВП, то в текущем десятилетии мощным рывком на второе место вышел Китай, примерно сравнявшийся по этому показателю с США. На эти две страны приходится по 18 процентов мирового ВВП. Мы занимаем третье место с долей 10 процентов.

Что касается ВВП на душу населения, который является более точным показателем уровня экономического развития страны, то мы находимся лишь на тридцатом месте в мире, пропустив вперед себя практически все основные развитые капиталистические страны, а также такие развивающиеся государства, как Кувейт, Гонконг, Сингапур, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Бахрейн, Тринидад и Тобаго. Как видно, это в основном небольшие нефтедобывающие страны, где высокий душевой доход «намывается» в основном за счет нефтедолларов. Но в числе опережающих нас государств уже две «новые индустриальные страны» — Сингапур и Гонконг,— производящие и экспортирующие огромную номенклатуру промышленной продукции, и это не может не настораживать.

На протяжении многих послевоенных лет нашей сильной стороной были более высокие, чем на Западе, темпы экономического роста. Правда, достигались они в основном за счет экстенсивного вовлечения в производство растущих объемов сырья, материалов, земли, рабочей силы. Когда к середине 70-х годов экстенсивное воспроизводство себя исчерпало и стало пробуксовывать, темпы роста снизились. Из программных документов пришлось убрать многократно повторявшийся ранее тезис о том, что хотя «они» экономически сильнее, но наши темпы выше, и потому мы их догоняем.

Но беда в том, что даже и по темпам роста мы несопоставимы с Западом: разное качество и внутреннее содержание темпов. Главное здесь — растущее отставание в темпах научно-технического прогресса, эффективности использования основных фондов, сырья, энергии, других ключевых для производства факторов. Так, по западным оценкам, по уровню развития компьютерной техники СССР отстал от США

на 7—10 лет, по численности больших и средних компьютеров — в десятки раз, по широте распространения персональных компьютеров — в тысячи раз. И даже в военной сфере, на которую возлагаются сейчас большие надежды в связи с ее конверсией на мирные нужды, СССР находится на уровне США только в 5 из 20 базовых технологических направлений.

Нагнетать количество подобных оценок, свидетельствующих о нашем существенном отставании во многих, если не в большинстве, ключевых областях, нетрудно. И все же важнее понять, почему же советская экономика оказалась оторванной от мирового хозяйства и во многом несопоставима с другими странами?

С моей точки зрения, главная причина заключается в том, что созданный в прошлые годы хозяйственный механизм, основанный на жестком централизованном планировании и командовании, не может априори совмещаться с рыночным хозяйством и конкуренцией. В пику ленинскому учению об управлении экономикой в сталинские времена была создана огромная иерархическая структура управления, которая больше напоминала военную организацию, нежели гражданское общество, во главе которой стоял главнокомандующий.

В результате, давая худо-бедно седьмую часть мировой промышленной продукции, мы на протяжении всего послевоенного времени так и не вышли за рамки 3—4 процентов в мировой торговле. Да и эти жалкие проценты обеспечиваются за счет «неоколониальной» структуры внешнеэкономического оборота: преимущественного экспорта сырья и растущих закупок машин и оборудования.

Несопоставимость удельного веса СССР в мировом производстве с долей в мировой торговле является наиболее четким доказательством нашего мизерного участия в международном разделении труда. В товаре, как известно, фокусируются производственные отношения того строя, той экономической системы, в рамках которой он выпущен. На мировом рынке идет встречный бой товаров, произведенных при капитализме и при социализме, который мы катастрофически проигрываем. Там не действуют никакие другие законы или правила, кроме законов рынка и конкуренции, а значит, главным аргументом могут быть не моральные или идеологические соображения, а только высочайшее качество, умение компетентно и быстро вести коммерческие операции.

Экономика, ориентирующая производителя на выпуск продукции по принципу «меньше и дороже», не в состоянии интегрироваться с экономикой, главный девиз которой — «больше и дешевле». Хозрасчет в доморощенном понимании наших хозяйственников, получивших в условиях реформы большую экономическую самостоятельность, свелся к поддержанию стоимостных объемов производства при меньшем его физическом объеме и численности занятых. Ведь ясно, что легче произвести один кусок мыла на 1 рубль, чем 5 кусков по 20 копеек. Хозрасчет на транспорте понят как перевозка меньшим количеством автобусов большего количества пассажиров. Значит, свободно в автобусе уже никогда не будет.

Натуральное хозяйство безвариантно проигрывает конкурентную борьбу с международным разделением труда. Несопоставимыми оказываются уже не просто отдельные показатели, но и тенденции развития. Вот только некоторые из них.

Развитый капиталистический мир стремительно движется по пути интеграции. К концу 1992 года в рамках Европейского Сообщества, объединяющего большинство западноевропейских стран, намечается снять какие бы то ни было ограничения на передвижение товаров, капиталов, услуг и рабочей силы. Уже посчитан многомиллиардный выигрыш на перспективу от ликвидации всяких межстрановых ограничений на передвижение товаров и факторов производства. Такой мощный импульс взаимопроникновению капиталов позволит ЕС сделать рывок в экономическом и научно-техническом развитии.

Напротив, в рамках СЭВ, который лишь с очень большой натяжкой можно считать интеграционным объединением, явно возобладали центробежные тенденции. Механизм социалистической интеграции, основанный на жестком директивном квотировании взаимных поставок, полностью себя исчерпал. Нового пока нет. Каждое государство стремится ограждать свой потребительский рынок от набегов туристов из соседних стран, вводя высоченные пошлины на вывоз товаров повседневного спроса, а то и вовсе запрещая его: самим, мол, не хватает.

Нечто похожее происходит сейчас и в рамках советской федерации. В условиях растущего дефицита самого необходимого велик соблазн толкаться локтями, отпихивая соседей подальше от прилавка. Убежден, национальной проблемы как таковой у нас нет или по крайней мере она не так остра, как показалось в последние месяцы. У нас есть нехватка элементарных товаров, вину в чем соблазнительно, не мудрствуя лукаво, переложить на соседа. Возникает желание отгородиться от него региональным хозрасчетом, карточной системой продажи товаров, и, что не исключено, собственной валютой.

Корни таких тенденций, идущих абсолютно вразрез с общемировыми экономическими тенденциями, опять-таки в несопоставимости хозяйственных механизмов. Если для нас главная проблема, как произвести товар, а со сбытом вопросов нет, полупустой рынок поглотит все что угодно, то для них главный вопрос, как сбыть товар, производство которого можно наладить в любых масштабах. Поэтому они видят в нас в основном рынок сбыта, который не функционирует в полном масштабе из-за неконвертируемости рубля. Мы же рассчитываем на западных партнеров как носителей передовой технологии, с помощью которой можно было бы наладить современное производство, в чем наши контрагенты не очень заинтересованы, поскольку не хотят порождать себе новых конкурентов.

В рыночной экономике один из самых прибыльных видов бизнеса — туризм, сбыт товаров на внутреннем рынке иностранцам, которые увезут его за границу. Выгода двоякая: продать товар по розничным ценам, включающим все пошлины и налоги, и освободить от него внутренний рынок, чтобы он не мешал продвижению аналогичной продукции гражданам своей страны. Вспоминаю, как в стокгольмском аэропорту мне вернули налоги, уплаченные в составе цены товаров, купленных в городе. Единственное условие — чтобы все они не распечатывались до вывоза за границу. И, кроме того, пригласили, мол, приезжайте и покупайте еще.

Мы же в условиях неспособности наладить массовое производство практически отказались от этой самой выгодной формы экспорта. Согласно постановлению Совета Министров СССР от 30 августа 1989 года «О мерах по регулированию вывоза из СССР товаров народного потребления», иностранным гражданам, находившимся в нашей стране в качестве туристов и по личным делам, запрещается вывозить за границу практически все — от электроприборов до белья. В списке нет разве что банальных матрешек и топорно сработанных сувенирных балалаек, но и те можно покупать на сумму не более 100 рублей.

Отгородившись тем самым прежде всего от рынка стран СЭВ, что незадолго до этого поспешили также сделать и ЧССР, ПНР, ГДР и НРБ, мы еще раньше, закрыв «Березки», отказались от твердой валюты. Теперь советские люди, работающие ценой собственного здоровья где-нибудь в тропической Африке, где купить, кроме местной экзотики, абсолютно нечего, устраивают близкие нашему сердцу очереди во фришопах, например, в Ларнаке, где рейсы Аэрофлота делают промежуточную посадку. Зная, что в Союзе отоварить заработанные здоровьем доллары нельзя, они спускают их зарубежным, не в пример нам предприимчивым дельцам, которые, пользуясь безысходностью человека, страждущего за час стоянки самолета хоть что-то купить, задирают цены, получают огромные сверхприбыли. Неужели эта валюта не нужна нам?! И взять ее достаточно просто на любом дефицитном товаре. Но все дело опять-таки упирается в невозможность его производства.

Парадокс заключается еще и в том, что с начала реформы внешнеэкономической сферы попытки приблизить механизм ее функционирования к общепринятым в мире стандартам пока ни к чему не приводят. Во всех цивилизованных странах государство стремится всячески поддерживать экспортеров, максимально облегчить им доступ на внешний рынок. Разрабатываются и осуществляются целые программы субсидирования экспорта, ведь от этого зависит вес страны в международном разделении труда, ее конкурентные позиции. Импорт зарубежных товаров, напротив, во многих странах ограничивается с целью оградить местных производителей от иностранной конкуренции.

У нас экспортно-импортная политика во многом противоречит экономической логике. Максимально затрудняется экспорт, на львиную долю которого введен лицензионный порядок (необходимо получать разрешение в вышестоящем министерстве), в результате чего у производителей отпадает всякое желание биться за место на мировом рынке. С другой стороны, воздвигаются непреодолимые барьеры и на пути импорта, в том числе и для ввоза крайне нужных зарубежных товаров, которых на внутреннем рынке днем с огнем не сыщешь.

В результате вся философия наших внешнеэкономических связей замыкается на банальный вопрос, на который, как и много лет назад, так и нет конструктивного ответа: где взять валюту, чтобы купить то, что нам нужно? Подавляющее большинство сделок, как и прежде, вращается либо вокруг сырья, многие виды которого, к несчастью, подешевели на мировом рынке, либо вокруг валюты, заработанной на продаже того же сырья. Ой, как далеко нам при таком раскладе от участия в международном разделении труда. Когда мы покупаем зарубежный тепловоз, ставим на него отечественный свисток и говорим, что это международное разделение труда, то это самообман. То, что мы имеем в настоящее время,— это простейшая форма товарообмена, описанная еще до Маркса Адамом Смитом и Давидом Рикардо.

В конце сентября руководство МВЭС обнародовало данные об эффективности наших внешнеэкономических связей. В специально подготовленном пресс-релизе говорится, что это делается в ответ на обвинения, прозвучавшие на Съезде народных депутатов, в том, что внешнеэкономические связи «с рядом социалистических и развивающихся стран невыгодны» и не вносят достаточного вклада в решение социально-экономических проблем. Так вот, если бы старики Смит и Рикардо, не говоря уж о Марксе, посмотрели бы на расчеты МВЭС, то непременно бы отметили, что они доказывают эффективность внешнеэкономических связей только для достопочтенного ведомства, но никак не для экономики страны в целом. Если же просчитать эффективность хотя бы по стародавней теории «сравнительных издержек производства», то придется ужаснуться ее нерациональности.

Последние годы меня как экономиста мучает вопрос, на который не могу найти ответа: случайно ли временное совпадение резкого падения мировых цен на нефть — наш основной экспортный товар — с началом перестройки Горбачева? Не является ли это результатом целенаправленной политики Запада, которая наряду с другими шагами должна была подорвать к середине 80-х годов экономические основы социализма? Эти планы сорвала перестройка, которой все же удается удержать советскую экономику в шатком равновесии на краю экономической пропасти.

Вторая сессия Верховного Совета СССР подтвердила, что сложившаяся ситуация требует чрезвычайных и жестких, если не сказать жестоких, экономических мер. Сейчас эти меры известны. Но безответным остался вопрос: кто же виноват? В соответствии с укоренившейся практикой раньше было достаточно найти крайнего, строго его наказать, снять с работы, исключить из партии, а если есть за что, то и посадить в тюрьму, заменить на другого кадрового работника, и проблема исчерпывалась. Очевидно, что кадровые перемены не давали должного результата, поскольку только единицы новых руководителей оказывались в состоянии переделать под себя закостенелые структуры, а остальные поглощались ими и становились не более чем винтиком в скрежещущих и заржавелых механизмах. Тогда в условиях гласности общественное мнение стало искать виновных в более широком смысле, которых можно было бы избивать до бесконечности, не ущемляя никого лично.

Таких «обобщенных» виноватых оказалось несколько. Во-первых, это бюрократия или, что почти то же самое, аппарат. Улюлюкающая толпа потребовала разогнать министерства, вынуть чиновников из насиженных кресел. Распустили Министерство внешней торговли и Государственный комитет по внешнеэкономическим связям, сделали вместо них одно небольшое Министерство внешнеэкономических связей с регулирующими функциями.

С недавних пор сами производители стали торговать своей продукцией на внешнем рынке. Вместо сотни профессиональных внешнеэкономических объединений уже зарегистрировались в качестве участников внешнеэкономических связей до 10 тысяч предприятий и организаций, подавляющее большинство из которых ни ухом, ни рылом в этом тонком деле. Там, где справлялся один грамотный чиновник в центре, появились 10—15 неквалифицированных чиновников на местах. Центральная бюрократия рассосалась по предприятиям и только преумножилась.

Реальных сдвигов в международной экономической деятельности по сей день нет. Продать по большому счету нечего, экспорт стагнирует, министерства и предприятия по-прежнему требуют валюту у центра на модернизацию производства и импорт ширпотреба. Зато по Парижу и другим западным столицам бродят толпы заводчан, в основном из числа высшего руководства объединений и предприятий, поспешивших истратить заработанные валютные гроши на командировки в развитые страны с мягким климатом и твердой валютой. Как грибы растут всевозможные ассо-

циации делового сотрудничества, ставящие своей целью преимущественно содействовать и сопутствовать экспорту и импорту, но всячески открещивающиеся от производства.

На память приходит опыт Японии. Когда выяснилось, что производителям экспортных товаров невыгодно держать каждому свою внешнеторговую фирму, были созданы многофункциональные торговые дома. Они выступают посредниками между японскими производителями и мировым рынком, торгуют широчайшей номенклатурой товаров и конкурируют друг с другом. На 9 таких торговых домов приходится более 60 процентов внешнеэкономического оборота Японии.

Наши производители каждый стремится иметь внешнеторговую фирму или по крайней мере отдел. Во многом это делается из чисто престижных соображений и не обусловлено никакой экономической необходимостью. В результате, расплодив посредников, мы раздули тот же самый аппарат, который усердно охаивали и топтали на уровне центральных ведомств.

Отодвинув центральный аппарат, производители стали сами активно двигаться к рынку, толком не понимая, что рынок может быть только там, где есть деньги и товар, то есть товарно-денежные отношения. Деньги только тогда реальны, когда под них есть товар; товар только тогда товар, когда его можно купить за деньги. В условиях отсутствия товара и изобилия бумажных, ничего не стоящих денег эти отношения становятся денежно-бестоварными. Они никак не вписываются в марксову формулу «деньги — товар — деньги штрих», которая работает в капиталистической экономике. В условиях отсутствия конкурентоспособного производства чем дальше мы продвигаемся к рынку, тем больше получается базар.

Наиболее четко несопоставимость нашего хозяйственного механизма с рыночным видна в образе мышления советских и западных хозяйственных руководителей. Разговор между ними идет на разных языках: западные экономисты мыслят категориями регулирования насыщенного товарами рынка — процентная ставка, валютный курс, бюджетная субсидия и т. д. Советские директора предприятий оперируют тоннами, штуками, миллионами рублей, из чего сразу же становится ясно, что вот этих-то тонн и штук как раз и не хватает, но рублей зато в избытке. Неоднократно наблюдал за всевозможными дискуссиями за «круглым столом» и могу утверждать, что разговор идет не между экономистами, а между экономистами и снабженцами.

Пока не спасает и предпринятое приближение человека к собственности на продукт его труда. Я имею в виду кооперативы. Тем более что общественное мнение настроено резко против кооператоров, которые считаются спекулянтами, наживающими миллионы на импортных компьютерах, полученных в обмен на сырье и прочее барахло, валяющееся под ногами. Нет, уж пусть лучше валяется, гниет, но продать никому не дадим. 70 лет без компьютера жили и еще проживем. Зато собака останется на сене. Такова «логика» мышления иных людей.

Борьба с кооператорами ведется по разным направлениям, в том числе и под предлогом искоренения спекуляции импортной техникой.

Никак не возьму в толк, почему государственная спекуляция называется у нас коммерцией, а частная коммерция — спекуляцией. Когда государство в несколько десятков раз завышает внутренние цены на купленные по дешевке за рубежом товары — это коммерция. А если предприимчивый человек, не располагающий никакими оргструктурами, на голом энтузиазме собрал, что лежит под ногами и пропадает у всех на глазах, продал это за рубеж и привез оттуда компьютер, которого у нас в стране днем с огнем не сыщешь,— это уже спекуляция. Если так под одну гребенку стричь всех кооператоров — действительных дельцов, ни в грош не ставящих интересы государства ради собственной выгоды, и самородков-коммерсантов, способных на пустом месте делать прибыльный для всех бизнес, то перестройку во внешнеэкономической сфере можно было бы не затевать.

Думаю все же, что отнюдь не только бюрократия или спекулянты виноваты в том, что СССР занимает в мирохозяйственных связях ничтожное место, которое можно сопоставить лишь с долей некоторых слаборазвитых стран. Главная причина такого положения видится мне прежде всего в незаинтересованности советских производителей производить много и дешево, в созданном в прошлые годы замкнутом круге производства ради производства, безвозвратно поглотившем многомиллиардные ресурсы.

Такая ситуация, в свою очередь, проистекает из монопольного положения производителей внутри страны. И дело не только в гигантских супермонополиях, называемых министерствами, каких нет ни в одном западном государстве. До недавнего времени 100 союзных министерств держали под своим полным контролем 57 процентов производимой в промышленности продукции. Сейчас, когда количество министерств сократилось, супермонополии превратились в гипермонополии при во многом фиктивной самостоятельности предприятий.

Нельзя также не учитывать, что у нас в стране существуют сотни маленьких монополек — небольших предприятий, являющихся единственными поставщиками, например, фильтров для сигарет или резиновых автомобильных прокладок, забастуй которые — встанут целые отрасли.

В условиях пустоты на рынке говорить о возрождении конкуренции смешно. Кризис недопроизводства убивает остатки конкуренции, которая одна в состоянии рассосать монополизм и всеохватывающий диктат производителей. Не дело государства определять номенклатуру производства вплоть до количества расчесок, которое потребуется советским людям в следующем году. Это должен делать хорошо отлаженный рыночный механизм, основанный на конкуренции производителей. А государство должно регулировать экономику, и не звонками по «вертушке», а прежде всего через валютно-финансовые и кредитные рычаги.

Но надо отдавать себе отчет в том, что рынка, стерилизованного на социалистический манер, мы не получим. Если хотим конкуренцию, значит, надо быть готовым к банкротству, если будут банкротства, то не избежать и безработицы. Регулируемый государством рынок — единственный жизнеспособный на настоящий момент экономический механизм, который позволил бы нам сделать первые шаги по сближению с мировой экономикой.

Такой рынок исключает политизацию внешнеэкономических связей, которая не в пример другим странам носит у нас гипертрофированный характер. В географической структуре внешнеэкономических связей СССР на социалистические страны приходится 67 процентов, на развитые капиталистические — 22 процента, на развивающиеся — 11 процентов. В то же время структура мирового национального дохода иная: соцстраны (без СССР) дают 15 процентов, развитые капиталистические — 57 процентов и развивающиеся — 14 процентов.

Так что экономически оправданное место во внешнеэкономических связях СССР занимают только развивающиеся страны. Непропорционально большая доля социалистических стран объясняется не только тем, что им за поставки не надо платить твердой валютой (достаточно и переводных рублей), но и политической установкой на приоритетное развитие экономического сотрудничества именно с ними. Низкий удельный вес развитых капиталистических стран — это не только следствие дискриминационных ограничений с их стороны, как это иногда преподносится в советской печати, но и результат отсутствия у нас достаточного количества конкурентоспособных товаров, которые можно было бы предложить на западный рынок.

Создается ощущение, что мы вконец запутались в своих экономических взаимоотношениях с развивающимися странами. Высокая политизация отношений с некоторыми из них убивает остатки коммерции. Наша модель содействия их развитию традиционно ориентировалась на поддержку прогрессивных режимов, сотрудничество с государственным сектором, создание производственных гигантов. Но нередко получалось и так, что ранее прогрессивные правительства, не без нашей помощи поднабравшись силенок, резко сворачивали на тернистую капиталистическую тропу. Государственный сектор, не справившийся с задачами производства, продавался в частные руки. Построенные при нашем содействии промышленные гиганты вообще выпадали из структуры слаборазвитой экономики, эксплуатировались не на полную мощность и нередко только благодаря присутствию там советских специалистов.

Экономическая эффективность сотрудничества с развивающимися странами — тайна за семью печатями. Видимо, не очень уже выгодны эти сведения для МВЭС, чтобы их обнародовать. Но все же над теми данными, которые опубликованы, можно поразмышлять.

В результате многолетнего технико-экономического содействия развивающиеся страны задолжали нам в общей сложности 87,5 миллиарда рублей, из которых примерно четвертая часть — свыше 20 миллиардов рублей — долг в твердой валюте. То есть примерно столько же, сколько составляет наша чистая задолженность Западу. Конечно, было бы здорово взять то, что нам причитается от развивающихся стран, да и погасить долги Западу.

Но беда в том, что многие наши должники либо вообще не могут платить и постоянно просят об отсрочках, либо не в состоянии платить валютой и просят принять в погашение товары их народных промыслов. Коврики из соломы и сушеные крокодилы не первоочередная потребность, но приходится брать и их, иначе можно не получить вообще ничего.

Тем не менее, по официальным данным, СССР оказывает развивающимся странам, включая социалистические, ежегодную помощь в размере 1,4% от ВНП (12 миллиардов рублей в 1988 году), тогда как США, имеющие в два с лишним раза больший ВНП, чем наш, ограничиваются 0,2 процента.

Правомерен вопрос: а по карману ли нашей разоренной кризисом стране такие затраты? Не пора ли отказаться от финансовой и материальной подпитки правительств, которые не имеют широкой народной опоры и не в состоянии содержать себя? Не надо ли пересмотреть саму структуру нашей помощи, в которой, по американским оценкам, военный компонент в 1,8 раза больше, чем гражданский, тогда как в американской помощи преобладают гражданские поставки?

Безусловно, не обойтись без политического ущерба. Но будет и самоочищение, страна избавится от многих, кто уже привык к нашей экономической поддержке и не очень-то заботится о повышении эффективности своего хозяйства. И, самое главное, это позволит честно взглянуть в глаза потенциальным коммерческим партнерам, войти в международное разделение труда с далеко идущими экономическими, а не конъюнктурными политическими целями.

Отсутствуя по большому счету на мировых товарных рынках, СССР также практически не участвует и в международном движении капитала, являющемся сегодня основой интернационализации хозяйственной жизни, повышения эффективности производства и качества продукции. Вывозя капитал, США, Западная Европа, Япония уже создали за рубежом свои «вторые экономики», во многом сопоставимые по масштабам с «первыми».

В результате взаимопереплетения капиталов простые люди не испытывают уж очень больших неудобств от того, что их правительство (например, американское) должно другим странам полтриллиона долларов. На их месте в американской экономике работают японские и западноевропейские капиталы, внедрение которых в хозяйство США говорит о том, что они несут с собой более высокую технологию, организацию производства, опыт управления, новые рабочие места, более высокую зарплату. В экономике открытого типа внешний долг до определенных пределов является необходимым стимулом развития и регулируется такими мощными инструментами, как курс валюты, ставка процента.

Другое дело у нас. На протяжении всех лет Советской власти мы капитала практически не вывозили (если не считать мизерные вложения в смешанные акционерные компании за рубежом) и до недавнего времени запрещали его ввозить. Не вывозили мы капитала не только потому, что у нас как в рыночной экономике просто нет относительно избыточного капитала, но и потому, что у нас не было понимания необходимости участия в международном движении капитала. Мы не импортировали капитала, поскольку как черт ладана боялись пресловутой конвергенции, которую нетрудно разглядеть в любой форме экономического взаимодействия. Такой талмудистикой активно занимались и на Западе, доказывая нам ненужность и даже опасность создания законодательных предпосылок для совместного предпринимательства на нашей территории, во что мы охотно верили.

Новое политическое мышление раскололо эту догму. Уже создано около 1000 СП. Правда, из них реально функционируют около ста, остальные существуют только на бумаге. Большинство из работающих ориентируются не на производство, а на торгово-посреднические операции, только единицы экспортируют продукцию за твердую валюту, остальные продают ее на внутреннем рынке за рубли.

Широкое развитие импорта производственного капитала и его использование в интересах социалистического строительства — дело будущего. Но уже сейчас вследствие пассивности инвестиционной политики и необходимости постоянного латания дыр усложнилось международное финансовое положение страны. Дальнейшее развитие совместного предпринимательства на нашей территории да и вообще активная внешнеэкономическая политика вряд ли будут возможны, если не удастся сбросить бремя внешней задолженности.

Размер нашего внешнего долга значительно скромнее по сравнению с американским, но для нас в условиях оторванности от мирового хозяйства и движения капиталов он является куда более тяжелой ношей. Данные о внешней задолженности на протяжении многих лет скрывались, хотя на Западе они

были хорошо известны, ведь именно западные банки предоставляют нам средства, отчеты о чем публикуются.

На первом Съезде народных депутатов Н. И. Рыжков назвал цифру задолженности — 34 миллиарда рублей. Сама по себе она ничего не говорит, ее надо сравнить с другими показателями. Наиболее тревожным является тот факт, что размер нашего долга уже в два раза выше, чем поступления твердой валюты от экспорта товаров и услуг — 16 миллиардов рублей в текущем году. Из них мы вынуждены сразу же отдавать кредиторам 12 миллиардов рублей в счет выплат по обслуживанию долга (выплаты основных сумм долга плюс проценты).

Из международной практики известно, что, когда погашение кредитов превышает четверть валютных поступлений, приближаются долговой кризис и неплатежеспособность. У нас это соотношение составляет уже ¾. После всех выплат из валютных доходов у нас остается только 4 миллиарда рублей, тогда как только на импорт зерна и продовольствия нужно ежегодно более 5 миллиардов рублей в валюте. На уплату процентов по долгам уже не хватает всех поступлений за экспорт нефти.

Значит, для того, чтобы купить хотя бы продовольствие, без которого обойтись нельзя, нужно взять вновь взаймы не менее миллиарда. А ведь приходится приобретать также машины, оборудование, химические товары, другую продукцию, которую мы не в состоянии сами произвести и без которой отставание и, значит, оторванность от мирового хозяйства еще усугубятся.

Сегодня нам приходится расплачиваться полным рублем за бездумную кредитную политику застойных лет, когда половину средств, получаемых от экспорта дорогой нефти, мы проели, пропили и прокурили. Сегодня такой трюк уже не пройдет. Если в 1984 году за одну тонну проданной нефти мы могли купить на мировом рынке 4 тонны зерна, то в прошлом году уже 1,5 тонны. Добывать нефть стало дорого, да и мировому рынку, где вследствие внедрения энергосбережения упала потребность в энергоносителях, такого количества просто не надо.

С надрывом полученные валютные рубли зачастую используются бездарно. Затратная экономика как губка впитывает новые займы и требует еще для покрытия дефицита. Производство на импортном оборудовании не дает продукции мирового уровня качества. Дармовая для производителей зарубежная техника, за которую расплачивалось государство, годами валяется на дворах предприятий, гниет, ржавеет, растаскивается. По сей день там лежит оборудования на 5 миллиардов инвалютных рублей.

Кроме отечественного разгильдяйства и некомпетентности, валютную ситуацию страны усугубили и внешние факторы: в первой половине 80-х годов в долговом кризисе оказались некоторые братские социалистические страны. Советский Союз, верный своему интернациональному долгу, оказал им необходимую экономическую помощь в самых разных формах, вплоть до предоставления валютных займов, отсрочек платежей по их долгам, дополнительных поставок энергоресурсов и т. д.

В результате сейчас мы имеем то, что имеем. Дальше залезать в долги не только неразумно, но и опасно. Но и бояться кредитов, бежать от них не следует. Иначе и в этой сфере мы перекроем те хилые каналы, которые пока связывают нас с международной финансовой системой. Долги опасны только при буксующей экономике и бездарном использовании займов. Здоровой экономике разумные размеры долга не страшны.

Возникает вопрос: при всем негативе, накопившемся в области внешнеэкономических связей СССР, есть ли какая-то позитивная программа выхода из продолжающегося кризиса в этой сфере? Ю. Д. Маслюков, выступая на первой сессии Верховного Совета СССР, утверждал, что такая программа есть. В подтверждение он привел достаточно яркие цифровые выкладки относительно того, как правительство собирается укреплять мирохозяйственные позиции страны.

Думаю, однако, что это только первый подход к разработке новой мирохозяйственной стратегии. С моей точки зрения, реформа внешнеэкономических связей страдает двумя основными недостатками: преобладание организационных изменений, которые сильно опережают формирование новой философии мирохозяйственных связей, и бухгалтерско-статистический подход, в соответствии с которым превышение экспорта над импортом, снижение внешнего долга, сдвиги в других статистических показателях однозначно трактуются как позитивная динамика и свидетельство улучшения внешнеэкономического положения.

Но что такое отрицательное сальдо торгового баланса, например, у США? Значит, американский рынок весьма привлекателен для экспортеров. И покупатель на переполненном потребительском рынке может приобрести более дешевый или более качественный товар иностранного производства. Рядовые американцы от отрицательного сальдо никаких особых неудобств не испытывают.

Выход из хозяйственной замкнутости, достижение необходимого уровня внешнеэкономической открытости безвариантно необходимы, если мы серьезно хотим приблизиться к мировым стандартам производства и качества жизни развитых стран. Важно обеспечить прямое сопоставление издержек производства, формирование стоимости и ценовых пропорций на интернациональной основе. Для этого нужна не просто новая внешнеэкономическая стратегия, но и продуманная концепция интеграции страны в мировое хозяйство, основанная на новом экономическом мышлении.

Такое мышление должно исходить из приоритета коммерческих расчетов перед конъюнктурными политическими соображениями, на трезвой оценке всего позитивного и негативного опыта развития нашей внешнеэкономической стратегии и тактики последних десятилетий. Надо смелее отбрасывать изжившие себя формы и принципы взаимоотношений, идти на открытость там, где это разумно с точки зрения общенациональных интересов, и не допускать во внешнюю сферу мародеров и спекулянтов, как из числа предприятий, так и частных лиц.

По моему мнению, интеграция СССР в мировое хозяйство, достижение принципиальной сопоставимости с его основными параметрами могли бы происходить в несколько основных этапов. Начать надо с введения в стране человеческой экономической статистики, перехода к расчету и публикации принятых в мировой практике экономических показателей. В основу лучше было бы взять отработанную методологию, принятую в таких авторитетных организациях, как ООН, Международный валютный фонд, Мировой банк, Организация экономического сотрудничества и развития, разумеется, с поправкой на наши реалии.

Заодно было бы неплохо и заглянуть в издания этих организаций, чтобы убедиться, какая степень подробности статистической информации необходима, чтобы она имела аналитическую ценность. Тогда вряд ли и дальше мы будем впервые сообщать те или иные данные (например, военные расходы или размер внешнего долга) в виде одной-единственной цифры, не оговариваясь, в каких — постоянных или текущих — ценах они исчислены, какова была их динамика в прошлые годы. Пока откровения министров, впервые сообщающих те или иные сведения, у серьезных советских и зарубежных экономистов вызывают недоумение, поскольку, будучи вырванными из статистических рядов, они почти что ни о чем не говорят.

На следующем этапе, который фактически уже начался, крайне важно с помощью чрезвычайных мер государственной политики стабилизировать экономическое и финансовое положение страны, прекратить эмиссию не обеспеченных товарами денег, за счет жесточайшего сокращения государственных расходов сократить до приемлемого уровня дефицит госбюджета, минимально сбалансировать спрос и предложение на потребительском рынке. Параллельно необходимы радикальные реформы в структуре производства, признание правомерными при социализме любых форм собственности, кроме тех, что основаны на эксплуатации человека человеком. Государство должно создать производителям такие экономические условия, которые заставили бы их производить много дешевой продукции, а самому заняться макроэкономическим регулированием.

Только на этой основе возможен переход к реальному, а не фиктивному социалистическому рынку, который по некоторым параметрам своего функционирования уже сможет сопоставляться с мировым. Торговля на таком рынке средствами производства, предметами потребления, иностранной валютой не только укрепит рубль, наполнит его материальным содержанием, но и позволит нам активнее включиться в международный экономический оборот, создаст предпосылки для постепенного перехода к конвертируемости рубля.

Обратимая валюта — задача следующего этапа нашей интеграции в мировое хозяйство и тема отдельного разговора. Отмечу только, что без конвертируемости рубля, установления его реального курса по отношению к валютам развитых стран мы не будем в состоянии сопоставить наши издержки производства с мировыми, а значит, и точно определить наше положение в мировой экономике.

Достижение конвертируемости невозможно без предварительного насыщения внутреннего рынка с тем, чтобы на рубль можно было гарантированно купить товар (так называемая внутренняя конвертируемость), без создания конкурентоспособного экспортного сектора, который подтвердил бы товарами стоимость нашего рубля за рубежом, и, самое главное, без радикальной реформы внутренних цен. Несмотря на всю непопулярность этой идеи, очевидно, что от такой реформы в будущем нам не уйти. Необходимо и понимание того, что по очень широкой номенклатуре товаров цены придется повышать, и существенно, приближая их к мировым.

Наконец, на определенном этапе нашего вхождения в мировое хозяйство, когда внутри страны удастся создать необходимые экономические предпосылки, можно будет поставить вопрос о членстве в крупнейших международных организациях, регулирующих мировую торговлю и валютно-кредитные отношения,— ГАТТ, МВФ, МБРР. Наша оторванность от этих признанных многосторонних организаций, играющих основную роль во многих ключевых областях международных экономических отношений, сейчас не только наносит нам прямой экономический ущерб в виде переплачиваемых пошлин и невозможности пользоваться кредитами, но и не позволяет элементарно быть в курсе основных событий в мировой экономике.

Только решительно отбросив нагромождавшиеся годами догмы и стереотипы относительно нашей мирохозяйственной стратегии, круто изменив ее в отдельных, наиболее одиозных проявлениях, обеспечив принципиальную сопоставимость нашего хозяйственного механизма с рыночным, мы сможем занять достойное великой страны место в мировой экономике, повысить жизненный уровень советского человека. Первые шаги уже сделаны. Критически оценивая их, надо идти дальше.

«ЗА И ПРОТИВ»

Журнал «Огонек» и Всесоюзный центр изучения общественного мнения начинают новую рубрику «За и против», в которой будут регулярно публиковаться результаты опросов общественного мнения страны, проводимых Всесоюзным центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 25 региональных отделений ВЦИОМ несколько раз в месяц опрашивают людей, живущих в городах и селах различных районов страны, представителей всех социальных слоев и групп.

То, что мы узнаем, не всегда открытие; однако мы можем точнее, чем кто-либо, сказать, насколько распространена та или иная точка зрения, какой процент населения страны той или иной социальной группы или населения региона готов поддержать новый закон, а сколько людей возражают против него, что больше всего тревожит народ и на что он надеется.

Картина, которую мы выясняем, далека от «единодушной поддержки», как было принято говорить несколько лет назад. Взгляды сталкиваются, противоречат друг другу, выражают различные, часто конфликтующие интересы. Общество бурлит. Старые представления разрушаются, новые рождаются с трудом. Плюрализм мнений — реальная черта массового сознания.

Поскольку до недавнего времени опросы общественного мнения не проводились, нам нужно выяснить мнение людей — и одновременно помочь узнать, что думают остальные,— сразу по многим важным вопросам. Чаще всего приходится выбирать наиболее актуальные, а значит, и острые — в экономике, политике, нашей каждодневной жизни. Некоторые результаты опросов, проведенных в августе — сентябре, приводятся ниже.

ЧИТАЯ ПОЧТУ

СТАРИКИ НЕ МОГУТ ЖДАТЬ

Думаем ли мы об этом в повседневной нашей суете? Сознаем ли, что живем за их счет,— на те деньги, что им недоплачены в тридцатых, пятидесятых и теперь — в конце восьмидесятых годов?

Не наша вина, скажете? Да, это так. Но ведь и беда общая. И судьба одна — с небольшими поправками на время и место действия. Голод, репрессии и — ударный труд, энтузиазм первых пятилеток, о котором до сих пор они вспоминают ностальгически. Война, потери близких, и снова голод, разруха, и снова работа, не щадя здоровья и сил. И снова все для Родины, даже рубли из скудной

ВОПРОС: ***Мы находимся на пятом году перестройки. Как вы считаете, приведут ли изменения, происшедшие за это время, к заметному улучшению положения в стране в ближайшие годы?***

1. Да, изменения приведут к заметному улучшению положения — 12,1 проц.
2. Да, но изменения будут незначительными — 34,9 проц.
3. Нет, эти изменения не дадут улучшения, все останется как есть — 16,4 проц.
4. Нет, положение только ухудшится — 18,5 проц.
5. Затрудняюсь ответить — 18,1 проц.

ВОПРОС: ***Как бы вы оценили материальное положение вашей семьи по сравнению с тем, что было 2—3 года назад?***

1. Скорее улучшилось — 23,8 проц.
2. Осталось без изменения — 52,7 проц.
3. Скорее ухудшилось — 23,5 проц.

ВОПРОС: ***Нужно ли и дальше развивать кооперацию или ее следует сворачивать?***

1. Кооперацию нужно развивать — 45,1 проц.
2. Кооперацию нужно сворачивать — 29,8 проц.
3. Мне это безразлично — 10,0 проц.
4. Затрудняюсь ответить — 15,1 проц.

ВОПРОС: ***Те, кто желает добра своему народу, должны прежде всего:***

	Арм.	Приб.	РСФСР	Укр.
		в процентах		
1. Заботиться о единстве и сплоченности Союза ССР	10,6	10,2	63,4	30,9
2. Добиваться, чтобы у нас был «сильный центр и сильные республики»	4,8	9,6	19,5	17,2
3. Сосредоточить все силы на сохранении родного языка и культуры	52,9	25,6	8,8	20,6
4. Добиваться экономической самостоятельности республики	26,0	43,5	14,8	32,4
5. Добиваться полного политического самоопределения республики, не исключая отделения от Союза ССР	17,3	47,0	9,9	20,6
6. Затрудняюсь ответить	1,9	2,9	7,5	4,9

(Отвечавшие на этот вопрос могли выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма процентов превышает 100 проц.)

Фото **Владимира КАКОВКИНА**

Часть приведенных результатов говорит сама за себя, часть требует объяснения. В будущем мы будем давать анализ массовых взглядов и направлений их изменений. Ждем и ваших оценок того, что происходит сейчас в умах людей.

ВЦИОМ проводит изучение общественного мнения по заказам государственных, общественных, кооперативных организаций по любым интересующим их проблемам. Адрес ВЦИОМа: Москва, Ленинский проспект, 146, тел. 438-51-77.

«ЗА и ПРОТИВ»

зарплаты — займы, во имя светлого будущего. Они были первыми — на труд и на смерть. А стали последними — в размере пенсии, в очереди на жилье, на телефон, на лечение.

Называют цифры — двадцать процентов населения живет у нас за чертой бедности, из них пятая часть старики. Но кто измерил черту, за которой начинается нищета? Официальная статистика молчит об этом. С 1 октября минимальный размер пенсии становится 70 рублей: Закон о неотложных мерах по улучшению пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения улучшит таким образом жизнь 20 миллионам человек. Но нам ли с вами не знать, что такое сегодняшние 70 рублей, тем более для одинокого, а таких в старости немало, часто больного человека.

Скажете: много ли старому человеку надо? Может быть, и немного. Но ведь и это немногое должно быть. Например, лекарства. Они для наших надорвавшихся стариков тот же хлеб насущный. Но хороших лекарств нет: импорт, и они дороги. Впрочем, дорогие врач им ни за что не пропишет. Из гуманных якобы соображений. Узнать бы, откуда это пошло. Может, есть такая негласная инструкция?

Но вот была ли инструкция не продвигать в очереди на жилье, тянуть с установкой телефона, который для пожилого немощного человека — предмет первой необходимости? Писем с подобными жалобами немало в редакционной почте.

И еще одна серьезная очередь — в дома для престарелых. Ее длина — 28 с половиной тысяч беспомощных людей, которым некому помочь. Сколько лет им придется ждать? И дождутся ли?

Есть страшная цифра: около 50 тысяч стариков живут в лечебных учреждениях, в основном в сельских больницах, а это значит, что им не к кому и некуда идти. Разве что в занесенный снегом, заколоченный, холодный дом.

Все это проблемы государства, власти — обеспечить социальную защищенность человека, в какой бы глубинке он ни жил. Об этом — каждое четвертое письмо из тех, что получает «Огонек». Есть даже рецепты, как помочь правительству справиться с таким положением. «Позор, что в стране социализма есть люди, получающие пенсии ниже прожиточного минимума, и обладателями этих позорных пенсий являются люди старшего поколения, вынесшие на своих плечах и сталинский геноцид, и военное лихо, и послевоенную голодную пору,— пишет Ю. И. Белов, кандидат технических наук из Балашихи Московской области.— Предлагаю,— говорит он далее,— установить минимальную пенсию на уровне реального прожиточного минимума. Естественно возникает вопрос, где взять деньги. Пусть экономисты подсчитают, сколько нужно средств на эту акцию и сколько нужно провести субботников, чтобы покрыть все расходы. Сказать от имени правительства народу, что понадобится, например, четыре субботника. Уверен, когда люди будут знать, на что пошли заработанные ими рубли, они поддержат. В конце концов неужели мы, молодые и здоровые, не можем не на словах, а на деле помочь старым и больным людям?! Сейчас, когда страна на грани катастрофы, мы только трудом можем что-то исправить. Так давайте же сделаем первый шаг».

Трудно сказать, спасут ли наших стариков субботники. Но в любом случае долги надо платить: старики ждать не могут. Да и каждый из нас должен быть уверен, что, переступив пенсионный рубеж, сохранит право на достойную жизнь.

Новый пенсионный закон, который ждет сейчас утверждения в Верховном Совете СССР, должен гарантировать это право, и не только сегодня. Он обязан обеспечить его навсегда.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

КАК ПОМОЧЬ БЕЗДОМНЫМ●
МОССОВЕТ ПРОТИВ МЖК?●

■

Мною было написано обращение к Съезду народных депутатов СССР в защиту бездомных нашей страны, с целью признания самого факта их существования и выделения средств для помощи им, создания комитета, фонда, приюта, цель которых — поддержать человека, вернуть его обществу. Обращение подписали 23 депутата: от рабочего до академика. Депутатом А. В. Цалко оно было передано в президиум Съезда.

Прошло уже несколько месяцев, закончилась 1-я, началась 2-я сессия Верховного Совета, но проблема бездомных нашей страны остается проблемой только бездомных.

Причина бездомности может быть самая безобидная: развод, пожар (когда сгорает личный дом) или когда человек, освободившийся из заключения, не может прописаться к родственникам. Ошибочно думать, что основную часть бездомных составляют бомжи, выпрашивающие милостыню по электричкам, или молодые тунеядцы, странствующие по городам и весям. И те, и другие лишь малая часть, «пена» на гребне трехмиллионной волны.

Сейчас людей, по каким-либо причинам утративших право на жилье, не только не поддерживают морально, но даже преследуют за бродяжничество. Выступающий на Съезде депутат А. Лиханов назвал цифру в 900 тысяч детей, ежегодно задерживаемых милицией.

В других странах эта проблема государственная, и помощь беднейшим из бедных, лишенным всего, выделение средств, помощь в создании благотворительных фондов являются важнейшими задачами правового государства. Например, в США для строительства жилья бездомным выделяется 8 миллиардов долларов ежегодно.

Теперь официально фонд имеет свой счет: Р/С 000461403 Ялтинский промстройбанк МФО 324720. Решается вопрос о выделении здания. Фонд обращается ко всем организациям, кооперативам с просьбой предоставить помещение для организации приюта долгосрочного пользования как безвозмездно, так и за соответствующую плату.

Мы обращаемся к народным депутатам принять закон о помощи, милосердии, правовой защите каждого гражданина.

Просим поддержать фонд помощи бедным людям, не имеющим крыши над головой, помочь получить несколько зданий под приюты. Сегодня жизнь и будущее трех миллионов бездомных — в ваших руках.

Е. ТРЕТЬЯКОВ,
представитель Комитета социальной защиты
Ялта

■

Мы, сотрудники Института государства и права АН СССР, испытываем чувство глубокой вины и большого стыда перед детьми-сиротами школы-интерната № 68 г. Москвы, так как, являясь юристами по образованию, не можем обеспечить им элементарную социальную и правовую защищенность. Два года мы боремся с администрацией школы-интерната, сталкиваясь с преступным равнодушием к судьбам детей, с насилием, грубостью, произволом, жестокостью по отношению к обездоленным детям. Поводом для обращения в редакцию послужил следующий факт.

В будний день поздно вечером мы встретили двух воспитанников интерната в возрасте 12—14 лет, разгружающих машину арбузов под проливным дождем. Оказалось, что ребята сбежали из интерната, боясь грозящего им помещения в загородную психиатрическую больницу. Дело в том, что в интернате давно стало практикой отправлять ребят в психиатрические учреждения за малейшие провинности и плохое поведение (зачастую с вымышленным диагнозом). В настоящее время ребята находятся без надзора, живут на чердаках, изыскивают средства на еду законными и незаконными способами, каждый день подвергаются опасности попасть в беду. Они боятся вернуться в интернат, так как знают, что будут подвергнуты жестокому наказанию за побег и теперь уже наверняка окажутся в психбольницах. Круг замкнулся: они убегают из страха перед психбольницей, а их побеги используются как формальный повод для отправления их в эти лечебные учреждения. Судя по публикациям, эта ситуация довольно типична и для других сиротских учреждений.

Мы взываем ко всем, кому не безразлична судьба детей-сирот, к официальным органам, которые обязаны обеспечивать защиту их прав и интересов, и требуем покончить с бесчеловечным отношением к детям.

Л. НАСЫРОВА, Э. ПАВЛОВА, В. УСТЮКОВА

■

Мы, члены МЖК «Сретенка», до глубины души возмущены действиями руководителей Дзержинского райисполкома и Мосгорисполкома. Считаем, что нас жестоко обманули функционеры исполнительных комитетов, поступившись совестью и честью.

Свердловская инициатива дошла до Москвы, и в 1986 году появилось добровольное общество МЖК «Сретенка». 350 молодых людей из 26 предприятий-дольщиков нашего района включились в соцсоревнование «За право быть жителем МЖК», отработав в свое свободное время 70 000 часов на объектах района. Поверив в решения Мосгорисполкома № 391 от 23.02.87 года и № 1039 от 18.05.88 года, закрепившие за МЖК часть домов 269-го квартала ул. Сретенки, победители соцсоревнования уволились со своих предприятий в строительные организации. Членами МЖК уже отработана вся дополнительная трудовая программа на город, составляющая треть всей трудовой программы. С сентября 1988 года бойцы стройотряда освоили объемы работ на сумму 1,5 млн. рублей. Среди объектов, где работали члены МЖК,— госпиталь ветеранов Великой Отечественной войны, штаб строительства центра «Строю дом афганцам», школа, детсад, жилые дома.

И мы работали не за страх, а за совесть и верили, что, решая социальную программу города, получим долгожданное жилье.

И вдруг ушат холодной воды: на заседании Дзержинского исполкома по вопросу о начале строительства МЖК «Сретенка» председатель исполкома Г. А. Плужников предлагает передать подготовленную стройплощадку строительным организациям КГБ СССР.

Кроме того, нам становится известно, что в стенах Моссовета энергично, но бесшумно готовится решение о передаче домов 269-го квартала КГБ СССР, в котором, в частности, отменяются решения Мосгорисполкома о создании МЖК по указанному адресу. Готовится решение, которое, по сути, ликвидирует движение МЖК в Дзержинском районе.

Мы столкнулись с вопиющим фактом нарушения прав молодежи и с прямым обманом бюрократов от Советской власти. Кто позволил этим людям, пользуясь властью, которую им доверил народ, так жестоко играть их судьбами?

К сожалению, в своем трагическом положении мы не одиноки. Под разными предлогами тормозится реконструкция домов МЖК в Краснопресненском, Кунцевском, Перовском, Бабушкинском и других районах Москвы.

Ф. ЭЛЬКУН, Б. ДЕЛ РИО и другие.

Дорогие друзья!
К 1 октября 1989 года нашими подписчиками стали 3 251 200 человек.
Это 105,5 процента по сравнению с 1 января 1989 года.
Благодарим за оказанное доверие и напоминаем, что подписка продолжается до 1 ноября.

В течение этого года вы получали журнал с одной цветной вкладкой.
Сообщаем приятную новость: с Нового года журнал будет выходить в прежнем объеме (с двумя цветными вкладками).

■

Обращаюсь в ваш журнал, как один из наиболее прогрессивных изданий в СССР, в надежде, что мое письмо будет опубликовано и я получу ответ на мои вопросы.

Я — бизнесмен средней руки, канадский гражданин, имеющий русские корни и в душе считающий себя русским. Зная о перестройке в вашей стране и экономическом застое, хотел бы установить взаимовыгодный бизнес с советскими людьми. Моя фирма обладает экспертизой и знанием технологии, в которых отчаянно нуждается ваша страна. Однако все мои попытки установления деловых контактов натыкаются на стену вашей бюрократии.

Я, конечно, понимаю, что вашим бюрократам наиболее выгодно вести дела с крупными западными монополиями и картелями, которые могут оплачивать все их поездки за рубеж, развлечения и дорогостоящие подарки. Необходимо отметить, что любой крупный бизнес, вступая в деловые контакты, в погоне за большими прибылями в конечном счете грабит вашу страну. Наряду с этим сотрудничество с бизнесменами средней руки может быть более эффективным, равноправным и взаимовыгодным. Правда, в этом случае вашим бюрократам и взяточникам здесь негде поживиться.

Для примера, мой запрос в торговое представительство СССР в Канаде о возможностях сотрудничества был отфутболен с отпиской обращаться в Торговую палату на ул. Куйбышева, 6, Москва. Господа, работающие по последнему адресу, вообще не затруднили себя с ответом. Является ли это типичным примером ведения советского бизнеса? Ваша государственная бюрократия тратит миллионы на рекламную кампанию с призывами к сотрудничеству и в то же время обдает ушатом холодной воды любой интерес к этому.

Практически ваша перестройка буксует на одном и том же месте, и никаких существенных результатов не видно. Проснитесь, господа! Время идет, время, работающее против вас! Время — это деньги, и немалые, которые вы теряете. Должно прийти время не только слов, но и действий!

Не исключаю возможности того, что это письмо не дойдет до вас. Поэтому в случае вашего молчания мои впечатления и замечания о реальности сотрудничества Запада с СССР будут опубликованы в западной прессе.

В. БАЛФУР
Канада

■

Правдивая и смелая публикация А. Головкова «Нить надежды» успокаивает страсти недовольного народа лучше, чем поучения центрального партийного аппарата, ибо вселя-

ет надежду, что в России есть мыслящие люди, которые нас понимают, что еще не весь русский народ настроен против возрождения обреченных сталинизмом народов других республик, а лишь представители имперского мышления.

Конечно, как и в любом народе, у нас есть люди, живущие ностальгией по прошлому. Но не они определяют наши настроения. Мы не хотим вернуться на уровень своего государственного развития сороковых годов. Мы хотим идти путем прогресса вместе с другими народами. Но мы не умеем и не сможем жить чужой жизнью. Равно как и Россия в свое время не хотела жить жизнью могущественных монголов, элегантных французов или организованных немцев. Наше экономическое и общественное развитие до тех пор будет в кризисном состоянии, пока не устраним созданное имперскими аппетитами Сталина противоречие между единой политико-экономической системой и применением ее к союзным республикам, имеющим совершенно разные исторические, экономические, правовые традиции.

Именно поэтому сущностью «национального вопроса» является не чисто межнациональные конфликты, а борьба старого с новым, сталинизма с перестройкой. Раздувая миф об опасности национализма Прибалтийских республик, застойные силы надеются, что будет применен умиротворяющий сталинский «железный кулак» и закончатся демократические преобразования.

Мы все должны стараться, чтобы больше людей знали правду и таким образом открылся бы путь к взаимопониманию народов.

К. ЧИЛИНСКАС,
адвокат, член литовского республиканского правления общества «Знание»
Литовская ССР.

■

В № 32 было опубликовано письмо 12 преподавателей Ленинградского технологического института о том, что Минвуз РСФСР в течение десяти лет настойчиво возвращает на должность зав. кафедрой философии профессора В. И. Клушина (мужа Нины Андреевой). По нашему мнению, его коллег-преподавателей, он давно потерял моральное право и всякий авторитет учить и воспитывать студентов за написание в 70-х годах анонимных писем.

Сейчас мы вторично обращаемся в редакцию журнала, чтобы проинформировать о последствиях публикации и вновь просить помощи.

Дело в том, что традиционные методы усмирения несогласных, так хорошо отработанные в 70-е годы, оказывается, действуют и сейчас. Что же произошло? Состоялся визит в институт члена парткомиссии обкома т. Е. Г. Герасимова. Целью его встречи с нами, авторами письма, было ознакомление с документами, которыми в свое время руководствовалось бюро обкома КПСС при пересмотре персональных дел тт. В. И. Клушина и Н. А. Андреевой и отмене решения парткома ЛТИ, Ленинского РК КПСС и бюро ЛГК КПСС. Однако у нас сложилось впечатление, что ЛОК КПСС и КПК при ЦК КПСС в то время рассматривали не объективные факты, а выполняли чье-то указание. Это и позволило «отозвать» непроверженные доказательства истинного авторства анонимок.

Одновременно в институт прислали комиссию Минвуза РСФСР для проверки работы с кадрами на кафедрах общественных наук. Странное дело, комиссия появилась после издания приказа о восстановлении Клушина В. И.! Какие выводы могли сделать члены этой комиссии?

Следом за первой — комиссия Госкомобразования СССР, в план работы которой по проверке деятельности научно-исследовательских частей нескольких ленинградских вузов почему-то спешно включили и ЛТИ. Подобные комиссии нам достаточно хорошо знакомы, так же как и их цель — подобрать материал, с помощью которого можно будет «взять на крючок» институт.

Нам стало известно содержание обращений В. И. Клушина в вышестоящие организации, во-первых, о восстановлении его в прежней должности и, во-вторых, о создании комиссии по проверке института. События показали, что обе просьбы были исполнены. Для Минвуза при желании это не составляет труда, так как сочиненные там инструкции о порядке избрания на конкурсные должности (приказ № 500 от 10.07.87) в силу содержащихся в них явных противоречий точно выполнить невозможно. Таким образом, всегда есть повод для вмешательства в дела любого вуза.

Наша надежда на то,что подобные методы уходят в прошлое, основательно поколеблена. Письмо, подобное опубликованному в вашем журнале, было направлено также в Комитет по науке, народному образованию, культуре и воспитанию Верховного Совета СССР. Председатель этого комитета в духе тех же традиций переправил его в... Минвуз. Аналогичным образом поступила редакция «Советской России» и Главное управление кадров Госкомобразования СССР.

К. ХОХРЯКОВ, В. СОТНИКОВ, В. КАШМЕТ, В. КРЫЛОВ, всего 16 подписей преподавателей ЛТИ
Ленинград

■

Уважаемые товарищи! В моем интервью, напечатанном в октябрьском «Огоньке», очевидно, при расшифровке произошла ошибка. К творчеству Василя Быкова я отношусь и всегда относился с величайшим уважением. Фамилия Быкова возникла по недоразумению вместо другой, на нее похожей. С уважением

Алексей ГЕРМАН,
кинорежиссер

■

В группу риска (по СПИДу) входят наши дети, все дети, которым не противопоказаны профилактические прививки. Их делают в яслях, детсадах и школах, даже не ставя об этом в известность родителей. Откуда мы знаем, соблюдает ли медсестра инструкции? А если медсестра не слишком усердная?.. Каждому ребенку, от 1,5 лет и старше, не вручишь личный шприц, чтобы валялся в портфеле или шкафчике «простерилизованный» до очередной прививки.

Возможно, корь с коклюшем — опасные заболевания, да и столбняк не из приятных, но все же считаю, что порядок массовых инъекций детям должен быть пересмотрен. Необходимо срочно издать приказ Минздрава, включив в него, на мой взгляд, следующее:

а) обязательное письменное согласие родителей на прививание ребенка, полученное накануне, с информацией, какая прививка будет сделана;
б) возможность присутствовать на прививках кому-то из родителей;
в) возможность пользоваться личными шприцами.

Т. ИВАНОВА,
мать двоих детей

Владимир ВОЙНОВИЧ

ОТРЕЗАННЫЙ ЛОМОТЬ

Я откликаюсь на статью Эльдара Рязанова не для того, чтобы вступать в перепалку. Я Рязанова по-прежнему высоко ценю, мне понятна его досада на обстоятельства, не позволившие ему снять фильм по моему роману «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», мне понятны его обиды, но мне непонятно, на что он рассчитывал, когда брался за это дело. И на что рассчитывало руководство «Мосфильма».

С самого начала этой истории было совершенно очевидно, что права на постановку фильма по моему роману принадлежат фирме «Портобелло». Эти права были проданы фирме задолго до перестройки, тогда, когда появление Чонкина на советском экране невозможно даже было себе представить. Поэтому с самого начала речь могла идти только о совместном производстве. Ни о чем другом.

Но у Рязанова и у«Мосфильма» были, оказывается, другие намерения, о которых я, например, даже не подозревал.

Сейчас в статье Рязанова я прочел следующее:

«Нам было известно, что права «Портобелло» на экранизацию кончаются 18 ноября 1988 года. Мы надеялись, что, если немного потянем, сможем освободиться от англичан и работать без них».

Потом выяснилось, что права «Портобелло» вроде бы кончаются на год позже. Скорректировали свои планы с уточненной датой.

Вот вторая цитата:

«Перед поездкой наших представителей в Лондон мы все посовещались. Мы знали — права у англичан кончаются в ноябре 1989 года. И мы, если Войнович согласится... передать права нам, можем смело приступить к съемкам картины».

Надо сказать, что эти планы меня весьма и весьма удивили. Прежде всего своим простодушным, нескрываемым, я бы даже сказал, азиатским коварством. Значит, когда представительные делегации «Мосфильма» ездили в Лондон, жили там в дорогих гостиницах, оплаченных владельцем фирмы «Портобелло» Эриком Абрахамом, переговоры, которые при этом велись, были заведомо липовые и рассчитанные на то, что партнер окажется дураком.

Сейчас Рязанов упрекает меня, что я чуть ли не действовал за его спиной и тайком от него подписывал какие-то документы. Это не так. По поводу предполагавшейся картины о Чонкине я с «Мосфильмом» вообще ни в какие юридические отношения не вступал и вступать не собирался. Все связанные с этим договоры я заключал только с фирмой «Портобелло» и, как сказано выше, задолго до появления на моем горизонте Рязанова.

Сейчас Рязанов попрекает меня моим последним по времени соглашением с «Портобелло», но и эту бумагу я подписал в июне 1988-го, когда собственные планы Рязанова были, как говорится, по воде вилами писаны, о чем сам Рязанов примерно в то же время поведал читателям «Московских новостей» в своей статье «Великодушие». Больше того, представителям «Мосфильма», с моего одобрения, фирма «Портобелло» в Лондоне и мой литературный агент в Нью-Йорке предъявили все заключенные нами соглашения, так что никакого кота в мешке не было. И рассчитывать на то, что западный партнер где-то что-то прошляпит, было и некорректно, и нереалистично.

Надеяться в таком деле на меня тоже не следовало, потому что вести свои дела в расчете на чужую оплошность я не умел, не умею и уметь не хочу.

Итак, в переговоры с Рязановым, а затем и с «Мосфильмом» я вступил, будучи связан с «Портобелло» договорными обязательствами, о нарушении которых не могло быть и речи. Меня привлекала не передача «Мосфильму» моих прав, а именно совместное производство. Я думал, что совместное производство будет соблазнительно и Рязанову, и «Мосфильму». Оно давало возможности «Мосфильму» и «Портобелло» объединить свои усилия и создать нечто незаурядное. Тем более что был шанс убить трех зайцев, то есть сделать хороший фильм, показать добрый пример международного сотрудничества и заодно объединить в одном фильме три куска разорванной русской культуры, представленные в данном случае Рязановым, мною и Михаилом Барышниковым, желавшим сыграть главную роль.

Но вот «Мосфильм» с «Портобелло» не договорились, и грандиозная затея лопнула как мыльный пузырь. Обе стороны понесли при этом довольно большие убытки. «Мосфильму»-то что, у него деньги казенные, а вот Эрик Абрахам сто тысяч долларов (надеюсь, не последние) вынул из собственного кармана.

Сотрудничество не состоялось, как я теперь вижу, ввиду полной несовместимости сторон. Я не знаю, поняло ли это руководство «Мосфильма», но Рязанов, по-моему, нет, не понял.

Эльдар Александрович сетует, что автор этих строк в своем последнем письме не нашел (цитирую) «ни одного слова благодарности к людям, которые, идя против течения, вкладывали все свои силы и способности, чтобы сделать фильм по его книге».

На самом деле я вовсе не рассматривал свое письмо как последнее и не считал, что, не сойдясь в чем-то — Рязанов с «Портобелло», а я с «Мосфильмом»,— мы и между собой должны непременно расплеваться. Кроме того, упомянутое письмо было написано под влиянием раздражения от состоявшегося накануне телефонного разговора, в котором Рязанов предъявлял мне несправедливые обвинения и вообще наговорил много такого, о чем я могу забыть, только имея в виду, что это было сказано в состоянии аффекта.

В том разговоре, идентифицируя меня со всем расчетливым и холодным западным миром и употребляя весьма неточно местоимения «мы» и «вы», Рязанов сказал мне примерно так: «Вы слишком богаты, обращаетесь с нами, как с дикарями, а мы бедные, но благородные. И «Мосфильм» благородный, и страна наша благородная».

Эти слова, надо сказать, меня и удивили. Потому что «мы», может быть, и богаты, но я лично не богаче Рязанова. Относительно дикарей спорить не буду (элементы дикарства есть), а что касается благородства, то у меня, Эльдар Александрович, изгнанного из «вашей» благородной страны, тоже на этот счет есть свои отдельные соображения.

Так вот, я разозлился и в письме Рязанова благодарить не стал. Но в Москве много раз и лично, и публично я благодарил Рязанова за то, что он пытался экранизировать «Чонкина», способствовал публикации романа и добился моего приезда в Москву. Пользуясь случаем, я еще раз выражаю благодарность всем, кто содействовал реабилитации моих книг в Советском Союзе, и особенно

(еще раз) Рязанову. Мне очень жаль, что мое сотрудничество с этим выдающимся комедийным режиссером так вот печально закончилось, но, оглядываясь назад, я теперь вижу точно, что это сотрудничество на данном этапе и не могло состояться. И дело не только в фирме «Портобелло».

Некоторые мои читатели (или слушатели), вероятно, знают, что перестройку я принял сразу, с первых ее шагов. Я относился к числу тех, кто с самого начала поверил, что перестройка — это не политический трюк каких-то отдельных личностей, а неизбежный и необратимый процесс. Процесс этот внушает большие надежды и не меньшие опасения. Чем он кончится, зависит от суммы усилий всех, кто в нем участвует. Мне, честно говоря, тоже захотелось быть одним из участников. Потому что страну, которую Рязанов называет «наша», я тоже всегда считал и до сих пор считаю (и не собираюсь ни у кого спрашивать на это разрешения) своей. Я хотел принять участие в процессе не из меркантильных, а (я обычно стесняюсь такие слова говорить) из гражданских соображений. Поэтому предложение Рязанова соблазнило меня чем-то большим, чем просто желание увидеть Чонкина на экране. В расчете на это я по приглашению Союза кинематографистов СССР и отправился весной этого года в Москву. Приглашение пробил, конечно, Рязанов, а его поддержали, насколько мне известно, Георгий Данелия и Андрей Смирнов.

Советское посольство в Бонне без задержек оформило визы, и 16 марта мы с женой и дочерью после восьмилетнего отсутствия отправились на родину. При этом у всех у нас (и у пятнадцатилетней дочери тоже) было написано на визах: «Цель поездки — переговоры с Союзом кинематографистов».

В аэропорту нас, как правильно пишет Рязанов, тепло встретили друзья, родные, близкие (ну и правильно, а как же еще родные, близкие и друзья должны были нас встречать?). Чтобы исчерпать сразу эту тему, скажу, что и потом было очень много радостных, и горьких, и трогательных встреч с близкими и неблизкими дома, на улицах и в переполненных залах.

Но были еще встречи, которых Рязанов не видел, а я очень даже приметил. На пути к друзьям нас встретила суровая таможенная служба, сотрудники которой точно знали, кто я такой, и вряд ли подозревали меня в перевозе наркотиков, оружия или валюты. Тем не менее и мне, и моей жене, и моей дочери был устроен демонстративный и весьма дотошный досмотр, такой же грубый, каким нас провожали из страны. (Обычно иностранцев, к которым проявляется какой-то практический интерес, не досматривают, а тут мне было показано, что я если и иностранец, то далеко не первого сорта.)

По приезде я узнал, что восстановлен в звании члена Союза писателей СССР. Но сообщено мне это было почти что шепотом, известие об этом странном восстановлении было опубликовано маленькими буквочками и никому за пределами писательского клуба не известной многотиражке «Московский литератор», но так и не появилось, например, в «Литературной газете» («Литературка» в отличие, например, от «Медицинской газеты» вообще даже и не заметила моего появления в Москве,— должно быть, и для нее я «не та фигура»). Между прочим, само по себе мое «восстановление» было чем-то, что в народе называется финтом ушами. Как объяснил мне потом один из секретарей СП, решение о моем когдатошнем исключении из этой организации хотя и отменено, но я не могу считаться членом СП, поскольку не являюсь гражданином СССР. А гражданином СССР я не являюсь потому, что в свое время был лишен этого звания указом Брежнева. Указ этот до сих пор не отменен. Правда, когда я был в Москве, некоторые люди мне говорили, что если я как следует попрошу, то отмена указа вовсе не исключена. Я отвечал: да, спасибо, но тогда мне и вовсе рассчитывать не на что, ибо исключена возможность того, что я попрошу. (Я не просил, чтобы меня лишали гражданства, и не мне просить, чтобы его вернули.)

Возвращаюсь к рязановскому упреку в неблагодарности. В Москве я много раз публично благодарил Рязанова и всех конкретных людей, кто боролся за фильм, кто меня печатал или способствовал моему приезду. Но должен сказать прямо, что рассыпаться в благодарностях мне надоело. Меня в сорок восемь лет выгнали из страны, разорили мой дом, разлучили с близкими (тогда я тоже слышал: скажи спасибо, что тебя не убили, скажи спасибо, что не посадили). Восемь лет я не видел своих старших детей и даже боялся звонить им по телефону. Моя младшая дочь, живущая с нами, думает и видит сны не на том языке, что ее родители. Мои отец и сестра умерли, я даже не смог их похоронить. Могила матери заброшена, и я не могу ее посетить без разрешения. И вот мне в свою собственную страну дали визу сроком на месяц, а я должен кланяться и говорить спасибо. Продлили еще на две недели — еще спасибо. В Ленинград хотел на пару дней съездить, не поехал, надоело просить и быть благодарным.

(Для сравнения: когда я выезжаю из Германии или возвращаюсь в нее, я ни у кого не прошу разрешения и некому сказать спасибо. Теперь вот я приехал на год в Америку. И собираюсь ездить в Чикаго, Сан-Франциско, на Гавайские острова. Где, кому сказать спасибо? Я не знаю.)

В Москве, как я уже сказал, ко мне было проявлено довольно много интереса. Я выступал перед публикой, давал интервью газетам, радио и телевидению (программа новостей в первый день отказалась меня показать, Останкинскую студию мне тоже — не та фигура — не предложили, но в некоторых передачах я все-таки появился).

Я попал в Москву в довольно бурное время. В разгаре была предвыборная кампания. Повсюду шумные митинги, телевизионные дебаты и прочее. Выступают кандидаты, доверенные лица, члены неформальных объединений, представители народных фронтов. Я на какое-то время погрузился в эту суету, но вскоре понял, что это меня не касается, я здесь чужой. Для кого хороший, для кого плохой, но для слишком многих чужой. Отрезанный ломоть. Я здесь не могу ни быть избранным, ни избирать, ни издавать журнал, ни создавать кооператив, ни купить, допустим, на свои гонорары квартиру в Москве или избушку в деревне. У меня здесь нет ни кола, ни двора, никаких прав и никаких обязанностей, кроме обязанности убраться восвояси, как только кончится виза.

Во время моих выступлений меня много раз люди звали вернуться («приезжайте, вы нам нужны»), но на других уровнях я подобных призывов не слышал. Правда, где-то кто-то как-то упомянул об этой проблеме в печати (и Рязанов, не забываю, по этому поводу несколько раз выступал), но власти хранят молчание, как будто и проблемы никакой нет. Сейчас очень много пишут и говорят о репрессиях сталинского периода и гораздо меньше о временах более близких. И вот перестройка идет, а некоторые бывшие заключенные по-прежнему не реабилитированы, а изгнанные из страны живут там, куда ветром занесло. Конечно, если даже и позвать обратно, то вернутся не все, но извиниться следует все-таки перед каждым. И отменить все указы о лишении разных людей гражданства. Но об этом я большого беспокойства в Москве не заметил и понял, что проблема сия находится на далекой периферии общественных интересов.

Так или иначе, но в Москве мне слишком часто приходилось чувствовать себя иностранцем.

Вот, например, такой случай.

Явился я как-то на «Мосфильм» для встречи с генеральным директором В. Н. Досталем. Пришел на пару минут раньше условленного часа и сказал секретарше, что мне надо видеть Владимира Николаевича.

Секретарша в ответ:

— Владимир Николаевич принять вас не может, потому что у него сейчас будет заграничная делегация.

Я хотел было возмутиться: как так, он ведь именно меня на это время как раз пригласил, а потом прикинул и понял, что это же я и есть иностранная делегация.

Ну, принимали меня примерно как Риббентропа. С одной стороны длинного стола — советская делегация (человек, пожалуй, двенадцать), а с другой стороны — германский рейх представлял я один. Представители советской стороны сдержанно улыбались, натужно шутили, и некоторые при этом сверлили меня глазами, давая понять, что нас, мол, на мякине не проведешь.

Все столкновения с реальной действительностью, ясное дело, отражались на моем настроении.

Чем более росло мое ощущение непричастности к происходящим событиям, тем быстрее таял энтузиазм, связанный с возможной постановкой будущего фильма. Если я в этой стране чужой, то зачем мне стремиться к постановке фильма именно здесь?

В Москве я, естественно, встречался много раз с Рязановым. Время от времени мы с ним работали над сценарием. Дорабатывая сценарий, я все больше ощущал, что затеянное дело кажется мне все менее соблазнительным.

Тем более что я сегодня здесь, а завтра там. А послезавтра пустят ли меня снова сюда, неизвестно. Я сказал на «Мосфильме», что хотел бы время от времени присутствовать на съемках. Но для этого мне нужна по крайней мере постоянная виза. Мне было отвечено: постоянной не будет, а насчет многократной мы похлопочем. Впрочем, гарантии тоже нет: «Вы что, забыли, куда вы приехали?» Я стал задумываться. Если я приехал во всех смыслах туда же, откуда уехал, то, пожалуй, пора подумать: стоило ли приезжать?

Конечно, в том, что мне не дают визы и не возвращают гражданства, Рязанов не виноват, я не путаю его с государством. Но, работая над фильмом, я вступил в отношения не только с ним и не только с «Мосфильмом», а со всей советской системой, которая ко мне свое отношение изменила не очень сильно. Ну да, меня в Москву ненадолго пустили (премного благодарен), но обращаются, как с иностранцем, причем иностранцем второго сорта, с которым можно особо не чикаться.

Пока я обдумывал ситуацию, на поле боя появилась группа генералов Героев Советского Союза из Одессы. В своем открытом письме главным редакторам «Огонька» и «Юности» Виталию Коротичу и Андрею Дементьеву они возмущались публикацией «кощунственного измышления» (так они именовали мой роман), стыдили своих адресатов, а уж со мной и вовсе не церемонились, назвали меня и предателем, и клеветником и сравнили (мне, правда, не привыкать) с Геббельсом (в печатном варианте это сравнение — большое спасибо — исчезло).

Я и вовсе приуныл и стал думать, что вообще я, видимо, напрасно в это дело встрял. Если генералы все еще имеют возможность вмешиваться в литературу и искусство, где гарантия того, что фильм получится таким, каким я его хотел бы видеть?

Конечно, будь я признанным в стране гражданином да имей доступ к печатным изданиям, я бы этим генералам несколько оплеух отвесил, за мной, как говорится, не заржавеет. А тут...

Вот Рязанов ответил на генеральские оскорбления и подписался всеми своими регалиями: народный артист, лауреат и прочее — тоже вроде как генерал. А у меня звание простое — отщепенец. Я все еще непрощенный преступник, со мной, как некоторые думают (правда, ошибочно), можно поступать как угодно. Меня, прожившего даже по советским понятиям не самую легкую жизнь, с малых лет работавшего физически, можно называть бездельником, паразитом и попрекать куском хлеба, которого я не съел. Меня, насильно выкинутого из страны, можно называть предателем, перебежчиком, опять-таки кем угодно.

Конечно, брань на вороту не виснет, и я к ней уже привык. Но советскому обществу пора учиться от нее отвыкать. Облыжные и безнаказанные обвинения отдельных людей наносят всему обществу гораздо больший урон, чем можно себе представить. Общество это станет только тогда правовым, когда клеветник в любом мундире будет рисковать тем, что ему придется доказывать свои утверждения в зале суда.

Пока я предавался своим сомнениям, отношения между фирмой «Портобелло» и «Мосфильмом» осложнялись. Эрик Абрахам (за свой счет) приезжал в Москву, и ему не понравились сценарий и актерские пробы (хотя актеры были такие, что лучше не подберешь). Мосфильмовцы (за счет Эрика) ездили в Лондон. Советские люди в одиночку передвигаться не умеют, поэтому Эрику опять пришлось принимать целую делегацию с руководителем, заместителем. В Лондоне о многом не договорились. Абрахам решил, что в Москве фильм, так сказать, мирового класса не сделают, и решил делать его в другой стране, на другом языке и на других условиях. При этом он под давлением московских делегатов и по моей просьбе разрешил (разрешил, повторяю, совершенно бесплатно) «Мосфильму» делать свою картину, но только для советской аудитории. Потому что он не хотел, чтобы советский фильм перебежал дорогу его фильму.

Достоин ли Абрахам осуждения? По-моему, нет. Несколько лет назад он купил права на экранизацию романа, потом продлевал договор и платил за продление. И вообще долгое время живет этим делом, на которое возлагает определенные надежды. А теперь что, он должен уступить безоговорочно, бесплатно, себе в убыток права, да еще людям, которые его хотели надуть? С какой стати? И когда Рязанов пишет: «Мы все взбесились!» — я его просто не понимаю. Я вижу во всем этом повод для огорчения, а для бешенства — нет, не вижу. И не вижу достаточной причины вообще, чтобы отказываться от постановки фильма на данных условиях. Конечно, они не лучшие, но соответствуют обстоятельствам, с которыми надо считаться. Тем более что условия были поставлены «Портобелло» не на вечные времена. Через два-три года фильм мог бы быть показан за рубежом, а если бы он (вот к чему надо было стремиться!) оказался выдающимся, то удержать его в пределах советских границ было бы и сейчас невозможным.

Итак, фильм по моему роману в Советском Союзе не состоялся.

Но дело в том, что, как я теперь вижу, даже при (вообразим себе) отсутствии фирмы «Портобелло» мое сотрудничество с «Мосфильмом» вряд ли бы завершилось успешно. Во время описываемой истории я заметил, что, готовясь к постановке фильма, Рязанов вроде бы даже и не понимает, что у меня могут быть свои отдельные интересы. Причем интересы не только творческие (по этой части у нас тоже были некоторые расхождения), но и всякие другие, включая финансовые. А мосфильмовское начальство меня и вовсе в расчет не принимало, даже не знаю уж почему.

На переговорах в Лондоне Эрик Абрахам по моей просьбе включил в число условий для сотрудничества выдачу мне постоянной или многократной (по крайней мере) визы. Ему было высокомерно отвечено, что вопрос о визе относится к числу не имеющих отношения к делу. Ответ не только нахальный, но и совершенно неделовой. Потому что одного этого ответа для меня лично было бы достаточно, чтобы прекратить с такими партнерами всякие отношения.

Да, приступая к работе с Эльдаром Рязановым, я был рад, что фильм по моей книге будет делаться талантливым русским режиссером, по-русски и на русской земле. Ради этого я до известной степени готов был пренебречь своими материальными интересами. Но я-то это сотрудничество рассматривал как первый шаг к моему, пусть не полному (дело не в месте жительства), но достойному возвращению.

А если нет даже гарантированного права приехать на премьеру, и передвигаться по стране, и посетить родные места и могилы, то мне в такой стране никакой фильм не нужен. Пусть уж будет английский, американский или какой получится.

В своей статье Эльдар Рязанов упрекает меня: я не выразил сожаления, что фильм по моему роману не состоится в России. Что делать, Эльдар Александрович! Устал я, право, сильно устал — просить, благодарить и выражать сожаление.

Жаль, конечно, но что там фильм — вся моя жизнь, можно сказать, не состоялась в России.

ЗА РЕАЛИЯМИ БЫТИЯ...

Для тех, кто внимательно следит за творчеством наших фотомастеров, имя Вадима Крохина связано прежде всего с его фотографической литературной энциклопедией.

Цветом в фотографии Вадим начал заниматься не так давно. Пожалуй, серьезное увлечение цветом пришло к нему после автопробега, который затеяли фотокорреспонденты «Литературной газеты» Крохин и Баженов, дерзнув пересечь всю страну на газике-вездеходе. Начали путешествие в Ужгороде и закон-

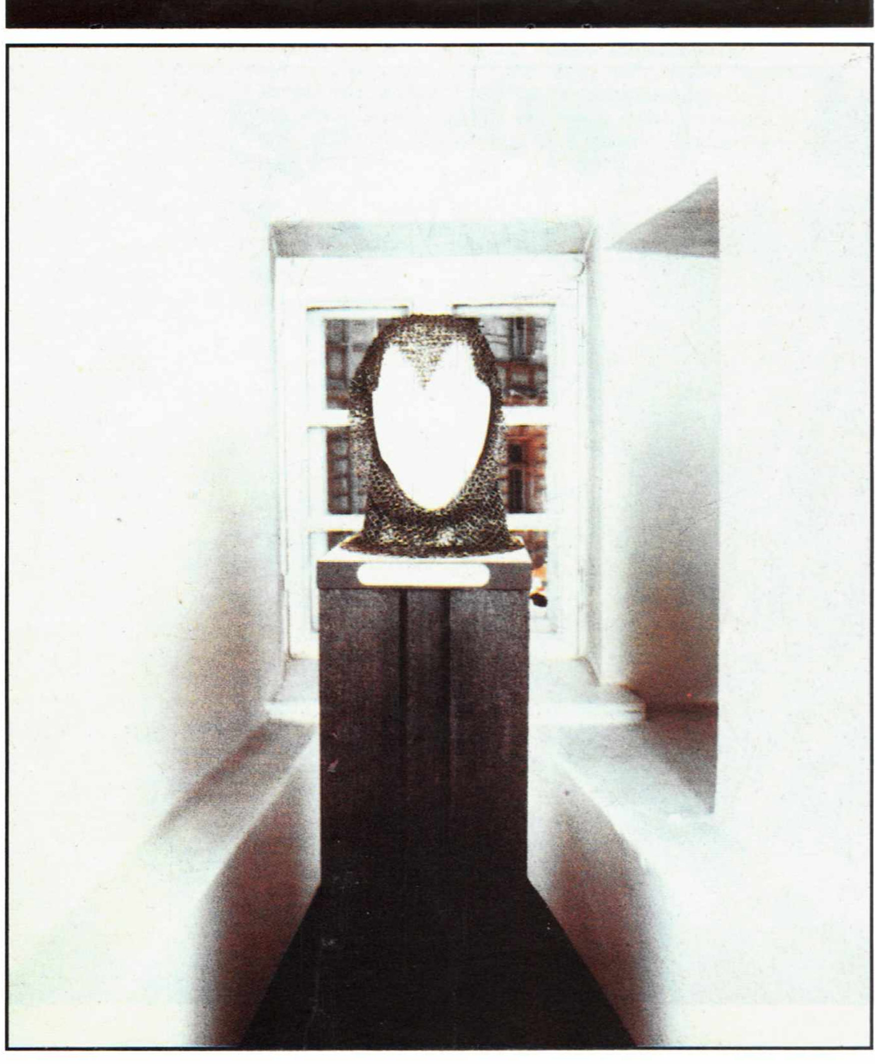

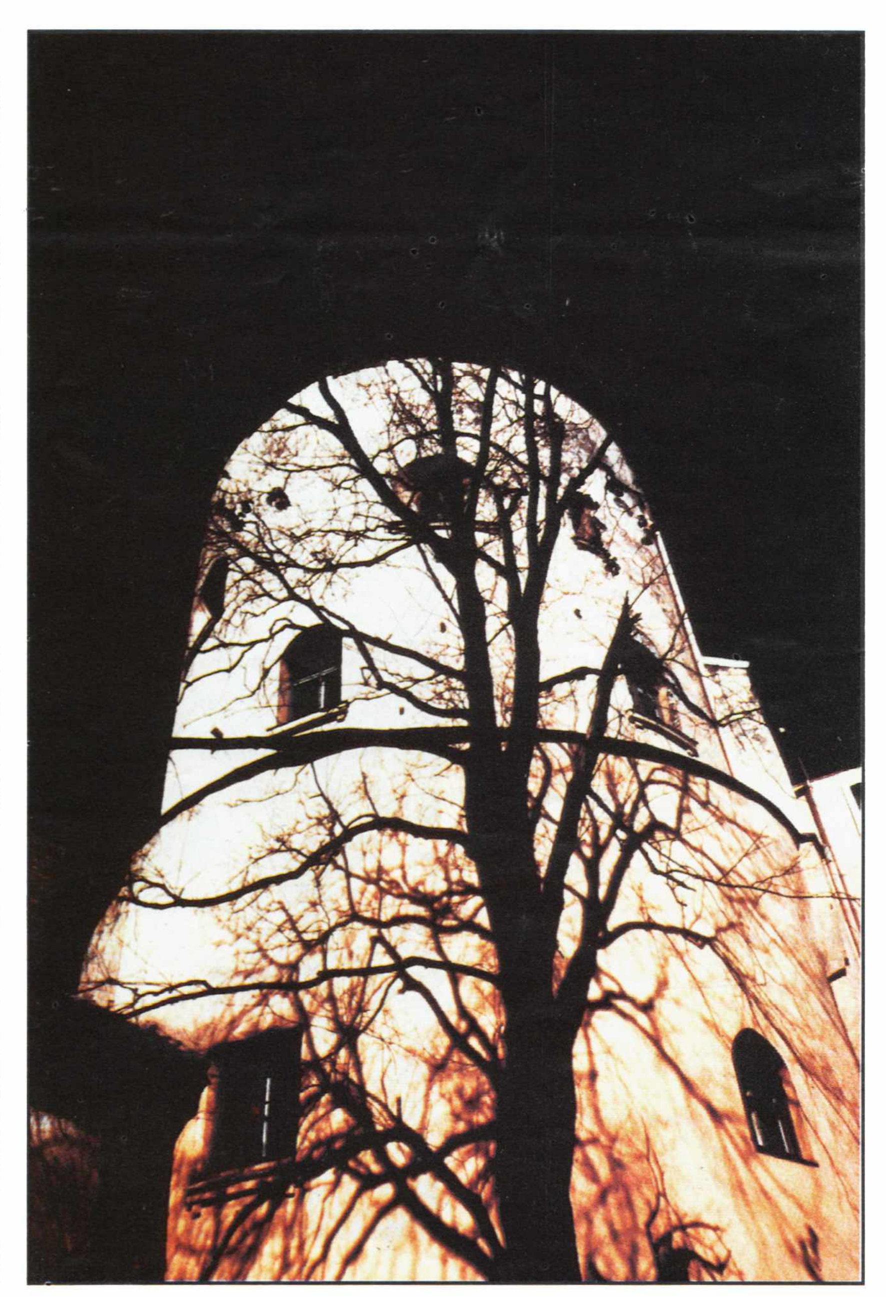
чили у Тихого океана, во Владивостоке. Почти полгода езды — 20 тысяч километров. Причем большая часть пути — по бездорожью. Надо ли говорить, в скольких переделках побывали смельчаки и их фотоаппаратура. И хотя требовалась от журналистов большей частью репортерская работа, они привезли огромное количество художественных кадров, демонстрирующих их умение видеть прекрасное в природе и людях.

Чингиз Айтматов сказал как-то о фотографиях Крохина: «Мир, запечатленный в его работах, первозданен, непосредствен, чист. И в то же время в нем за реалиями текущего, повседневного быта угадывается тайна бытия...»

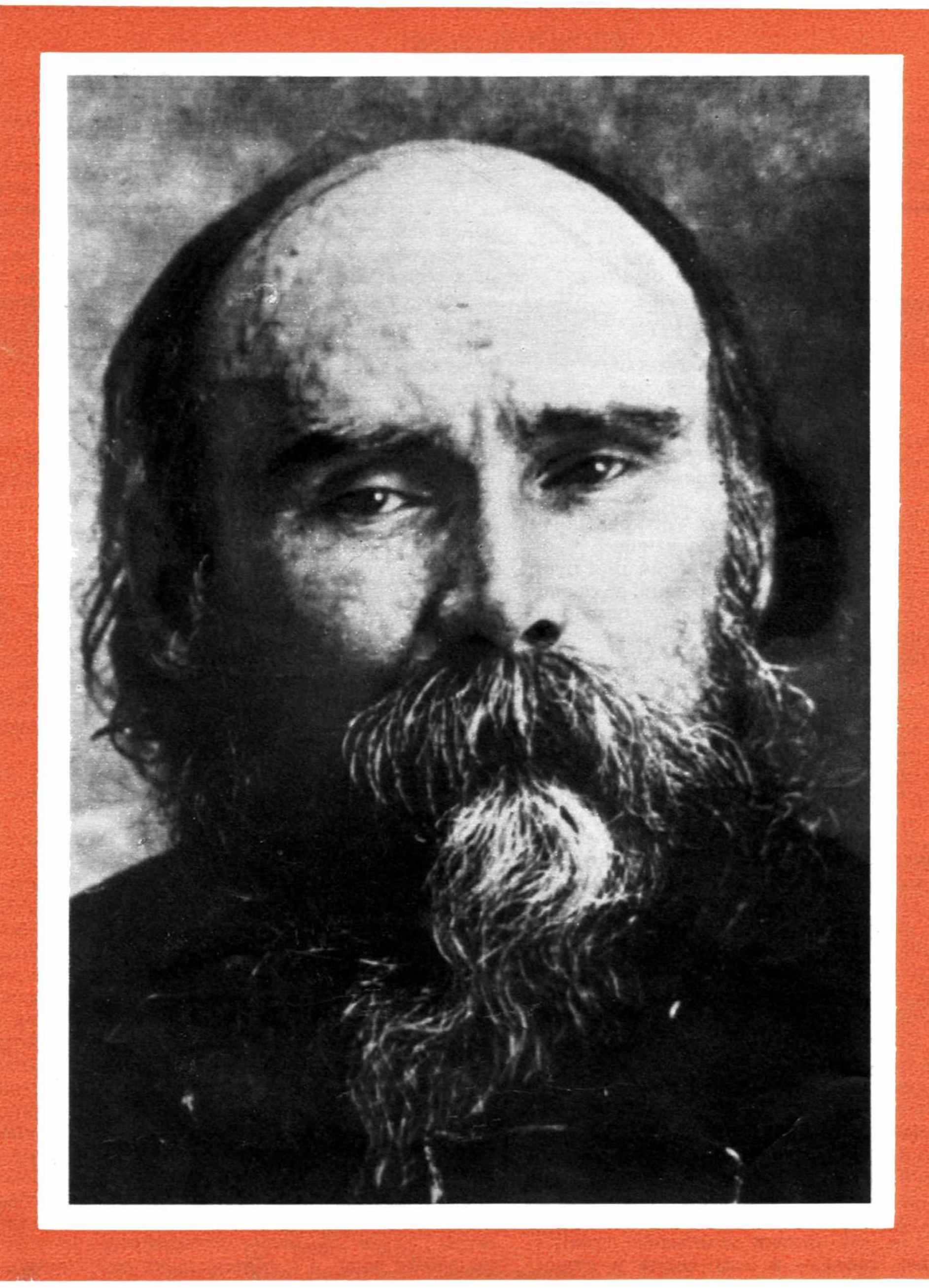
С этими словами трудно не согласиться.

М. ЛЕОНТЬЕВ

Николай Клюев. Фотография из следственного дела.

стованному было предъявлено постановление.

«Я, оперуполномоченный 4-го отделения секретно-политического отдела ОГПУ Шиваров, рассмотрев следственный материал по делу № 3444 и принимая во внимание, что гражданин Клюев достаточно изобличен в том, что активно вел антисоветскую агитацию путем распространения своих контрреволюционных литературных произведений, постановляю:

Клюева привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58-10 УК РСФСР. Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей».

Арестованный «достаточно изобличен» еще до начала следствия. Во-первых, есть указание Ягоды, да и для кого в Москве секрет — кто такой Клюев! Сами братья-писатели заклеймили его как «отца кулацкой литературы», изгнали из своих рядов, ни одна редакция его не печатает. Кормится он, читая стихи на чужих застольях, говорят, и милостыню на церковной паперти просит...

Все так и было: и нищета, и открытая враждебность официальных кругов, и травля в печати. И предрешенность дальнейших событий. Цепочка злого навета дошла до самого верха: по свидетельству тогдашнего ответственного редактора «Известий» И. Гронского, арест санкционировал сам Сталин.

Словом, дело Клюева было для оперуполномоченного очевидным, и он «провернул» его быстро — всего за месяц.

15 февраля состоялся решающий допрос. В протоколе содержатся важные данные, касающиеся родословной поэта.

«Уроженец Новгородской губернии, Кирилловского уезда, Введенской волости, деревни Мокеево *...

В 1906 г. был приговорен к шестимесячному тюремному заключению за принадлежность к «Крестьянскому союзу», в 1924 г. в г. Вытегре арестовывался, но был освобожден (без предъявления обвинения).

Семейное положение: брат Петр Клюев, 53 года, рабочий, живет в Ленинграде; сестра — Клавдия Расщеперина, 55 лет, живет в Ленинграде.

Имущественное положение: жил всегда личным трудом.

Образовательный ценз: двухклассное уездное училище.

Служба у белых: не служил».

Протокол допроса содержит отрывки из неизвестных до сих пор стихов поэта. Надо только иметь в виду, что, хотя внизу каждой страницы есть подпись Клюева: «Записано с моих слов верно и мною прочитано» — все же составил протокол, направляя его по-своему, оперуполномоченный. Вряд ли, например, Клюев мог назвать свои взгляды «реакционными»...

Вопрос: Каковы ваши взгляды на советскую действительность и ваше отношение к политике Коммунистической партии и Советской власти?

Ответ: Мои взгляды на советскую действительность и мое отношение к политике Коммунистической партии и Советской власти определяются моими реакционными религиозно-философскими воззрениями.

Происходя из старинного старообрядческого рода, идущего по линии матери от протопопа Аввакума, я воспитан на древнерусской культуре Корсуня, Киева и Новгорода и впитал в себя любовь к древней, допетровской Руси, певцом которой я являюсь.

Осуществляемое при диктатуре пролетариата строительство социализма в СССР окончательно разрушило мою мечту о Древней Руси. Отсюда мое враждебное отношение к политике компартии и Советской

* Н. Клюев, как и его отец, был приписан к этому месту; родился поэт в деревне Коштуги Вытегорского уезда Олонецкой губернии.

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Ведет рубрику Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ

ГАМАЮН — ПТИЦА ВЕЩАЯ

В первой публикации нашей новой рубрики мы рассказали о трагической судьбе И. Бабеля. Сегодня перед нами материалы еще одного следственного дела, которые переданы во Всесоюзную комиссию по наследию репрессированных писателей. Клюев Николай Алексеевич...

А перед этим был телефонный звонок из КГБ:

— Приезжайте! Поздравляем вас, там есть стихи...

2 февраля 1934 года к поэту Николаю Клюеву, жившему в крохотной квартирке в полуподвале дома № 12 по Гранатному переулку, нагрянуло ОГПУ. Оперуполномоченный Н. Х. Шиваров прихватил с собой дворника дома К. И. Сычева: как сказано в ордере на арест, «все должностные лица и граждане обязаны оказывать сотруднику, на имя которого выписан ордер, полное содействие». Подписал ордер заместитель председателя ОГПУ Яков Агранов.

После обыска Клюев вместе с изъятыми у него рукописями был отвезен во внутренний изолятор ОГПУ, на Лубянку. Там ему дали заполнить анкету.

«Год и место рождения: 1884,* Северный край.

Род занятий: писатель.

Профессия: писатель, поэт.

Имущественное положение: нет (вписано рукой оперуполномоченного).

Социальное положение: писатель.

Социальное происхождение: крестьянин.

Национальность и гражданство: великоросс («русский» — поправляет оперуполномоченный).

Партийная принадлежность: беспартийный.

Образование: грамотен («самоучка» — вписывает оперуполномоченный).

Состоял ли под судом: судился как политический при царском режиме.

Состояние здоровья: болен сердцем.

Состав семьи: холост».

Через шесть дней, 8 февраля, аре-

* По другим источникам год рождения Н. Клюева — 1887. (Ред.)

власти, направленной к социалистическому переустройству страны. Практические мероприятия, осуществляющие эту политику, я рассматриваю как насилие государства над народом, истекающим кровью и огненной болью.

Вопрос: Какое выражение находят ваши взгляды в вашей литературной деятельности?

Ответ: Мои взгляды нашли исчерпывающее выражение в моем творчестве. Конкретизировать этот ответ могу следующими разъяснениями. Мой взгляд, что Октябрьская революция повергла страну в пучину страданий и бедствий и сделала ее самой несчастной в мире, я выразил в стихотворении «Есть демоны чумы, проказы и холеры...», в котором я говорю:

Год восемнадцатый
на родину-невесту,
На брачный горностай,
сидонские опалы
Низринул ливень язв и
сукровиц обвалы,
Чтоб дьявол-лесоруб
повыщербил топор
О дебри из костей и
о могильный бор,
Несчитанный, никем
не проходимый...

А дальше:

Чернигов с Курском!
Бык из стали
Вас забодал в чуму и оспу,
И не сиренью — кисти
в роспуск —
А лунным черепом в окно
Глядится ночь давным-давно.

И там же:

Вы умерли, святые грады,
Без фимиама и лампады
До нестареющих пролетий.
Плачь, русская земля, на свете
Несчастней нет твоих сынов,
И адамантовый засов
У врат лечебницы небесной
Для них задвинут в срок
безвестный...

Я считаю, что политика индустриализации разрушает основу и красоту русской народной жизни, причем это разрушение сопровождается страданиями и гибелью миллионов русских людей. Это я выразил в своей «Песне Гамаюна», в которой говорю, что

И в светлой Саровской пустыне
Скрипят подземные рули!

И дальше:

Нам вести душу обожгли,
Что больше нет родной земли,
Что зыбь Арала в мертвой тине,
Замолк Грицько на Украине,
И Север — лебедь ледяной —
Истек бездомною волной,
Оповещая корабли,
Что больше нет родной земли.

Более отчетливо и конкретно я выразил эту мысль в стихотворении о Беломорско-Балтийском канале, в котором я говорю:

То Беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тетка Фекла.
Великороссия промокла
Под красным ливнем до костей
И слезы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи...

А дальше:

Россия! Лучше б в курной саже
. . . .
Чем крови шлюз и вошьи гати
От Арарата до Поморья.

Окончательно рушит основы и красоту той русской народной жизни, певцом которой я был, проводимая Коммунистической партией коллективизация. Я воспринимаю коллективизацию с мистическим ужасом, как бесовское наваждение. Такое восприятие выражено в стихотворении, в котором я говорю:

Скрипит иудина осина
И плещет вороном зобатым,
Доволен лакомством богатым,
О ржавый череп чистя нос,
Он трубит в темь: колхоз,
колхоз!
И подвязав воловий хвост,
На верезг мерзостной свирели
Повылез черт из адской щели, —
Он весь мозоль, парха и гной,
В багровом саване, змеей
По смрадным бедрам опоясан...

Мой взгляд на коллективизацию, как на процесс, разрушающий русскую деревню и гибельный для русского народа, я выразил в своей поэме «Погорельщина», в которой картины людоедства я заканчиваю следующими стихами:

Так погибал Великий Сиг,
Заставкою из древних книг,
Где Стратилатом на коне,
Душа России, вся в огне,
Летит по граду, чьи врата
Под знаком чаши и креста.

Вопрос: Кому вы читали и кому давали на прочтение цитируемые здесь ваши произведения?

Ответ: Поэму «Погорельщина» я читал главным образом литераторам, артистам, художникам. Обычно это бывало на квартирах моих знакомых, в кругу приглашенных ими гостей. Так, читал я «Погорельщину» у Софьи Андреевны Толстой, у писателя Сергея Клычкова, у писателя Всеволода Иванова, у писательницы Елены Тагер, группе писателей, отдыхавших в Сочи, у художника Нестерова и в некоторых других местах, которые сейчас вспомнить не могу.

Остальные процитированные здесь стихи незаконченные. В процессе работы над ними я зачитывал отдельные места — в том числе и стихи о Беломорском канале — проживающему со мной в одной комнате поэту Пулину. Некоторые незаконченные мои стихи взял у меня в моем отсутствии поэт Павел Васильев. Полагаю, что в числе их была и «Песня Гамаюна».

Еще через пять дней, 20 февраля, обвинительное заключение было готово. Клюев обвинялся в преступлениях, предусмотренных статьей 58-10, «в составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений». «В предъявленном ему обвинении сознался...»

«Полагая, что приведенные Клюевым показания виновным его подтверждают», Шиваров «постановил: считать следствие по делу законченным и передать его на рассмотрение Особого совещания при коллегии ОГПУ». «Согласен» — наложил резолюцию помощник начальника СПО ОГПУ Горб, «Утверждаю» — начальник СПО ОГПУ Г. Молчанов.

На заседании коллегии ОГПУ 5 марта Клюев шел по счету восемнадцатым — поток!

«Постановили: ...заключить в исправтрудлагерь сроком на 5 лет с заменой высылкой в г. Колпашев (Западная Сибирь) на тот же срок.

Дело сдать в архив».

Но Особому совещанию пришлось заниматься Клюевым еще раз, когда вскоре, видимо, благодаря ходатайствам С. А. Клычкова, А. М. Горького и Н. А. Обуховой удалось добиться смягчения его участи.

17 ноября 1934-го. «Постановили: Клюеву... разрешить отбывать оставшийся срок наказания в г. Томске».

Уже из ссылки Клюев напишет ближайшему другу Сергею Клычкову:

«Я сгорел на своей «Погорельщине», как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском. Кровь моя волей или неволей связует две эпохи: озаренную смолистыми кострами и запалами самосожжений эпоху царя Федора Алексеевича и нашу, такую юную и потому многого не знающую. Я сослан в Нарым, в поселок Колпашев на верную и мучительную смерть... Четыре месяца тюрьмы и этапов, только по отрывному календарю скоро проходящих и легких, обглодали меня до костей... Вспомни обо мне в этот час — о несчастном, бездомном старике поэте... Небо в лохмотьях, косые, налетающие с тысячеверстных болот дожди, немолчный ветер — это зовется здесь летом, затем свирепая пятидесятиградусная зима, а я голый, даже без шапки, в чужих штанах, потому что все мое выкрали в общей камере шалманы. Подумай, родной, как помочь моей музе, которой зверски выколоты провидящие очи?! Куда идти? Что делать?.. Бормочу с тобой, как со своим сердцем. Больше некому... Прощайте, простите! Ближние и дальние. Мерзлый нарымский торфяник, куда стащат безгробое тело мое, должен умирить и врагов моих, ибо живому человеческому существу большей боли и поругания нельзя ни убавить, ни прибавить. Прости! Целую тебя горячо в сердце твое...»

Один из лучших поэтов России брошен в далекую ссылку — в нищету, бездомность, одиночество, унижение — помирать. А в это время в Москве с большой помпой проходит Первый съезд советских писателей. И мало кто из делегатов вспоминает о Клюеве, все они на этом торжестве приветствуют светлое настоящее и еще более светлое будущее, в котором многие из них скоро пойдут вслед за Клюевым той же скорбной дорогой на эшафот.

Дальнейшая судьба Николая Клюева долгое время была окутана легендами и домыслами, и лишь недавно стали известны ее подробности.

В Томске поэта, тяжело больного, доведенного до отчаяния, снова арестовали, заключили в тюрьму и расстреляли по постановлению «тройки», как указано в документах, «22—25 (?!) октября 1937 года». Где он похоронен, неизвестно. «Миновав житейские версты, умереть, как золе в печурке, без малинового погоста...» — предсказал он свою гибель.

Реабилитирован Клюев полностью только в прошлом, 1988 году.

К следственному делу Клюева как улика, как вещественное доказательство преступления приложены стихи. Оформлены они так: «**Разруха**». Цикл неопубликованных стихов. (Приложение к протоколу допроса от 15 февраля 1934 г.)».

Несколько слов об этих стихах.

Поэзия Клюева трудна для восприятия: наша беда, что родной язык нынче обеднел так же, как наша природа, и мы не только не владеем прежним богатством, но и позабыли его. Стих Клюева труден нам по причине его редкостного многозвучия, многоцветия, многосмыслия,— будто вырыли из земли кованый сундук, распахнули — а там груда сокровищ, известных лишь по сказкам.

«Аввакумом XX века», «вестником Китеж-града» называли Клюева. Но все эти характеристики обращены в прошлое, а из найденных стихов встает поэт жгучесовременный и необходимый нам сегодня, более того, поэт, которого нам еще предстоит услышать и понять. Вопреки всем своим хулителям, клеветникам и могильщикам он оказался не позади, а впереди времени.

Слово Николая Клюева не только плач по уходящей России, но и грозное предсказание. Рисуя, как на иконах, огненными мазками свой Апокалипсис, картины ада, проклиная от имени гибнущего крестьянства Сталина-Антихриста, он в то же время будто смотрит в сегодняшний день, даже оторопь берет: тут и «зыбь Арала в мертвой тине», и «Волга синяя мелеет», и даже черные вести несущий «скакун из Карабаха»...

Слово Клюева — вещее, оно хранит живые корни древнерусской мистики, тайноведения. Это не стилизация под народ (такой мы уже наслушались!), а подлинный эпос, и Клюев, может быть, последний русский мифотворец.

Поэт, когда-то искренне воспевший Революцию и Ленина,— такого Клюева мы знали. Поэт, который проклял Революцию, когда ее знамя захватили бесы,— такого Клюева мы узнаем сегодня. Но и это не весь Клюев.

Он слышал «звон березовой почки, когда она просыпается от зимнего сна», «скрип подземных рулей». Он страстно хотел найти путь в «Белую Индию», рай на земле... Утопия это или высшая правда?

Не будем чересчур пугаться его пророчеств: послание Николая Клюева, дошедшее до нас из темных недр Лубянки,— не только грозное предостережение, но и в не меньшей степени призыв к возрождению и укреплению духа.

Завещанием звучит сегодня слово поэта: «Не железом, а красотой купится русская радость».

Николай Клюев, Петр Орешин, Сергей Клычков. Конец 20-х — начало 30-х годов.

Николай КЛЮЕВ

РАЗРУХА

ЦИКЛ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ СТИХОВ

(Приложение к протоколу допроса от 15 февраля 1934 г.)

I

ПЕСНЯ ГАМАЮНА

К нам вести горькие пришли,
Что зыбь Арала в мертвой тине,
Что редки аисты на Украине,
Моздокские не звонки ковыли,
И в светлой Саровской пустыне
Скрипят подземные рули!
Нам тучи вести занесли,
Что Волга синяя мелеет,
И жгут по Керженцу злодеи
Зеленохвойные кремли,
Что нивы суздальские, тлея,
Родят лишайник да комли!
Нас окликают журавли
Прилетной тягою в последки.
И сгибли зябликов наседки
От колтуна и жадной тли,
Лишь сыроежкам многолетки
Хрипят косматые шмели!
К нам вести черные пришли,
Что больше нет родной земли,
Как нет черемух в октябре,
Когда потемки на дворе
Считают сердце колуном,
Чтобы согреть продрогший дом,
Но не послушны колуну,
Поленья воют на луну.
И больно сердцу замирать,
А в доме друг, седая мать...
Ах, страшно песню распинать!
Нам вести душу обожгли,
Что больше нет родной земли,
Что зыбь Арала в мертвой тине,
Замолк Грицько на Украине,
И Север — лебедь ледяной —
Истек бездомною волной,
Оповещая корабли,
Что больше нет родной земли!

II

От Лаче-озера до Выга
Бродяжил я тропой опасной,
В прогалах брезжил саван красный,
Кочевья леших и чертей.
И как на пытке от плетей,
Стонали сосны: «Горе! Горе!»
Рябины — дочери нагорий —
В крови до пояса... Я брел,
Как лось, изранен и комол,
Но смерти показав копыто.
Вот чайками, как плат, расшито
Буланым пухом Заонежье
С горою вещею Медвежьей,
Данилово, где неофиту
Андрей и Симеон, как сыту,
Сварили на премноги леты
Необоримые «Ответы».
О книга — странничья киса,
Где синодальная лиса
В грызне с бобрихою подонной,—
Тебя прочтут во время оно,
Как братья, Рим с Александрией,
Бомбей и суетный Париж!
Над пригвожденною Россией
Ты сельской ласточкой журчишь,
И пестун заводи, камыш,
Глядишься вглубь — живые очи —
Они, как матушка, пророчат
Судьбину, не чумной обоз,
А студенец в тени берез
С чудотворящим почерпальцем!..
На красный саван мажет смальцем
Тропу к истерзанным озерам,—
В их муть и раны с косогора
Забросил я ресниц мережи
И выловил под ветер свежий
Костлявого, как смерть, сига.
От темени до сапога
. . . . . пескарями
Вскипал он . . злыми вшами,
Но губы теплили молитву...
Как плахой, поражен ловитвой,
Я пролил вопли к жертве ада:
«Отколь, родной? Водицы надо ль?»
И дрогнули прорехи глаз:
«Я ж украинец Опанас...
Добей Зозулю, чиловиче!..»
И видел я: затеплил свечи
Плакучий вереск по сугорам,
И ангелы, златя убором
Лохмотья елей, ржавь коряжин,
В кошницу из лазурной пряжи
Слагали, как фиалки, души.
Их было тысяча на суше
И гатями в болотной води!..
О господи, кому угоден
Моих ресниц улов зловещий?
А Выго сукровицей плещет
О пленный берег, где медведь
В недавном милом ладил сеть,
Чтобы словить луну на ужин.
Данилово — котел жемчужин,
Дамасских перлов, слезных смазней,
От поругания и казни
Укрылся [он] под зыбкой схимой,—
То Китеж новый и незримый...
То Беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тетка Фекла.
Великороссия промокла
Под красным ливнем до костей
И слезы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи.
В немеренном горючем скопе
От тачки, заступа и горстки
Они расплавом беломорским
В шлюзах и дамбах высят воды.
Их рассекают пароходы
От Повенца до Рыбьей Соли,—
То памятник великой боли,
Метла небесная за грех,
Тому, кто выпив сладкий мех
С напитком дедовским стоялым,
Не восхотел в бору опалом,
В напетой, кондовой избе
Баюкать солнце по судьбе,
По доле и по крестной страже...
Россия! Лучше б в курной саже,
С тресковым пузырем в прорубе,
Но в хвойной непроглядной шубе,
Бортняжный мед в кудесной речи
И блинный хоровод у печи,
По Азии же блин — чурек,
Чтоб насыщался человек
Свирелью, родиной, овином
И звездным выгоном лосиным,
У звезд рога в тяжелом злате,—
Чем крови шлюз и вошьи гати
От Арарата до Поморья.
Но лен цветет и конь Егорья
Меж туч сквозит голубизной
И веще ржет... Чу! Волчий вой!
Я брел проклятою тропой
От Дона мертвого до Лаче.

III

Есть демоны чумы, проказы и холеры,
Они одеты в смрад и в саваны из серы.
Чума с кошницей крыс, проказа со скребницей,
Чтоб утомить колтун палящей огневицей,
Холера же с зурной, где судороги жил,
Чтоб трупы каркали и выли из могил.
Гангрена, вереда и повар — золотуха,
Чей страшен едкий суп и териа́ка варенуха
С отрыжкой камфары, гвоздичным ароматом
Для гостя — волдыря с ползучей цепкой ватой.
Есть сифилис — ветла с разинутым дуплом
Над желчи омутом, где плещет осетром
Безносый водяник, утопленников пе́стун.
Год восемнадцатый на родину-невесту,
На брачный горностай, сидонские опалы
Низринул ливень язв и сукровиц обвалы,
Чтоб дьявол-лесоруб повыщербил топор
О дебри из костей и о могильный бор,
Несчитанный, никем не проходимый.
Рыдает Новгород, где тучкою златимой
Грек Феофан свивает пасмы фресок
С церковных крыл — поэту мерзок
Суд палача и черни многоротой.
Владимира червонные ворота
Замкнул навеки каменный архангел,
Чтоб стадо гор блюсти и водопой на Ганге,
Ах, для славянского ль шелома и коня?!
Коломна светлая, сестру-Рязань обняв,
В заплаканной Оке босые ноги мочит,
Закат волос в крови и выколоты очи,
Им нет поводыря, родного крова нет!
Касимов с Муромом, где гордый минарет
Затмил сияньем крест, вопят в падучей муке
И к Волге-матери протягивают руки.
Но косы разметав и груди — Жигули,
Под саваном песков, что бесы намели,
Уснула русских рек колдующая пряха.
Ей вести черные, скакун из Карабаха,
Ржет ветер, что Иртыш, великий Енисей,
Стучатся в океан, как нищий у дверей:
«Впусти нас, дедушка, напой и накорми,
Мы пасмурны от бед, изранены плетьми,
И с плеч береговых посняты соболя!»
Как в стужу водопад, плачь, русская земля,
С горючим льдом в пустых глазницах,
Где утро — сизая орлица —
Яйцо сносило — солнце жизни,
Чтоб ландыши цвели в отчизне,
И лебедь приплывал к ступеням.
Кошница яблок и сирени,
Где встарь по соловьям гадали,—
Чернигов с Курском! Бык из стали
Вас забодал в чуму и в оспу,
И не сиренью — кисти в роспуск —
А лунным черепом в окно
Глядится ночь давным-давно.
Плачь, русская земля, потопом —
Вот Киев, по усладным тропам
К нему не тянут богомольцы,
Чтобы в печерские оконца
Взглянуть на песноцветный рай.
Увы, жемчужный каравай
Похитил бес с хвостом коровьим,
Чтобы похлебкою из крови
Царьградские удобрить зерна!
Се Ярославль — петух узорный,
Чей жар — атлас, кумач — перо
Не сложит в короб на добро
Кудрявый офень... Сгибнул кочет,
Хрустальный рог не трубит к ночи,
Зарю хвоста пожрал бетон,
Умолк сорокоустый звон,
Он, стерлядь, в волжские пески
Запрятался на плавники!
Вы умерли, святые грады,
Без фимиама и лампады
До нестареющих пролетий.
Плачь, русская земля, на свете
Несчастней нет твоих сынов,
И адамантовый засов
У врат лечебницы небесной
Для них задвинут в срок безвестный.
Вот город славы и судьбы,
Где вечный праздник бороньбы
Крестами пашен бирюзовых,
Небесных нив и трав шелковых,
Где князя Даниила дуб
Орлу двуобразному люб,—
Ему от Золотого Рога
В Москву указана дорога,
Чтобы на дебренской земле,
Когда подснежники пчеле
Готовят чаши благовоний,
Заржали бронзовые кони
Веспасиана, Константина.

IV

Скрипит иудина осина
И плещет вороном зобатым,
Доволен лакомством богатым,
О ржавый череп чистя нос,
Он тру́бит в темь: колхоз, колхоз!
И подвязав воловий хвост,
На верезг мерзостной свирели
Повылез черт из адской щели —
Он весь мозоль, парха и гной,
В багровом саване, змеей
По смрадным бедрам опоясан...
Не для некрасовского Власа
Роятся в притче эфиопы —
Под черной зарослью есть тропы,
Бетонным связаны узлом —
Там сатаны заезжий дом.
Когда в кибитке ураганной
Несется он, от крови пьяный,
По первопутку бед, сарыней,
И над кремлевскою святыней,
Дрожа успенского креста,
К жилью зловещего кота
Клубит мятельную кибитку,—
Но в боль берестенному свитку
Перо, омокнутое в лаву,
Я погружу его в дубраву,
Чтоб листопадом в лог кукуший
Стучались в стих убитых души.
Заезжий двор — бетонный череп,
Там бродит ужас, как в пещере,
Где ягуар прядет зрачками.
И как плоты на хмурой Каме,
Храня самоубийц тела,
Плывут до адского жерла
Рекой воздушною,— и ты
Закован в мертвые плоты,
Злодей, чья флейта — позвоночник,
Булыжник уличный — подстрочник.
Стихи мостить «в мотюх и в доску»,
Чтобы купальскую березку
Не кликал Ладо в хоровод,
И песню позабыл народ,
Как молодость, как цвет калины...
Под скрип иудиной осины
Сидит на гноище Москва,
Неутешимая вдова,
Скобля осколом по поростам,
И многопестрым Алконостом
Иван Великий смотрит в были,
Сверкая златною слезой,
Но кто целящей головней
Спалит бетонные отеки:
Порфирный Брама на востоке
И Рим, чем строг железный крест.
Нет русских городов-невест
В запястьях и рублях мидийских...

СЛОВАРЬ — КОММЕНТАРИЙ

Только одно стихотворение цикла «Разруха» — «Песня Гамаюна» — сохранилось в рукописном виде, другие были перепечатаны в ОГПУ на машинке, а оригинал, видимо, уничтожен. В машинописном тексте есть пропуски и опечатки. Предлагаемая публикация — первоначальная, в дальнейшем текст этот, несомненно, будет еще изучаться и уточняться специалистами.

Адамант — алмаз, бриллиант.
Алконост — птица печали в христианских легендах и апокрифах.
Вереда — вреда, вред; болячка.
Гамаюн — райская птица в апокрифах и духовных стихах — птица вещая.
Влас — герой одноименного стихотворения Н. А. Некрасова.

Говорят, ему видение
Все мерещится в бреду...
Эфиопы — видом черные
И как углие, глаза...

Дебренская земля — от «дебри», лесная земля.
Киса — мошна, кошель.
Кошница — корзина, плетенка.
«Ответы» — «Поморские ответы» — сочинение старообрядческого писателя Андрея Денисова, одного из главных вождей раскола в XVIII в.
Офень — бродячий торговец, коробейник.
Пасмо, пасма — одна из частей, на которые делится моток пряжи.
Великий Сиг — название деревни, у Клюева — образ северной былинной земли.
Смазни — на Руси цветные камни или стекла с цветной прокладкой, заменяющие собой в уборах драгоценности.
Сидон — знаменитый древний город в Финикии.
Сыта — медовый взвар на воде или вода, подслащенная медом.
Териак — состав из множества ядов.

Открытие памятника Петру I. 21 апреля 1914 г. Санкт-Петербург.

150 ЛЕТ ФОТОГРАФИИ

Праздники

Фото из Ленинградского государственного архива кинофотодокументов и Музея истории Ленинграда.

Почему так унылы и скучны бывают наши праздники? Отчего мы не умеем веселиться?

Блеск и выдумку карнавала, буйство красок, толпы смеющихся, радующихся, дурачащихся людей, забавные маски — все это мы видим на экране телевизора в «Международной панораме» чаще, чем на нашей улице.

Создать народный праздник, придумать его так же невозможно, как изобрести обряд. Обряды и праздники — органичная часть самой жизни: крестины, свадьбы, похороны, сбор урожая и проводы зимы.

Видимо, раскрестьянивая страну, мы поломали и естественные начала праздника — у земледельца праздник был частью его мироздания, миросозерцания, как изба не была просто жилищем, но частью крестьянской космогонии.

Праздник получал нравственную опору в религии: прощеный день, родительская суббота — к празднику нужно было очиститься от раздражения, попросить ближних забыть обиды, вспомнить навсегда ушедших.

Празднование Международного юношеского дня (МЮД) на Красной площади. 1920 г.

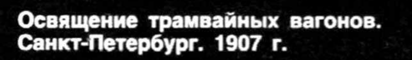

Ленинградские школьники на физкультурном параде. 1936 г.

МЮД. Ленинград. 1936 г.

Освящение трамвайных вагонов. Санкт-Петербург. 1907 г.

Субботник на Воробьевых горах. Москва, 1920 г.

Праздники

Физкультурники Ленинградского военного округа на Дворцовой площади. 19 августа 1945 г.

Конечно, во всех странах празднуют и дни великих исторических событий. Пышно и торжественно отмечаются лишь самые круглые даты, как недавнее двухсотлетие Великой французской революции.

Революционные праздники изначально были строго организованы, они были театрализованными, пропагандистскими, стихийному безыдейному веселью на них места не осталось.

Шли годы, и привычные маски капиталиста в цилиндре, по которому рабочий бьет молотом, толстобрюхого попа, пьющего водку прямо из бутылки, сменили стройные колонны физкультурников с винтовками и демонстрантов с символами труда, энтузиазм уступал место казенному восторгу.

Человек с ружьем стал центральной фигурой праздника; рабочие везли по площади велосипед с таким видом, будто они его вчера сами придумали. Праздники стали репетировать...

Есть праздники, любимые всем народом, — Новый год и наш горький праздник Победы.

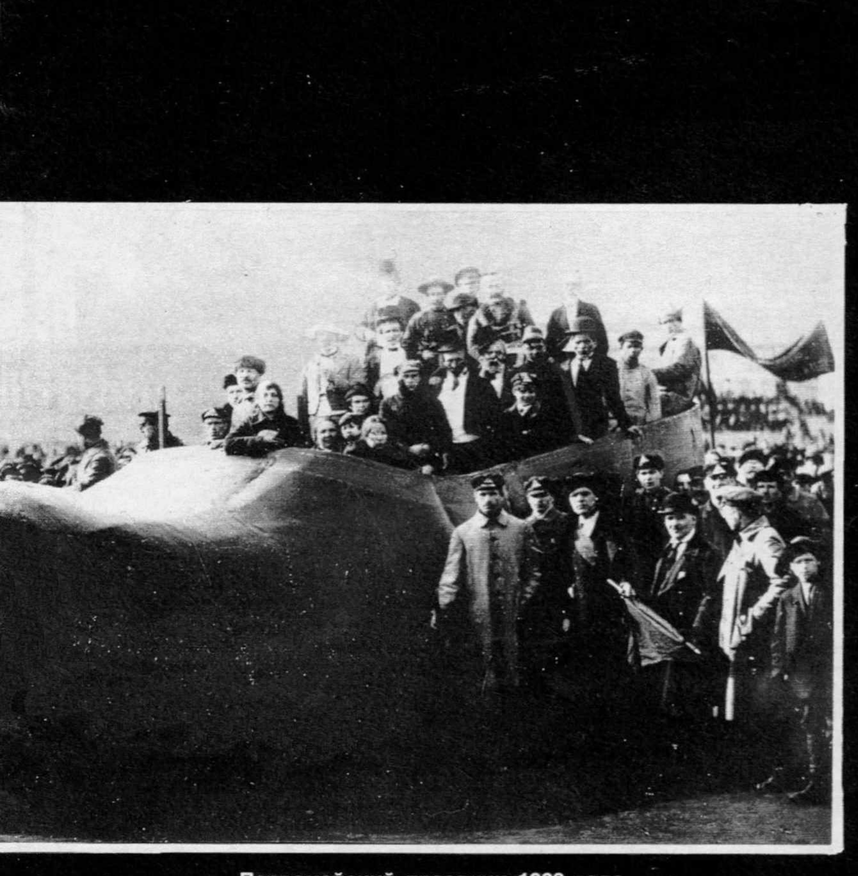
И в то же время у нас стало так много праздников, что они перестали быть праздниками, а стали лишь поводом для отраслевых самонаграждений. Праздник — это красный день календаря, и этот красный день календаря должен соответствовать народному представлению о том, что надо чествовать.

На фотографиях — праздники прошлого. Здесь ни прибавить, ни убавить, как и вообще в истории, несмотря на все ухищрения лжецов. Но история не статична — прошлое меняется не только оттого, что мы узнаем неизвестное о минувшем или разочаровываемся в обмане, прошлое подчас меняется для нас еще и оттого, что меняемся и мы сами.

В чем-то эти праздники на снимках уже не похожи на наши, но все же скорее всего нам пора перестать носить по площадям и проспектам галоши, макеты автомобилей и муляжи колбасы. Это все вещи обыкновенные, не праздничные, и место им — в магазине, а не на площади.

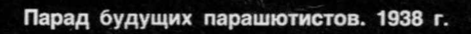
Во всяком случае, так должно быть.

Ю. ГАВРИЛОВ

Первомайский праздник 1923 года.
Рабочие «Красного треугольника» на Марсовом поле.

Парад будущих парашютистов. 1938 г.

Трест Водоканализации отмечает 26-ю годовщину
Международного женского дня. Ленинград. 1936 г.

*Венецианское ожерелье.
Три низки — 25 р.
Кремневый пистолет — 30 р.
Дарохранительница — 15 р.
Бронзовая позолоченная фигурка
Будды — 20 р.
Портрет королевы Боны.
Худ. Александрович.
Масло, холст 1777 г.— 200 р.
Очерки по истории Львова,
изд. Вена, 1870 г.— 2 р.
Памятники быта Сибири,
изд. Познань, 1860 г.— 1 р.*

С ЧЕРНОГО ХОДА

Что за странные цены за бесценные вещи? Взяты они из различных актов об исчезнувших музейных экспонатах. Экспонатах, за пропажу которых никто не понес ответственности и которые никто уже не разыскивает. Они благополучно списаны, хотя их тысячи и тысячи.

Где такое происходит? Во Львовском историческом музее. Здесь пять лет назад «вдруг» обнаружили... как бы это помягче сказать, «наличие отсутствия» ряда вещей. Из фонда скульптуры бесследно исчезли 11 экспонатов, из фонда мебели (!) — 20, из фонда живописи — 95 картин. Всего исчезло 235 предметов, каждый из которых художественная и историческая ценность, общенародное достояние.

С большим скрипом и опозданием было заведено уголовное дело. Велось оно прокуратурой Львовской области так, что вроде бы следователи очень смущались, боясь показаться навязчивыми. Они исполнили самые необходимые в таких случаях формальности и с облегчением дело закрыли.

В следственных бумагах отмечено, что хранитель фондов М. Савка на протяжении четверти века (!) «халатно относился к исполнению возложенных на него обязанностей по сохранению фонда, не вел надлежащего учета...». Злодей назван, а те, кто должен был его контролировать,— всего лишь жертвы.

В деле отмечено, что «журнал учета лиц, которые посещали музейные фонды, не велся... К Савке часто заходили посторонние лица». Думаете, следователь пытался узнать, кто были эти посторонние?

Еще записано: «Во время инвентаризации было обнаружено 12 незаинвентаризованных картин». Думаете, следствие выясняло, откуда они взялись?

В списки пропаж не был внесен старинный портрет гетмана Мазепы. Он не «пропал». Его подменили. На его месте оказалась грубая современная подделка. А «чьей кисти» она принадлежит и куда подевался оригинал — это както не вписалось в круг забот следователя.

Он добросовестно расспрашивал Савку о каждом из пропавших экспонатов. Хранитель по каждому случаю скромно отвечал: «Картину я не брал и никому не передавал». Столь лаконичный и множество раз повторенный ответ вполне удовлетворил любопытство следователя. Мне даже показалось... (но это чисто субъективное восприятие!), что следователь немного волновался: а не скажет ли Савка чего лишнего? Слава богу, не сказал. Каждый раз только это: «Не брал, не передавал». А то вдруг брякнул бы: «Передавал...» Представляете, сколько сразу дополнительной работы!

Дело закрывали дважды. Первый раз потому, что «со времени совершения преступления прошло более пяти лет». (Хотя ни по одному из экспонатов точная дата пропажи не была установлена.) А второй и последний раз: «...принимая во внимание, что преступление Савка совершил до вступления в силу» Указа об амнистии.

Еще интересней развивались события в Музее этнографии (ныне это Львовское отделение Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР). Тут нередки пропажи, например, небольших коллекций, так сказать, на любителя. То исчезают сразу 9 старинных поясов. По неряшливо составленным описаниям — с латунными пряжками-чапрагами, литыми и коваными украшениями, так что мог там быть и рыцарский пояс начала прошлого века, которому, говорят, и цены нет. То недосчитываются шести кремневых пистолетов и двух старинных ружей, то 28 книг. Правда, каждая пропавшая вещь оценивается по расценкам лавки старьевщика. Так, три десятка книг стоят... 16 рублей 56 копеек, хотя среди них есть и весьма редкие, в том числе Библия, изданная в 1730 году в Лондоне. В другом списке пропавший из музея церковный аналой оценен в 10 рублей.

Меня поверг в изумление официальный акт от 28.VI.1977 г., подписанный целой комиссией. В нем говорится, что из фонда художественного металла исчезли четыре десятка различных экспонатов: кресты, чарки, подсвечники, статуэтки... Ответственный за их сохранность (а точнее — за пропажу) П. Жолтовский решил восполнить ущерб и принес несколько десятков подобных вещей из своей домашней коллекции. Комиссия вместе с директором Ю. Гошко благосклонно узаконила такой обмен.

Любопытно, что за последние 15 лет в этом музее обнаруживались не только недостачи, но и «излишки» ценнейших экспонатов. В 1984 году при проверке фонда драгоценных металлов было выявлено 150 неучтенных экспонатов из серебра.

Стоило кому-то из сотрудников попытаться обнародовать правду о положении дел в музее, как его тут же изгоняли с работы. С шестерыми из них мне удалось побеседовать. Это доктора и кандидаты наук, специалисты. Они убеждены, что большая часть пропавших ценностей осела в частных коллекциях, вывезена за кордон иностранцами, а также бывшими нашими гражданами.

Два года назад правительственная комиссия проверяла положение дел в Киево-Печерском историко-культурном заповеднике. В итоговом документе указывалось: «В результате безответственного отношения бывших руководителей заповедника и Министерства культуры УССР из музейных фондов на протяжении ряда лет исчезали экспонаты». Так, при одной из проверок не было обнаружено 425 единиц хранения! В том числе 13 изделий из драгоценных металлов, 43 произведения станковой живописи, 68 книг прошлого века. Далее в этом документе сообщается, что никаких мер к розыску исчезнувших ценностей принято не было, а директор (не бывший, а уже нынешний) издал приказ о возмещении убытков за счет виновных. Это возмещение, как указано в документе правительственной комиссии, «непомерно низкое».

Еще бы! По рублю, а то и дешевле были оценены старые книги, некто Василенко уплатил за пропажу 14 икон 25 рублей. Дешевле чем по два рубля за штуку. Икона с изображением святого Сергия Радонежского была оценена в ... 50 копеек.

Комиссия предписала прокуратуре республики провести расследование. Оно даже не было начато.

Но чаще всего до правоохранительных органов дело не доходит. Предпринимается все, чтобы скрыть масштабы хищений народного достояния.

Если ценности исчезают, скажем, в музее Франции или Италии, то первая и главная на этом этапе задача: найти пропажу. Все остальное не важно, все остальное потом, по ходу дела. Исчезнувший экспонат находится в розыске десятилетиями, пока не будет найден или не появятся веские доказательства, что он уничтожен.

У нас действуют совсем иные принципы. Вместо «найти пропажу!» бросается клич: «Найти виновного!» Причем в милицию, как правило, музейные работники не обращаются и вообще предпочитают не выносить сор из избы.

Поиски виновных лиц, бесконечные разбирательства с ними длятся годами. Наконец виновного «находят». Думаете, дело передается в суд? Нет, оно даже не выходит за стены музея. Расхитителю предписывается «возместить материальный ущерб, нанесенный государству». Что это значит? Вместо поисков пропавших реликвий их начинают оценивать в рублях. Делает это доморощенная комиссия, составленная из лиц, которые также несут ответственность за случившееся. В их глазах ритуальная церковная посуда обретает стоимость современной эмалированной, а старопечатные книги приравниваются к брошюрам общества «Знание».

И вот две бумажки («виновник найден» и «материальный ущерб возмещен») направляются в Министерство культуры или в Академию наук — в зависимости от того, кому подчинен музей, и экспонаты списываются, исключаются из книг главного инвентаря.

Во Львове я впервые услышал весьма хлесткое выражение, которое убедительно характеризует положение дел в наших музеях: организованная халатность. Халатность?! Мне кажется, это называется по-другому. Но, безусловно, первопричина — халатность.

Она во всем. Возьмите книги главного инвентаря. Записи часто выполняются небрежно, фотографии экспонатов отсутствуют, а если и имеются, то негативы хранятся чохом, их свободно можно подменить. По такой записи почти невозможно опознать пропавшую вещь.

Вот что говорилось в прокурорской справке о пропажах в том же Музее этнографии: «При инвентаризации фонда часов и драгоценных металлов... не указывались данные об общем весе предмета, название и вес каждого драгоценного металла, который входит в качестве составной части в этот предмет, наличие на предмете драгоценных камней, их количество, название, размер и вес, наличие пустых гнезд».

Очень многие наши музеи не заинтересованы в посетителях. В Музее этнографии лишь в самое последнее время создан «музейный отдел». 80 тысяч единиц хранения распределены между научными сотрудниками: кто какую тему взял для диссертации, тот и отвечает за соответствующий фонд. Причем работа людей оценивается по количеству страниц монографий. Только для кого все это?

Казалось бы, этот музей должен ближе других стоять к народу, воспитывать чувство национального самосознания, крепить связь времен и поколений, народную нравственность... А здесь десятилетиями не меняется экспозиция, в которой выставлена лишь мизерная часть экспонатов. Богатейшие коллекции фонда драгоценных металлов вообще не видел ни один посетитель.

Мы разговаривали с новым директором музея А. Росинским. Ему эта «организованная халатность» досталась по наследству, равно как и бывший директор, который остался тут в роли ведущей научной силы. Инвентаризация фондов тянется не первый год и до конца пятилетки вряд ли будет закончена. Некоторые акты «о возмещении материального ущерба» уже подписывал новый директор. Однако он вполне согласен, что стоимость утерянных вещей, обозначенная в актах, носит чисто символический характер. Даже привел такой пример:

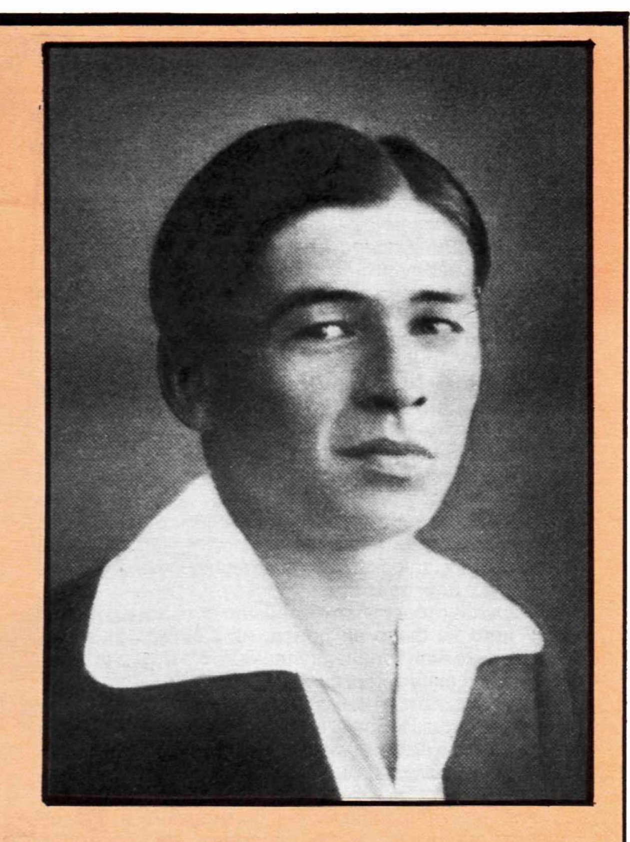
— У нас хранятся уникальные шпалеры, оцененные по триста — четыреста рублей за штуку. Но на любом европейском аукционе за такую вещь могли бы предложить и триста, и четыреста тысяч долларов.

А как они хранятся, можно представить, если, как говорил на собрании один из сотрудников, подростки проникают в фонды через крышу, если в здании музея одно из помещений занимает книжный магазин, а другое — электроподстанция...

Но довольно фактов. Мы должны понять, что уже требуются решительные изменения во всей организации музейного дела. Надо закрыть тот черный ход, через который денно и нощно исчезают бесследно тысячи реликвий нашей культуры, исторические и художественные ценности. Министерство культуры, Академия наук, Советский Фонд культуры при участии общественности должны разработать широкую программу реорганизации музейного дела, выработать новый устав и вынести его на утверждение высших законодательных органов.

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Еще совсем недавно в нашей стране господствовало убеждение, что эмиграция для художника губительна, что вдали от родины даже талантливый писатель не способен создать ничего значительного: подобно Антею, оторвавшись от родной почвы, он теряет свой дар, талант его постепенно чахнет, оскудевает и окончательно гибнет.

Что говорить! Эмиграция — это, конечно, несчастье. Особенно для писателя, вся деятельность которого (в отличие от музыканта, скульптора, живописца) кровно связана с родным языком, родной речью. И тем не менее талант Бунина в Париже не иссяк, Ходасевич в эмиграции создал лучшую свою поэтическую книгу «Европейская ночь», Георгий Иванов именно в изгнании вырос в крупного поэта.

Сегодня, когда наконец восстанавливается единство искусственно разорванной русской литературы, каждый мало-мальски грамотный читатель легко продолжит этот список, добавив к уже названным мною имена Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус, Алексея Ремизова, Бориса Зайцева, Саши Черного, Ивана Шмелева, Аркадия Аверченко, Марка Алданова и многих других. (Называю наугад, опуская имена тех русских писателей, которые впоследствии вернулись на родину, но и в эмиграции работали талантливо и плодотворно: А. Н. Толстой, Андрей Белый, Виктор Шкловский, Марина Цветаева.)

Сейчас процесс возвращения на родину писателей русского зарубежья — в самом разгаре. Возвращаются книги не только представителей так называемой «первой эмиграции», но и тех, кто вынужден был покинуть родину сравнительно недавно: Солженицына, Бродского, Войновича, Владимова, Аксенова, Коржавина.

Однако у всех названных мною писателей, хотя и принадлежат они к разным поколениям, есть нечто общее: каждый из них к тому времени, когда он волею обстоятельств оказался на Западе, был уже вполне сложившимся художником.

Из тех русских писателей, которые сделали свои первые шаги в литературе и сформировались как художники там, в зарубежье, сегодня у нас известен, в сущности, лишь один: Владимир Набоков.

Между тем литературная судьба Набокова не уникальна. Немало русских писателей не только впервые заявили о себе в эмиграции, но и состоялись там как самобытные, талантливые художники. Это Борис Поплавский, Нина Берберова, Валерий Перелешин, Иван Елагин...

Одним из первых в этом ряду должно стоять имя Гайто Газданова (1903—1971).

Осетин по происхождению, Гайто Газданов был до мозга костей человеком русской культуры. Оказавшись за границей шестнадцатилетним юношей и безукоризненно владея французским, он хотел и мог писать только по-русски. «...Россия моя родина, и ни на каком другом языке, кроме русского, я не могу и не буду писать»,— говорил он. (Из письма М. Горькому.)

В мае 1933 года Владислав Ходасевич опубликовал большую статью «Русская литература в изгнании», где, говоря о трагедии русских писателей, покинувших родину, заметил, что, как ни мучительна судьба эмигрантов старшего поколения, «все же не следует забывать, что и в России, и здесь написано ими много хороших книг». Совсем иное дело,— продолжал он,— «трагедия младшей литературы, которой грозит опасность отцвесть, еще не расцветши. Лишь очень немногие из молодежи до сих пор имели возможность жить литературным трудом. Большинство работало на заводах, на фабриках, за шоферским рулем. В этих каторжных условиях до сих пор находили они силы еще и писать, и учиться».

К судьбе Гайто Газданова эти слова Ходасевича относятся в полной мере. Он работал грузчиком, мойщиком паровозов, рабочим на автомобильном заводе, а с 1928 года по 1952-й — ночным таксистом. Одновременно (между 1926 и 1931 гг.) урывками учился в Сорбонне. И все это совмещал с упорным литературным трудом.

Известность Газданову принес его роман «Вечер у Клэр» (1930). Он был высоко оценен всеми ведущими критиками русского зарубежья. Имя Газданова называли рядом с Набоковым.

Прочитав «Вечер у Клэр», большое письмо молодому писателю написал А. М. Горький. «Вы, разумеется, сами чувствуете,— писал он в этом письме,— что Вы весьма талантливый человек. К этому я бы добавил, что Вы еще и своеобразно талантливы. Право сказать это я выношу не только из «Вечера у Клэр», а также из рассказов Ваших...»

Горький обратил внимание уже на первые его рассказы, публиковавшиеся в пражском журнале «Воля России» начиная с 1927 года.

Там же (в 1928 году) был напечатан публикуемый нами рассказ «Товарищ Брак». Этот рассказ включен в сборник произведений Газданова (составитель Ст. Никоненко), впервые издающийся в нашей стране в следующем году.

Гайто **ГАЗДАНОВ**

Товарищ Брак

Но, как вино,— печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
ПУШКИН

Мне всегда казалось несомненным, что Татьяне Брак следовало родиться значительно раньше нашего времени и в иной исторической обстановке. Она провела бы свою жизнь на мягких кроватях девятнадцатого века, в экипажах, запряженных лубочными лошадьми, на палубах кораблей под кокетливыми белыми парусами. Она участвовала бы во многих интригах, имела бы салон и богатых покровителей — и умерла бы в бедности. Но Татьяна Брак появилась лишь в двадцатом столетии и поэтому прожила иначе; и с ее биографией связано несколько кровавых событий, невольным участником которых стал генерал Сойкин, один из самых кротких людей, каких я только знал.

В те времена, когда Татьяна Брак начинала свою печальную карьеру, ей было восемнадцать лет, и мы любовались ее белыми волосами и удивительным совершенством ее тела. Она была внебрачной дочерью богатого еврейского банкира и жила в квартире своей матери, маленькой седой женщины с нежными глазами. В квартире всегда бывало темновато; пустые, мрачные картины висели на синих обоях, чернело тусклое дерево рояля, на тяжелых этажерках поблескивали золотые корешки книг. Мать Татьяны давала уроки музыки и французского языка.

Когда Татьяне Брак пошел девятнадцатый год и ее глаза вдруг приобрели смутную жестокость, мы увидели, что липкие ковры разврата уже стелются под ее ногами. Мы не ошиблись: однажды Татьяна вернулась домой гораздо позже полночи, и мы узнали, что она провела время сначала в ресторане «Румыния», потом в гостинице «Европа» — в обществе коммерсанта Сергеева. Были все основания опасаться последствий ее знакомства с Сергеевым. Об этом нас предупредил генерал Сойкин, атлетический человек тридцати четырех лет; ни в какой армии он тогда не служил и вообще не был военным: генерал было его прозвище. Мы — состояли из трех человек: сам Сойкин, его приятель Вила, бывший учитель гимназии, и я.

Я бы не сумел вполне точно определить причины, связавшие наше существование с жизнью Татьяны Брак. В этом вопросе мы не соглашались с Вилой, единственным из нас, склонным к рассуждениям и анализу. Он говорил, что существуют типы женщин, сумевших воплотить в себе эпоху, и что в Татьяне Брак мы любили гибкое зеркало, отразившее все, с чем мы сжились и что нам было дорого. Кроме того, утверждал Вила, мы любили в Татьяне Брак ее необыкновенную законченность, ее твердость и определенность, непостижимым образом сочетавшиеся с женственностью и нежностью. «Это все не то,— говорил генерал,— не в этом дело, Вила».

Я знаю, однако, что генерал Сойкин любил Татьяну какой-то необыкновенной, деликатной любовью, и знаю также, что Татьяна Брак никогда этого не подозревала. Любовь генерала не была похожа на обычные романы развязных молодых людей: мысль о возможности обладания Татьяной, наверное, привела бы его в ужас. Генерал любил Татьяну потому, что его бескорыстная натура, наталкивавшаяся в жизни только на обижавшую его грубость и давку, обрела в Татьяне Брак какой-то сентиментальный оазис. Генерал был всю жизнь влюблен в музыку, пел романсы и играл на мандолине. И он понимал, что и его застенчивая детская скромность, и романсы, и дешевая мандолина не нужны, может быть, никому; но когда Татьяна, у которой мы часто бывали в гостях, просила его спеть еще что-нибудь, ему вдруг начинало казаться, что и он, генерал, он тоже недаром существует на свете. И за непомерную

радость, которую он испытывал в такие минуты, он отдал бы все, что имел.

Вила был человеком совершенно неопределенного типа. Он был довольно образован, но у него никогда не было ни своих убеждений, несмотря на любовь к философствованию, ни даже привычек — ничего решительно из того, чем один человек отличается от другого. Единственным его качеством было органическое отсутствие страха да еще, пожалуй, необыкновенная, инстинктивная способность ориентации: я не представляю себе, чтобы Вила мог где-нибудь заблудиться или чего-нибудь не найти. С генералом Сойкиным его связывала пятилетняя дружба и какая-то давняя история, о которой ни генерал, ни он не любили распространяться. Во всяком случае, он следовал за генералом повсюду: и в визитах к Татьяне Брак он тоже был нашим неизменным спутником.

И наконец: не была ли Татьяна Брак самой блистательной героиней нашей фантазии? Мы были заворожены зимой и необычностью нашей жизни; мы были готовы к каким угодно испытаниям, мы не ценили ни нашей безопасности, ни нашего спокойствия; и за каменной фигурой генерала мы пошли бы защищать Татьяну Брак так же, как поехали бы завоевывать Австралию или поджигать Москву.

И с другой стороны: что же было оберегать генералу? У него не было ни домов, ни земель, ни денег, была только мандолина, купленная по случаю, и печаль, освещенная керосиновой лампой.

Но только потом мы попытались объяснить нашу любовь к Татьяне Брак: в прежние, лучшие времена мы не могли думать об этом. И в тот момент, о котором я пишу, нас занимала одна мысль — как избавить Татьяну от коммерсанта Сергеева.

Никто не знал, почему он коммерсант и что он продает; большую часть времени он проводил с женщинами, в театре, в оперетке, в загородных шантанах; на него указывали, как на участника нескольких очень неблаговидных дел, но он был чрезвычайно скользким человеком, и прямо обвинить его было невозможно. Женщинам он очень нравился, я думаю, потому, что говорил приторно-сладким тенором, имел длинные ресницы и питал непреодолимую любовь к цитатам из Игоря Северянина. При ближайшем знакомстве оказывалось, что он глуповат, но какой-то особенной, претенциозной и кокетливой, какой-то, я бы сказал, не русской глупостью. В делах же и в трудных обстоятельствах он был неумолимо, по-зверски жесток: рассказывали, что одной из своих любовниц он сжег волосы на теле — и в течение двух недель она не могла передвигаться.

Хотя мы хорошо знали, что Татьяна Брак очень не любит советов, мы все же послали к ней Вилу с поручением предупредить ее об опасности встреч с Сергеевым. Татьяна не дослушала его доказательства и почти выгнала Вилу из дому.

— Нет,— сказал он, вздыхая.— Это исключительно храбрая девушка. Она даже венерических болезней не боится. Знаешь, генерал, так ничего не выйдет. Ты лично переговори с Сергеевым.

— Хорошо, я переговорю лично,— задумчиво ответил генерал.

* * *

Этот день был вообще одним из самых неудачных в жизни Сергеева. Один его дальний родственник, маленький, злобный, обтрепанный горбун, приехал к нему с требованием денег, иначе он не уйдет. Сергеев всегда избегал трат, но в этом случае тупое упорство урода вывело его из себя.

— Я тебя из окна выброшу,— тихо и яростно сказал он горбуну.

Тот захныкал:

— Конечно, убогого недолго выбросить! Дай денег!

Сергеев дал ему денег; затем он отхлестал карлика по щекам — и карлик с распухшим лицом, выйдя на улицу, начал бросать камни в окно Сергеева и разбил стекла, а когда обезумевший от гнева Сергеев выскочил из подъезда, горбун пустился удирать, быстро оборачиваясь всем телом, чтобы взглянуть на преследователя, показывая ему язык и отплевываясь во все стороны. Карлик бежал с необыкновенной быстротой; он производил впечатление уродливого и страшного животного. Сергеев не стал за ним гнаться.

Каким-то непонятным путем Вила узнал, что накануне Сергеев назначил Татьяне свидание в девять часов вечера в том же ресторане «Румыния». Мы считали, что это свидание не должно состояться, и в восемь часов генерал Сойкин отправился для личных переговоров с Сергеевым. Сергеев сидел в комнате с разбитыми стеклами, кутался в шубу, мерз и злился на весь свет. На генерала после нескольких слов он набросился с кулаками, но сейчас же пожалел об этом, так как кроткий обычно генерал, возлагавший надежды на свои дипломатические таланты и менее всего склонный применять способы физического воздействия, внезапно рассвирепел и сделался страшен. Он перебил многочисленные вазы с цветами, стоявшие в комнате Сергеева, переломал стулья, раздробил зеркало, сорвал ковры, висевшие на стенах, и выбросил их в окно. Сергеева он чуть не задушил — он долго таскал его по опустошенной комнате, и осколки ваз врезались в тело Сергеева; он встряхивал его и в отчаянии бросал на пол — и когда через полчаса он выходил из комнаты, Сергеев безмолвно лежал на спине, открыв рот с золотыми зубами. Генерала Сойкина встретили соседи Сергеева по меблированным комнатам, где все это происходило; они были вооружены бутылками, палками и другими более или менее увесистыми предметами, предназначавшимися для сокрушения генерала. Генерал быстро отступил, запер за собой дверь, вылез через окно и убежал. К нам он явился с очень расстроенным видом.

Вообще вся жизнь Сойкина состояла из сплошных разочарований. В принципе он был пацифистом: не выносил драк, презирал людей, пускающих в ход кулаки, и больше всего на свете любил вежливые разговоры и мандолину. В идиллической республике гуманизма он был бы самым образцовым гражданином. Но подобно многим другим — подобно Татьяне Брак, например,— он попал в обстановку, совсем не соответствующую его безобидным вкусам. На него постоянно нападали, кто-то обижался, кто-то в пьяном виде пытался сводить с ним счеты — и мирный Сойкин был вынужден отвечать на удары ударами; а так как он обладал исключительной физической силой, то это всегда плохо кончалось. Изредка, впрочем, генерал, отчаявшийся в упорном нежелании людей разрешать все конфликты вежливыми разговорами и игрой на мандолине, генерал, доведенный до исступления этой зверской косностью, вдруг приходил в неукротимое бешенство — и тогда к нему боялись приблизиться даже очень храбрые люди. Каждый раз после этого он, придя домой, вздыхал, жалобно чмокал губами и играл самые минорные мотивы.

Так случилось и на этот раз. Мы ждали генерала в его квартире: квартира генерала находилась непосредственно над бюро похоронных процессий, чем генерал не переставал огорчаться; квартиру же генерал ценил потому, что хозяин дома был несколько ненормальным человеком. Он заключил с одним из своих знакомых такое пари: в течение года он не будет требовать с квартирантов платы, и непременно найдется хоть один человек, который все-таки будет платить. Хозяин не ошибся, таким человеком оказался генерал, который после этого почувствовал себя необыкновенно обязанным хозяину и считал, что он не вправе съезжать, тем более что, кроме генерала, не платил решительно никто, даже владелец бюро похоронных процессий, заработавший большие деньги на эпидемии испанской болезни.

Сокрушенно покачивая головой и разводя руками, генерал сообщил нам, что попытка договориться с Сергеевым путем вежливого диалога потерпела самый ужасный крах. Ссадины на руках генерала свидетельствовали об этом с непререкаемой точностью.

— В «Румынию», однако, он не придет,— мрачно сказал генерал.

— До чего все-таки сволочь народ,— сочувственно отозвался Вила.— Приходишь к нему поговорить, а он с кулаками. В морду такого человека, совершенно ясно.

Вместо Сергеева, надолго лишенного возможности назначать свидания, в ресторан «Румыния» отправились мы. Татьяна Брак уже сидела за столиком, на диване; бра с желтым абажуром освещало ее прекрасные волосы и верхнюю часть тела. Она была в платье с большим декольте. Кутилы с проборами, блистательно пересекающими легкие головы, несколько раз подходили к столику Татьяны Брак, но, увидя нахмуренное лицо генерала, конфузились, пятились задом, цепляясь за стулья, и уходили. Татьяну Брак корчило от злобы и ожидания, но стыд сковывал ее движения.

— Посмотрите,— сказал Вила,— вот: любовь играет человеком.

— Что ты путаешь? — меланхолически спросил генерал.— Судьба играет человеком, а не любовь. А еще учителем был — вот и видно, что ты недобросовестно относился к своим обязанностям. Ты что преподавал?

— Географию,— сказал Вила.— И историю в младших классах. Ты напрасно говоришь, генерал, что я недобросовестно относился. Конечно, если ты играешь на мандолине, то ты должен знать «горелшумел пожар московский». А спроси я тебя, где Антильские острова, так ты скажешь,— в Костромской губернии.

— Антильские не Антильские — один черт,— сказал генерал.

— Конечно, при таком пессимизме...

И в эту минуту мы заметили, что за столик Татьяны Брак сел неизвестный человек в галифе. Вила укоризненно посмотрел на генерала. Неизвестный человек что-то быстро говорил Татьяне, она улыбалась.

— Чисто работает,— сказал я, набравшись храбрости.

Вила подозвал лакея, всунул ему в руку бумажку и попросил на ухо передать собеседнику Татьяны, что одна очень интересная дама с вуалью просит его на минутку в приемную. В приемную пошел генерал, и через несколько секунд после него явился собеседник Татьяны. Он поглядел на красный матовый бархат портьер, оглянулся несколько раз и уже собрался уходить, когда его остановил генерал.

— Простите, пожалуйста, милостивый государь,— сказал генерал, вознаграждая себя этим вежливым обращением за избиение Сергеева и искренно наслаждаясь собственной деликатностью.— Прошу извинения, что, не будучи вам представленным, имею дерзость к вам адресоваться.

— Это вы — интересная дама с вуалью? — спросил, гордо улыбаясь, неизвестный человек.

— Да, и если вы соблаговолили бы меня извинить...

— Что вам нужно? — нетерпеливо сказал неизвестный человек.

Генерал покраснел, но сдержался.

— Вы не могли бы говорить несколько мягче? — просительно сказал он.— Я хотел к вам обратиться с просьбой покинуть столик той девушки, с которой вы разговаривали. Видите ли, я вам откровенно скажу: это очень честная и глубоко порядочная девушка. Ведь вы на ней не женитесь? А я против таких легких связей, знаете.

— А вы, собственно, кто такой?

— Вы уклоняетесь от темы,— возразил генерал.— Ведь важен главным образом принцип. А детали — что? Детали совершенно несущественны.

— Вы, должно быть, пьяны?

— Вы не совсем правы. Я, если позволите, вполне трезв.

— Тогда вы идиот и хам,— сказал собеседник генерала,— я вас научу не вмешиваться в чужие дела.— Собеседник генерала размахнулся. Генерал побледнел, поймал на лету размахнувшуюся руку, потом поднял неизвестного человека на воздух, открыл дверь и вынес его на улицу.

— Я с вами разговаривал, как с человеком,— сказал он, заглядывая в изумленное лицо собеседника.— Но если вы не умеете понимать, вы должны чувствовать.— Генерал попытался вспомнить, как это будет по-немецки, но память ему изменила.— Я вас предупреждаю: если вы не оставите этой девушки и не уйдете через десять минут из ресторана, то вы об этом будете жалеть всю вашу жизнь. Вы поняли?

На этот раз неизвестный человек понял, и едва генерал успел вернуться к столику, он уже ушел.

— И этот, как все другие,— вяло сказал генерал.— Когда же наконец люди станут порядочнее?

Этот вечер кончился благополучно. Татьяна Брак пошла домой. Мы шли за ней по крепкому, хриплому снегу, через облака белой ледяной пыли. Ветер с шуршанием осыпал фонари со вздрагивающим пламенем; в длинной галерее печальных белых огней двигалось несколько черных фигур мимо медленно уплывающих многоэтажных каменных льдин.

* * *

Спустя много лет генерал Сойкин мне говорил, что самым значительным обстоятельством, повлиявшим на Татьяну Брак, он считает чисто атмосферные условия — температуру двадцати градусов ниже нуля, сухую морозную зиму и необыкновенную чистоту ледяного воздуха, характерную для этого периода времени.

— Теперь,— сказал он,— когда утекло чрезвычайно много воды, мы можем об этом свидетельствовать вполне беспристрастно.

Может быть, генерал был прав. Во всяком случае, черный силуэт Татьяны Брак, идущей между белыми фонарями, остался для нас одним из самых убедительных, самых прекрасных образов нашей памяти.

— Я не забыл,— сказал я генералу,— я никогда не смогу забыть, что это все случилось зимой в нашем городе. Ты помнишь, генерал, что даже романс «Чуть позабудешься ночью морозною», который ты играл на мандолине и который, конечно, не выдерживает критики здесь, на непоэтическом западе, казался нам тогда исполненным глубокого значения. Тогда мы вообще были лучше, генерал. Вспомни эти необыкновенные снежные пирамиды деревьев, эти лампы ресторанов, где собирались спекулянты, этот разреженный и острый ветер свободы и духовые оркестры революции, которые тебе как музыканту должны быть особенно близки. Конечно, этот романтизм исчез совершенно бесследно — и, пожалуй, тогда Татьяна Брак могла бы вновь воскресить перед нами эти пустыни поэзии, в синей белизне которых нам не перестает слышаться торжественная музыка того времени. Но Татьяна Брак, к сожалению, погибла — и ты предпочитаешь свою мандолину, генерал?

Рисунок
Олега ВУКОЛОВА

— Нет, почему же мандолину? — сказал генерал.— Я даже, если хочешь знать, предпочитаю рояль.

— Да, рояль тоже неплохая вещь. Ты помнишь, кто хорошо играл на рояле, генерал?

— Лазарь Рашевский?

Я кивнул головой. Лазарь Рашевский и был человеком, погубившим Татьяну Брак. Мы никогда не отрицали его достоинств: храбрости, ораторских данных и больших музыкальных дарований. Но нам была органически противна его длинная, худая, гибкая фигура, необыкновенно тонкие и липкие пальцы, быстрые, обезьяньи, отвратительные движения. Генерал не мог примириться с его жестокостью, резкими, язвительными замечаниями и полным нежеланием признавать правила вежливости. Вила презирал его за недостаточное знание истории, и у меня, в свою очередь, тоже были причины недолюбливать Лазаря: я не мог ему простить готовности подчинения нелепой точности политической доктрины. Правда, судьба была к нему немилосердна: зимой тысяча девятьсот девятнадцатого года по приказу генерала Сивухина он был повешен, как махновский шпион, на железнодорожном мосту станции Синельниково. Но о его гибели и мужественном поведении в белом плену нам только потом рассказал Вила.

Лазарь Рашевский, которого тогда не знал никто из нас, познакомился с Татьяной Брак на политическом митинге, где он выступал в качестве защитника анархизма. Татьяна не объясняла, почему он ей понравился, но когда мы однажды пришли к ней, мы увидели Лазаря, который сидел в кресле с таким видом, точно в доме Брак он бывает по крайней мере лет десять. Мы переглянулись.

— Товарищ Брак,— сказал Лазарь; голос у него был очень резкий: букву «р» он сильно картавил.— Я забыл вам сказать, что я думаю: у вас роковая фамилия. И кроме того, товарищ Брак звучит, как парадокс.— Татьяна ничего не ответила. Глаза Лазаря остановились на рояле.— А, вы занимаетесь музыкой? Хорошо играете? Я тоже хорошо играю.

— Ну сыграйте,— недоверчиво сказал молчавший до сих пор генерал. Лазарь сел за рояль, и мы услышали такую музыку, какой еще никогда не слыхали. Генерал растерянно моргал глазами — и когда потом Татьяна попросила его спеть что-нибудь под мандолину, он, пренебрегая даже своей вежливостью, обычно совершенно безукоризненной, отказался самым категорическим образом.

В первый же день нашего нового знакомства мы узнали все, что можно было узнать о Лазаре. Он был анархистом-террористом, долго жил во Франции и только несколько недель тому назад приехал в Россию. Здесь он собирался устраивать организацию товарищей для борьбы с властями и экспроприацией. Надо отдать должное его энергии: в десять дней организация была создана, откуда-то Лазарь достал пулеметы, и, к нашему удивлению, стало известно, что товарищ Брак выбрана секретарем «восьмой секции всероссийской партии анархистов-террористов».

* * *

Глубокой декабрьской ночью боевая дружина восьмой секции выехала на главную улицу, затем свернула вправо и стала подниматься вверх, к аристократическому кварталу города. Дружина была вооружена винтовками, револьверами и двумя пулеметами. Она состояла из десяти человек, и впереди отряда, рядом с Лазарем Рашевским, неловко вцепившимся оледенелыми пальцами в гриву лошади, ехала товарищ Брак. Тень черного знамени влачилась по уезженному снегу.

По постановлению исполнительного комитета экспроприировали денежные запасы анонимного общества банка Кернер и К°. Когда на подводы уже кончали грузить добычу, мы услышали отчаянную стрельбу. Мы в это время сидели в квартире генерала Сойкина и очень мирно разговаривали. Услыхав выстрелы, мы вышли на улицу. Пулеметы били в полквартале от нас, за углом, и раньше, чем мы успели сделать несколько шагов, мимо нас проскакала на лошади Татьяна Брак. Оторопев, мы глядели ей вслед. Стрельба не прекращалась. Еще через минуту пробежал Лазарь Рашевский с револьвером в руке. Затем послышался топот, усиленные выстрелы, и наконец все стихло. Мы пошли туда, откуда доносился этот шум.

У дверей анонимного общества четыре человека стояли и смотрели на двух убитых милиционеров, хотя смотреть было нечего: оба были мертвы. На снегу виднелись многочисленные следы подков. Дело объяснялось просто: милиция, спешившая к банку, чтобы арестовать анархистов, была встречена пулеметным огнем. Два милиционера было убито, четыре ранено, и анархисты, все до одного, не только ускользнули, но и увезли с собой все экспроприированное.

* * *

С тех пор имя товарища Брак стало известным. Через несколько дней после ограбления анонимного общества была совершена еще одна экспроприация, опять с человеческими жертвами. При нас о товарище Брак рассказывали легенды, рисовавшие ее самыми мрачными красками. Ее мать плакала целыми днями. Таня все не возвращалась домой, и об ее местопребывании никто из нас решительно ничего не знал. Тогда за розыски товарища Брак взялся Вила, обладавший собачьим чутьем. Он три дня шатался по городу, после этого он пришел к нам и рассказал, что Татьяны он не нашел, но узнал, где бывает Лазарь.

— Такая, знаешь, конспирация,— сказал Вила генералу.— Прямо смешно. Ну, а Лазаря можно увидеть в паштетной бывшего Додонова.

Паштетную бывшего Додонова мы знали хорошо. Ее держал переплетчик Ваня, молчаливый и подозрительный человек. Но последние три недели паштетная была закрыта, а сам Ваня пропал неизвестно куда, и мы очень удивились: а, она опять открылась? В тот же вечер мы пошли туда.

Паштетной мы не узнали. Из обыкновенного притона с грязной клеенкой на столах и графинами, засиженными мухами, она превратилась в чистенький

ресторан с претензиями на восточный стиль. Мы вошли, огляделись и увидели человек восемь посетителей, которых мы знали всех и о которых, ни обо всех вместе, ни о каждом в отдельности, никто бы не мог сказать ничего хорошего. Лазаря не было.

Мы сели за столик и заказали бутылку лимонада, на что субъект, больше похожий на восточного фокусника, чем на лакея, с головой, обмотанной зеленой тряпкой, и с темным лицом, испещренным оспой, презрительно фыркнул прямо в физиономию Вилы. Генерал переглянулся с Вилой и наступил на ногу лакея, придавив его ступню с такой силой, что темное лицо под зеленой материей побагровело от боли. Вила, откачнувшись на стуле, ткнул лакея кулаком в живот — лакей согнулся вдвое и выронил поднос, впрочем, совершенно пустой. Ваня невесело улыбнулся, глядя из-за своей стойки.

— Надо, голубчик, с гостями вежливее быть,— мягко сказал генерал.— Заказывают лимонада, значит, лимонада. А эти идиотские пофыркивания надо оставить, это неприлично.

Лакей ушел неверной походкой. Посетители посмотрели на генерала, но промолчали.

Через пять минут пришел Лазарь.

— Товарищ Рашевский! — закричал генерал.— Можно вас на два слова? — И генерал объяснил Лазарю, что мать товарища Брак очень убивается; хорошо было бы, если бы Татьяна съездила бы домой: он, генерал, гарантирует неприкосновенность товарища Брак.

Лазарь сморщился, точно раскусил лимон, и ответил:

— Я не могу разрешить этого товарищу Брак. Знаете, товарищ, этот глупый сентиментализм надо оставить. Мать, потом брат, потом сват... Я не могу этого разрешить.

— Пожалуйста, я вас очень прошу,— настаивал генерал.

— Я сказал нет, значит, нет.

— Ну, тогда,— сказал генерал,— я вас не отпущу до тех пор, пока товарищ Брак не навестит свою мать.

Лазарь засмеялся и хотел встать из-за стола. Но генерал удержал его.

— Нет, товарищ Рашевский, вы так не уйдете.— Лицо Лазаря стало серьезным. Он резко рванулся со стула, но рука генерала не разжималась.— Еще есть выход,— сказал генерал.— Проводите нас к товарищу Брак, мы с ней поговорим.

— Это я могу сделать,— ответил Лазарь.

Мы вышли с черного хода паштетной, пересекли улицу и попали в освещенный шестиэтажный дом с множеством квартир. На третьем этаже Лазарь остановился, отпер ключом дверь и пригласил нас войти. В гостиной на диване сидели две женщины и двое мужчин, и мы издали увидели белые волосы товарища Брак.

Через полчаса Татьяна, закутанная в шубу, выходила из своей комнаты.

— Вы куда? — спросил Лазарь.

— Я скоро вернусь.

— Я не разрешаю вам.

— Я не просила у вас разрешения.

Лазарь, дерзкий на язык и быстрый в ответах, смутился на этот раз.

— Простите.

И мы приехали на старую квартиру Татьяны Брак. Мать ее плакала от радости, целовала Татьяну без конца и упрекала:

— Ты меня пожалей, Танечка, ведь я же по тебе плакать буду. Ну, для чего мне жить, если тебя не станет?

— Не могу, мама,— сказала Таня,— нужно так, ничего не поделаешь.

Лицо матери скрылось в морщинах, она тихо заплакала. Генерал нахмурился, рассеянное отчаяние выразилось в его глазах. Вила глотал слюну, я смотрел в темное окно — невероятные узоры мороза искрились передо мной; из щели повеяло холодом.

— Ну, Христос с тобой, Танечка,— проговорила мать.

На обратном пути, подпрыгивая в санях, генерал много раз начинал:

— Ах, товарищ Таня... ах, товарищ Таня...— но от волнения так ничего и не сказал.

— Поговорил, нечего сказать,— насмешливо пробормотал Вила. Генерал разъяренно повел на него глазами, но Вила быстро отскочил.

— Твое счастье,— сказал генерал, успокаиваясь.— Пойми, Вила, жалко.

* * *

Потом боевая дружина анархистов-террористов покинула наш город. Это совпало с приходом войск Красной Армии. Они появились в белом утреннем тумане, после пустынной, выжидающей ночи, наводнили город мохнатыми, заиндевевшими шкурами лошадей, плоскими носами солдат, красными звездами комиссаров и накрашенными лицами проституток, высыпавших на улицы в этот поздний для проститутоκ час. Полки пестро одетых людей проходили мимо заколоченных магазинов; гордые знаменосцы волокли на плечах тонкие палки с кусками красной материи; торжествующие офицеры, с расплывающимися от удовольствия лицами, шагали вне строя, по тротуару, и любезно улыбались чувствительным взглядам горничных, кокоток, торговок с красными руками и хриплыми глотками. В городе шла суетливая толкотня: через несколько часов было реквизировано много зданий, застучали на машинках легионы девушек, представлявших из себя идеальное соединение ленточек губ, веселеньких носиков и глазок и всякого усердия в службе пролетариату и интернационалу, этим загадочным иностранным словам, в которых, впрочем, ремингтонистки не обязаны разбираться. Это была армия советских святых: мы с генералом любили ее за бездумность, за непонимание многих вещей, за то блаженное неведение и душевную простоту, которые служат контрамарками для входа в гигантские цирки царства небесного. Вила, более требовательный, презрительно называл ремингтонисток половыми функциями государственного аппарата. Город покашлял, повздыхал и вновь зажил прежней жизнью; но мы уже не могли обрести нашего спокойствия: товарища Брак с нами не было.

Она ехала в это время на своей лошади, рядом с Лазарем Рашевским, по снежным дорогам — на юг. Вила сообщил нам об этом, так как один из его знакомых рабочих сказал ему, что отряд товарища Брак выехал из города в ночь на первое января. По обыкновению, мы сидели у генерала и разговаривали, но после слов Вилы мы замолчали. Не знаю, о чем думал генерал, я уверен, во всяком случае, что каждая его мысль была редактирована в самых любезных выражениях. Вила встряхивал головой и, выпрямляясь, глядел перед собой стеклянными, бессмысленными глазами.

А я думал об амазонках. Еще тогда я чувствовал нелюбовь к олеографическому героизму этих воинов в юбках, но о товарище Брак я думал иначе. Судьба втиснула ее в нелепую и жестокую дребедень батальной российской революции, но ее собственный образ оставался для меня непогрешимым.

— Товарищ Брак! Я призываю в свидетели генерала Сойкина и учителя Вилу: нас нельзя упрекнуть в нерыцарском отношении к вам.— Я пробормотал эти слова, огорченный генерал поднял голову и сказал:

— Товарищи, завтра утром мы едем вслед за Татьяной Брак.

Ночью мы возились, упаковывали вещи, а утром уже садились в поезд, идущий на юг. Когда хозяин дома, узнав об отъезде генерала, прибежал к нему с просьбой остаться, генерал ответил:

— Ваш дом теперь вам не принадлежит, денег вам платить нельзя. Я выполнил мой долг.

— Но куда же вы едете?

— В неизвестном направлении,— сказал генерал.

* * *

Но нам было суждено опоздать — и всегда после этого генерал с ненавистью вспоминал о жестокой ошибке времени, причем он ругал время так, точно это громадное и шумное понятие было живым человеком, нас неслыханно оскорбившим.

Мы опоздали и, подъезжая к станции Павлоград, узнали ошеломляющую новость: карательный отряд правительственных войск во главе с товарищем Сергеевым захватил дружину анархистки Брак. Дружина была расстреляна, спасся один человек — Лазарь Рашевский. Генерал долго молча сидел на длинной скамье в зале третьего класса. Затем мы вышли в поле, увидели эти трупы и, несколько в стороне от них,— тело товарища Брак. Она лежала в панталонах и рубашке.

— Мертвые срама не имут! — закричал Вила.

Голова товарища Брак была разнесена пулями: одна пуля попала под мышку, и на вывороченном мясе торчали обледеневшие волосы. Белые ноги товарища Брак раскинулись на мерзлом снегу, в полуоткрытом рту чернел остановившийся маленький язык.

— Наверное, товарищ Сергеев еще на станции,— сказал генерал. Вила шарахнулся в сторону, услышав эти слова, хотя генерал говорил тихо и внятно.

Действительно, товарищ Сергеев еще не уехал. Вагон первого класса стоял на второй линии рельсов, охраняемый долговязым часовым. Мы обошли вокзальное здание. Весь отряд отправился в город громить большой винный склад, и на станции оставались только товарищ Сергеев и часовой. Генерал, не задумываясь, подошел к вагону, и часовой загородил ему дорогу.

— Входа нет, товарищ,— сказал он. Чисто выбритое лицо Сергеева мелькнуло в окне.— Входа нет,— повторил часовой, но, посмотрев на генерала, понизил голос и прошептал: — Я караул скричу.

Генерал вырвал винтовку из его рук и ударил его наотмашь по лицу. Часовой осел, спина его заскользила по лакированному дереву вагона, ноги ушли в снег, и облитая кровью голова тихо стукнулась об рельс. Генерал вошел в вагон. Сергеев, увидев его, схватился за револьвер, но не успел его вытащить: генеральские пальцы уже вцепились в его руку.

— Вы расстреляли товарища Брак,— сказал генерал. Сергеев молчал и отчаянно озирался по сторонам.— Вы себе не можете представить, что это был за человек,— сказал генерал и всхлипнул. Он отпустил правую руку Сергеева, которая беспомощно повисла, ее побелевшие пальцы не шевелились. Затем он охватил обеими руками шею Сергеева и начал медленно сжимать ее. Сергеев побагровел и задергался.

— Не сопротивляйтесь,— сказал вошедший в вагон Вила,— он физически очень сильный человек, я хочу сказать, генерал Сойкин. Я даже, знаете, однажды с ним такое пари держал...

Слезы заструились из глаз Сергеева.

— Думаешь, я не плакал? — сказал генерал.

Через полминуты коммерсанта, донжуана и начальника карательного отряда Сергеева не существовало: в его вагоне лежал труп с выкатившимися глазами и с глубокими синими следами пальцев на шее.

— Боже мой,— бормотал генерал,— какая жестокость!..

* * *

И мы исчезли в черных туманах смуты. Нас бросало из стороны в сторону, сквозь треск и свист. Осыпанные землей и искрами, мы брели и гибли, цепляясь глазами за пустые синие потолки неба, за хвостатые звезды, падающие вниз со страшных астрономических высот. Мы жили в дымящихся снегах и взорванных водокачках, мы переходили бесчисленные мосты, обрушивающиеся под нашими ногами; мы попадали в шумные города, дребезжавшие обреченными оркестрами веселые арии оперетoк; мы видели невероятных женщин, отдающихся за английские ботинки на мрачных скатах угольных гор железнодорожных станций, мы видели бешеных коров и сумасшедших священников, мы далеко заглянули за тяжелые страницы времени: десятки искалеченных Богемий покорно умирали перед нами, люди, качавшиеся на российских высоких перекладинах, молча глядели на нас.

И Лазарь Рашевский не вынес такого путешествия. Он был захвачен белыми солдатами и обвинен в шпионаже. Его, раздетого, повезли в теплушке с пылающей печью в штаб генерала Сивухина, били его по бритой голове раскаленным шомполом, но он не выдал никого. Утром следующего дня его должны были повесить. Он храбро встретил смерть, не вздыхал, не жаловался. Но близость конца заставила его, я думаю, пожалеть о Татьяне Брак и ее гибели, в которой виновен был он. И Лазарь совершил сентиментальный поступок, о котором он пожалел бы сам, если бы остался жив. Он попросил, чтобы его провели к генералу Сивухину, и сказал, что хочет сообщить ему лично несколько важных сведений. Но это была неправда. Он остановился перед седым мужчиной с квадратным черепом и сказал своим резким голосом:

— Господин генерал, завтра меня повесят.— Генерал кивнул головой.— Я хотел бы просить вас об одном одолжении. В вашем поезде есть рояль, я слышал, как кто-то играл. Я очень хороший пианист, господин генерал, разрешите мне сыграть что-нибудь сегодня вечером.

— Играйте на здоровье,— сказал генерал.

Когда Вила рассказывал нам об этом, я сидел, опустив голову, и все силился что-то вспомнить. И уже когда Вила кончил говорить,— перед моими глазами встала строчка из André Chenier:

— «Au pied de L'échafaud j'essaye encore ma Lyre»*.

Лазарь Рашевский играл целый вечер. Я не знаю, как он играл,— думаю, что гораздо хуже, чем обыкновенно. Его слушали генеральские сестры милосердия в белых косынках с крестиками и штабные офицеры. Все были растроганы, сестры даже плакали в носовые платки.

— А все-таки правосудие прежде всего,— сказал генерал, и на следующее утро Лазаря повесили на железнодорожном мосту, приколов к груди бумажку: «За шпионаж в пользу бандита и анархиста Махно».

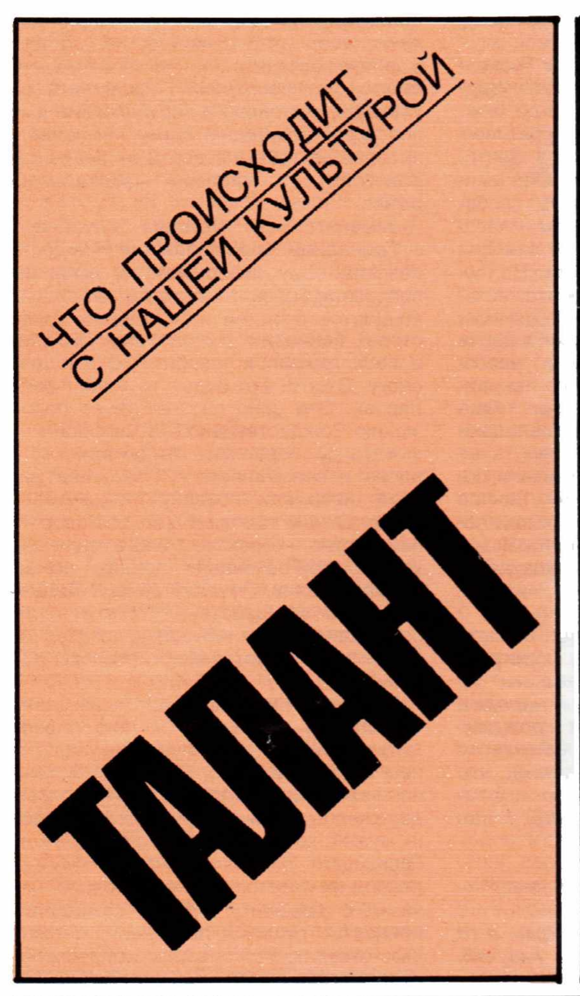
* * *

Но вот кончаются героические циклы и утекает чрезвычайно много воды, как говорит генерал, и мы вновь видим себя в нашем нищенском благополучии. Генерал проводит время в лирических некрологах, Вила изучает историю парламентаризма. И я вижу встающий из рухнувшего хлама календарей черный силуэт товарища Брак, проходящий в пустынных улицах.

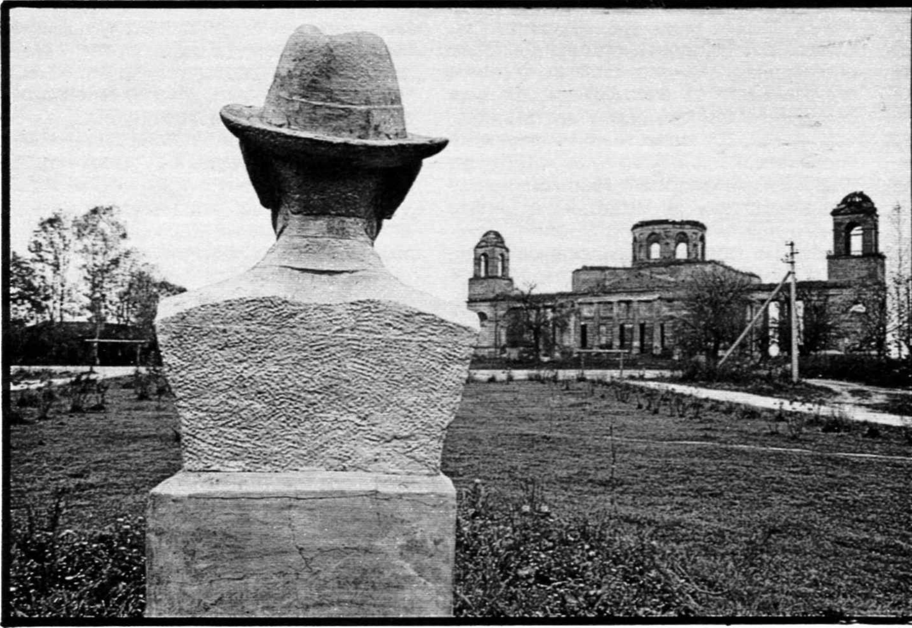
1.12.27. Париж.

Публикация Ст. НИКОНЕНКО.

* **(франц.) А. Шенье: «И на ступенях эшафота я не расстаюсь со своей лирой».**

НА ЭКСПОРТ

Владимир ЧЕРНОВ

Уже в конце разговора я спросил: как представить вас читателям? «Как? — озадачился он.— Да, наверное, просто — Николай Петров».

И я уехал. Я ехал и думал о заблуждениях и самообманах, которым подвержены люди. Впрочем, может, это я заблуждался? На другой день я свое подозрение стал проверять, приставая к окружающим, в основном это были журналисты, публика натасканная, с вопросом: «Кто такой Николай Петров?» — «?» — «Народный артист РСФСР?» Реакция была удручающе однообразна, все пожимали плечами: никто не слышал о таком. Я пиратствовал три дня, пока в редакцию не заглянула Джемма Фирсова, актриса, писательница, режиссер, умница — и на отчаянный мой тест откликнулась радостно: «Коля? Это потрясающий музыкант! У нас он такой один. Я старинная его поклонница. Неужели никто не знает даже имени? Какой ужас! Что с нами стало! Хотя, понятно, он же валютный товар, экспортный артист. Им торгуют, а покупатели все — на Западе».

На Западе и тест мой не звучал бы загадкой. Во всяком случае, среди людей, читающих газеты. Потому что в них они читают:

«ИВНИНГ СЕНТИНЕЛ»:
«ПЕТРОВ —ГЕНИЙ И ДАЖЕ БОЛЬШЕ»

Слово «гений», сказанное в адрес Петрова одним из его соотечественников под впечатлением его выдающегося выступления в Королевском Театре в Норвике, оказалось недостаточным... Это был тот редкий случай, когда зрители отказывались верить глазам, а слушатели не верили ушам.

Мощная октавная техника, бриллиантовые каскады нот и полеты почти нереальной легкости заставляли слушателей судорожно глотать воздух из-за невероятности всего происходящего при исполнении им фортепианной транскрипции Бизе. С еще большей силой и мощью исполнил Петров сюиту Равеля «Вальс». Казалось, что рояль вот-вот рассыпется под его пальцами.

«ГАРДИАН»:

...Ошеломленные слушатели постепенно приходили в себя и, оправившись от шока, устроили исполнителю такую овацию, какой до него вряд ли кто заслуживал.

«УНИТА»:

...Самое смелое звуковое исследование технических и выразительных возможностей фортепиано... Изысканнейшая и труднейшая программа редкостной пианистической индивидуальности.

«НУВЕЛЬ РЕПУБЛИК»:

...Блистательный, потрясающий, сверхсовершенный — апофеоз, как говорят наши соседи по ту сторону Пиренеев. Всем этим обладает Петров.

Да. Он действительно феноменален: безотказная память, головокружительная беглость, акробатическая ловкость... словом, у Петрова в наличии все те качества, которые прославили знаменитую плеяду исполнителей, родоначальником которой был Лист, а продолжателями Тальберг, Бузони, Рахманинов, Горовиц... Следовало бы поразмыслить подобно философу-пианисту о «видимой сущности», которую рождают и рисуют эти руки, напрочь отбрасывающие все технические сложности и преграды. Может быть, следует отметить, что, не будучи «ученым мужем», только одной игрой, свободной и лишенной реальной утилитарности, человек может утверждать свою духовную культуру.

ИЗ ПИСЕМ СЛУШАТЕЛЕЙ:

...Боюсь, что я уже никогда не смогу слушать игру Боренбойма или Ашкенази с тем же наслаждением, после того как услышал игру Николая Петрова.

Джой Сарогуд,
Королевский музыкальный колледж

О чем стоит поговорить с таким человеком? О музыке, конечно. Мы говорили о деньгах.

КАК Я УМЕР ДЛЯ ГОСКОНЦЕРТА

— Я прочел в вашем журнале интервью «Не контрактом единым», взятое у генерального директора Госконцерта Панченко, интервью, в котором он всячески пытается убедить читателей, что в музыкальных делах у нас совершается коренная перестройка, что дела эти идут все лучше и лучше, и не могу не задать один вопрос: почему же именно сейчас усиливается миграция на Запад советских музыкантов? Сейчас, когда во всех других сферах культуры происходят процессы обратные, к нам возвращаются выброшенные некогда из обращения имена замечательных писателей, художников, режиссеров, их произведения. Солженицын, Войнович, Бродский, Алешковский, Шемякин, Заборов. Некоторые уже начали приезжать к нам, Любимов вообще вернулся и работает в своем театре; приезжают и люди из первой волны эмиграции: Одоевцева, Берберова. Почему же уезжают музыканты? Вот потери только самые последние: скрипач Олег Крыса, пианисты Слободяник, Виардо, Бунин... Кто следующий?

— Ну, Панченко считает, что происходит это из-за отсутствия в стране приличных залов, инструментов, низкой оплаты исполнительского труда. Резонно.

— Безусловно. Но если я скажу, что одной из главных побудительных причин этого их решения, а для некото-

рых — главной и даже единственной, является унизительность положения в стране музыканта, и что унизительность эта — результат деятельности Госконцерта? Для многих моих коллег, выбравших Запад, было невыносимо дальше терпеть обстановку самодурства и некомпетентности, царившую и, увы, продолжающую царить в этом непомерно разросшемся наросте, этой раковой опухоли, пожирающей самое музыкальное искусство.

У той роли, которую сыграл Госконцерт в развале великой школы русского музыкального исполнительства, есть своя история.

Мое поколение музыкантов — а это Слободяник, Крайнев, Вирсаладзе, Исакадзе, Жислин, чуть позже Спиваков, Третьяков и другие — пришло в Госконцерт в самом начале шестидесятых годов.

За плечами каждого — лучшая в мире русская музыкальная школа, премии на престижных международных конкурсах. Мы представить себе не могли, что впереди у нас еще одна школа — Госконцерт, самая страшная и черная изо всех школ, где нам пришлось обучаться. То, что мы состоялись как музыканты, произошло не благодаря, а вопреки Госконцерту. Выдержали единицы. Десятки, сотни музыкальных судеб были искалечены и загублены этой замечательной организацией.

Во все известные мне времена все там строилось на простейшем принципе полной зависимости исполнителя от работодателя. В руках любого референта, любого заместителя директора мы были марионетками. Любой из них имел над нами неограниченную и никем не контролируемую власть. Владыка-референт мог одним движением пальца вверх или вниз (как на арене для гладиаторов) перевернуть всю твою жизнь, поднять тебя из праха или низвергнуть, лишить тебя жизни на сцене, убить как музыканта. Они могли засадить неудобного на вечную барщину концертирования в красных уголках общежитий, где, бренча на разбитых пианино, ты за пару лет заканчивался как творческий человек. Потому что через десять таких концертов человек и в Большом зале консерватории играл уже, как в общежитии. Это происходит автоматически, независимо от твоего интеллекта, это какая-то трясина, которая засасывает.

Того же, кто служит им верой и правдой, никогда о них «не забывает», оказавшись за границей, они могли отпустить на оброк — на гастроли в Европу, Америку, где тебе будут рукоплескать крупнейшие концертные залы планеты. Но не дай тебе бог забыться, забыть о своих благодетелях. О, эта постоянно действующая система передачи взяток на черном ходу Госконцерта, когда один идет по лестнице сверху, а другой снизу и передает сумку с дарами! О, бессмертный черный ход, где делались имена и вершились судьбы! Как я могу винить тех, кто уехал: они просто не вынесли всего этого. Перед ними стоял вопрос жизни или смерти. Как я могу винить их за то, что они выбрали жизнь?

Я же лучшие свои годы, почти пять лет, просидел невыездным из-за того лишь, что однажды отказался играть с дирижером, с которым творчески был несовместим, мы просто не смогли бы играть вместе. Музыканту такого не нужно объяснять, Госконцерту же объяснять бесполезно, там даже не поймут, о чем это я талдычу! Езжай, с кем велено. Дирижер ему, видите ли, не подходит! Он — нам подходит, чем ты тут еще возмущаешься? Был такой министр культуры РСФСР, ему однажды сказали, что квартет имени Бородина не может приехать на какое-то мероприятие, потому что там кто-то заболел. Министр возмутился: что за чепуха! Ну сыграете трио, подумаешь!

То есть в нас не то что музыкантов не видели, отличающихся друг от друга манерой, техникой, индивидуальностью, в нас не видели просто людей. Нас даже и не стеснялись. Помню, одна дама, работавшая в Госконцерте начальником отдела по капстранам, на мой вопрос: «Люда, скажите, от чего все-таки зависит нормальная концертная деятельность отдельно взятого музыкального индивидуума, Николая Петрова, например? От каких факторов?» — сказала мне историческую фразу (между прочим, дама — член партии), она внятно так сказала: «От нашей расторопности и вашей сообразительности». Но с сообразительностью у меня всегда было плохо.

— Как же вы опять стали выездным?

— Совершенно случайно. Меня чудом выпустили в Стокгольм сыграть с тамошним симфоническим оркестром. Это устроил для меня — светлая ему память — Арвид Кришевич Янсонс, он был одним из немногих, кто протянул мне руку в самые трудные времена. Он меня не просто пригласил, но и устроил так, что меня выпустили. Концерт прошел с колоссальным успехом. А после концерта оказалось, что в Стокгольме Демичев, он был в зале, видел реакцию публики и подошел после выступления ко мне, поздравляет, говорит, что следит за моим творчеством, почему же я к нему не захожу? Я прямо отпал, говорю: ну, вы занятой человек, то-се. А он: ничего, заходите, если какие-то проблемы — решим. Можно и прямо сейчас. Тут я вдруг чувствую: тормоза уже не работают, и говорю: «Петр Нилович, меня убивает, просто физически уничтожает директор Госконцерта Супагин». Демичев улыбается, говорит: «Это ничего, это мы сейчас поправим», берет за руку и ведет к человеку невысокого роста: «Вот он вам в Москве все устроит. Это Сергей Иванович (по-моему так, хотя, может быть, Сергей Сергеевич?)...» — и называет фамилию, от которой я весь скособочился, чтобы не начать смеяться, потому что моим будущим спасителем оказался Иванько — герой повести Войновича «Иванькиада». Но мне он помог мгновенно, едва мы оказались в Москве. Одним телефонным звонком моему мучителю. Это к вопросу о телефонном праве. И когда я явился в Госконцерт, заместитель Супагина Березин, уверявший меня всякий раз, как видел, что на меня нет спроса, тут говорит: «Ну где же ты? У меня стол ломится от телеграмм с просьбой организовать твои гастроли, а ты куда-то пропал!» И я начал ездить.

«ФИГАРО»:

Он приезжает в ореоле самых престижных наград (премия конкурса Ван Клиберна и королевы Елизаветы), восторженных дифирамбов и категорического отзыва Светланова, с которым Петров неоднократно выступал: «Николай Петров — самый выдающийся исполнитель своего поколения».

«ФРАНС-СУАР»:

Триста «бальзаковских академиков» устроили овацию в театре Сен-Жорж исполнителю «Фантастической симфонии» Берлиоза в транскрипции Листа и интерпретации Н. Петрова, которому была вручена Большая Медаль Академии Бальзака. Результат: пианист буквально осажден толпой импресарио...

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ БАЛЬЗАКА ЖАН-МАРИ БЕРНИКА:

Дорогой Николай Петров.

Я горжусь тем, что пригласил Вас в Париж и вознагражден тем выдающимся успехом,— чтобы не сказать триумфом,— который Вы заслужили своим выступлением... Я могу только еще раз повторить, что Вы являетесь в мире живым символом музыки и русской сердечности... Париж может гордиться, что в Вашем лице приветствовал столь выдающегося артиста...

— Значит, расторопности у Госконцерта хватает?

— О чем вы говорите! Расторопность, когда можно что-то «отстегнуть» себе — да, а когда надо организовать дело,— зачем им это? У них на такое просто времени нет.

В прошлом году (это когда Госконцерт уже «перестроился») Родион Щедрин организовал колоссальное по международному значению мероприятие — фестиваль советской музыки в Бостоне, в США. Пригласил и меня. Обратился в Госконцерт, чтобы узнать, свободен ли я в эти дни. Ему говорят: «Абсолютно свободен!» А у меня в эти дни назначены гастроли в Англии. Но телекс о гастролях в Госконцерте, естественно, потеряли, это дело обычное, все знают, что найти в Госконцерте какую-то бумагу практически невозможно. Что сделал бы, узнав о накладке, любой нормальный посредник? Приложил бы все силы, чтобы совпадающие события развести. Но зачем такое Госконцерту? Что такое фестиваль советской музыки в Америке? Личное дело Щедрина, ну и мое, раз я приглашен. Вообще, пропаганда советской музыки — чье дело? Наше частное дело, мы — частники, понимаете?

— Ростропович однажды сказал, что за пропаганду во всем мире русского и советского искусства ему бы надо было орден Дружбы народов дать, а его вместо этого гражданства лишили... Сейчас он собирается приехать, и у меня ощущение, что вовремя. Уже настала пора пропагандировать русскую музыку у нас в стране.

— Это тяжелая и больная тема...

— Давайте ее пока не трогать, а то мы до утра не разойдемся. Так что́, съездили вы в Бостон?

— Съездил, конечно. Пришлось отменить два концерта в Лондоне. Был, естественно, скандал. Если бы у советских музыкантов были импресарио, им бы не приходилось самим думать: где, что, когда. Но единственный импресарио в стране, один на всех — Госконцерт. Он монополист. Никакой конкуренции. Потому он может и не делать ничего, никто у него не отнимет кусок хлеба. Но обычный импресарио давно бы прогорел, допуская такие накладки, а Госконцерту — плевать. Впрочем, самое смешное в истории с фестивалем в Бостоне началось дальше. Фестиваль был некоммерческим, никаких гонораров за выступления мы не получали. Может, поэтому еще Госконцерту на этот фестиваль было начхать, он тут не мог вроде бы погреть рук. Однако не таков Госконцерт. В Бостоне музыканты должны были получить суточные от американской стороны, по 30 долларов в день. А это — на пять долларов больше, чем установлено для советских граждан за рубежом. И Госконцерт потребовал, чтобы эти «лишние» деньги отдали ему. То есть он фестиваля не организовывал, никакой посреднической работы не проводил, он тут вообще был сбоку припека, но — деньги упустить?!

— То есть его деятельность сводится к сбору денег?

— Не к сбору, а к отбору. Госконцерт даже не сборщик налогов. Он ходит возле поля, на котором работают люди, он ничем им не помогает, он ждет, когда они вырастят урожай. Тут-то он у них его и отберет. Госконцерт — экспроприатор в лучших традициях военного коммунизма. Он занимается не сбором продналога, а продразверсткой. Он типичный грабитель. Я просто отказался получать эти суточные, сказал: возьмите их себе целиком, делайте с ними, что хотите! Но позорище-то какое! Что подумали про нас американцы — не знаю, мне им стыдно было в глаза смотреть.

Если бы Госконцерт умел сам зарабатывать валюту, как умеют посредники во всем мире! Если бы! Но они палец о палец не ударят там, где могли бы, чуть посуетившись, заработать на исполнителе больше, чем обычно. Они делают все, чтобы ничего не делать в плане организации. На протяжении многих лет работники Госконцерта (и убежден, в сговоре с зарубежными импресарио) продавали советских исполнителей за треть-четверть их реальной стоимости на мировом музыкальном рынке.

Замечательная история случилась с Геннадием Николаевичем Рождественским. Ему позвонили из Испании, попросили приехать, сыграть несколько концертов с одним из тамошних оркестров. Геннадий Николаевич смотрит в свой график и говорит: «В эти дни смогу. Стоить это будет 10 тысяч долларов». Эта цена соответствует положению Рождественского в мировой музыкальной иерархии. Импресарио согласен и связывается с Госконцертом, чтоб оформили поездку Рождественского. О чем там еще шел разговор — неизвестно, но вскоре Рождественский узнает, что Госконцерт «продал» его за четыре тысячи. Почему? Зачем? Деньги не нужны государству? Что это — непрофессионализм или какие-то сделки, когда и государственные интересы побоку?

Если эти «профессионалы» не заинтересованы лично, они ни визу оформить, ни билет купить музыканту просто не в состоянии. Я мог бы тысячу и одну ночь рассказывать вам истории про жен дирижеров, добывающих визы для своих мужей, хотя заниматься этим должен Госконцерт, о десятках потерянных телексов от иностранных импресарио, из-за чего ломаются планы, срываются концерты, рушатся репутации; о лживых ответах Госконцерта импресарио: исполнитель болен, приехать не может, хотя он здоров, как бык, и свободен, как ветер; о замечательной рекламе, подготовленной Госконцертом для меня, где я назван лауреатом конкурса Чайковского и преподавателем Московской консерватории, хотя ни в конкурсе я ни разу не участвовал, ни в консерватории не преподавал. Получалось, правда, что я хочу, чтобы обо мне так думали. Счастье, что никто не назвал меня самозванцем. Вы понимаете, что это — издевательство? Конечно, внутри страны, с нашим растоптанным чувством собственного достоинства все это выглядит как милая шутка. Но что думают о нас за границей! Минимум, как о людях, с которыми иметь дело надо очень осторожно ввиду полной необязательности их. А нам плевать: «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока!» Как мы еще ухитряемся выглядеть прилично на своих выступлениях, как вообще играем после тех передряг, которые приходится перенести, прежде чем вырвешься на концерт!

Вот недавний случай со мной. За несколько месяцев предупредил Госконцерт, что у меня в Англии будет концерт и «мастер-класс» — открытый урок. Привез деньги на билет (я сам оплачиваю билеты, чуть позже расскажу почему). За два дня до выезда прихожу в Госконцерт, мне сотрудница, улыбаясь во весь рот, говорит: «Билетов нет, приходите завтра». Хорошо. Прихожу на следующий день. Эта же дама, уже удрученно: «А мы вам билетов не купили». Зная, что такое может произойти, я уже нажал на все свои «кнопки», и мне сказали, что если не удастся через Госконцерт, то билеты будут. Я говорю даме: «Ладно, верните мне тогда деньги, я сам куплю билеты».— «А деньги в сейфе, ключа у меня нет, и уже конец рабочего дня». Представляете ситуацию? Завтра концерт в Лондоне. «Но виза-то,— спрашиваю,— есть?» — «Езжайте в министерство, там наш сотрудник, поехал за паспортами, ловите его, а мы поищем ключ». Еду в МИД, там мне говорят: «Это еще на час, езжайте обратно за деньгами». Возвращаюсь, слава богу, ключи нашлись. Снова — в МИД, беру паспорт, мчусь в Шереметьево, уже вечер. Там обычная свалка, до 12 ночи мечусь в толпе озверевших людей, сня-

тых с самолета с неправильно оформленными билетами. Из 10 окошечек работают только три, девицы-кассирши открыто суют себе в карман взятки, я даю одной 100 рублей, жду еще полтора часа. «Давайте деньги!» И тут выясняется, что не хватает именно той сотни, которую я только что сунул кассирше. Я на коленях умоляю подождать, еду домой, ночь уже кончается, в половине пятого я снова у кассы, получаю билеты, через несколько часов вылетаю и, прилетев, еду на концерт. В рецензиях, как сейчас помню, отмечали, что в этот раз в моем исполнении чувствовалась какая-то невероятная сила.

«ИВНИНГ СЕНТИНЕЛ»:

Вчера вечером аудитория Королевского Театра стала свидетельницей демонстрации фантастической, поистине феноменальной виртуозности во время сольного выступления советского пианиста Николая Петрова. Господин Петров... принадлежит к числу тех серьезных артистов, которые избегают чисто внешних эффектов, чем отличаются многие пианисты. При этом за внешне спокойной манерой рождается невероятной силы порыв, так что у слушателей буквально захватывает дух от восторга. Иногда казалось, что пальцы Петрова лишь едва прикасаются к клавишам,— при этом под ними рождались каскады пассажей кристальной чистоты и красоты.

«ДЕЙЛИ ТЕЛЕГРАФ»:

Давным-давно концертный зал королевы Елизаветы не был свидетелем того, чтобы за одну минуту из-под рук пианиста рикошетом вылетало такое количество нот, как во время сольного концерта советского пианиста Николая Петрова.

Программа его выступления была не только невероятно необычной, но и страшно трудной физически, знаменательной как основным своим содержанием, так и тремя смелыми бисами, она захватывала слушателей высоким искусством бравурной фортепианной транскрипции, к сожалению, теперь уже почти утерянной многими.

Чего ж удивляться, что от нас бегут и будут бежать музыканты? Мы уже потеряли более 500 музыкальных семей. Они больше не работают в Свердловске, в Одессе, в Москве, в Ленинграде. Они работают в Балтиморе, в Хьюстоне, в Нью-Йорке. Это музыканты, для которых работа найдется где угодно. Но в этом «где угодно» они избавлены от наших передряг. А знают ли чиновники, понимают ли, что примерно 50 человек из них — это наш золотой фонд? Что потеря его невосполнима. Это тот капитал, который нельзя тратить, потому что в культуре начинаются необратимые изменения. При этом они все устроились, им хорошо. Но мы-то остались здесь, остались вопреки логике, вопреки всему, за что же над нами-то измываются чиновники? За то, что мы не эмигрировали, за то, что обеспокоены судьбой русской музыкальной культуры, за то, что хотим ее сохранить на родине? И кто может упрекнуть меня за то, что, не надеясь более на помощь государственных организаций, не рассчитывая на них, я сам ищу способов выжить?

Я знаю, что многие в моем положении, уехав на гастроли за границу, шантажируют оттуда чиновников, грозя, что станут невозвращенцами. Так делают и добиваются для себя каких-то послаблений, выгод. Я не умею шантажировать и не хочу себя этим унижать. Я выбрал другой путь, я — ушел из Госконцерта. Мне нужен хозрасчет и самофинансирование. Как любому предприятию, могущему выпускать конкурентоспособную продукцию и получать прибыль. Как вашему журналу, например.

В конце 1987 года я написал об этом тогдашнему министру культуры Захарову. Ответа я от Василия Георгиевича не получил. Мне говорили, что он вообще не отвечает на письма, но я не верил. Потом поверил, когда был в Париже у Ростроповича и спросил его, с каким чувством он собирается в СССР? Он сказал: я еду в Советский Союз как изменник, лишенец и предатель, отыграю концерты и уеду. Я удивился: что такое? Он говорит: «Я обратился к министру Захарову, причем через посольство в Америке, письмо наверняка дошло, но ответа так и не получил, значит, отношение ко мне не изменилось».

Это к вопросу о культуре министра культуры. А я писал ему вот о чем: во-первых, просил выдать мне заграничный паспорт с многократной выездной визой. Поскольку езжу часто и каждый раз получение визы сопровождается нервотрепкой. Логичней не отнимать время ни у меня, ни у чиновников-оформителей. Во-вторых, писал, процитирую, вот оно, письмо: «Прошу Вашего разрешения сдавать в Госконцерт 30 процентов своего гонорара, что значительно больше того, что сдают артисты в свои концертные организации в любой стране мира... Естественно, все расходы по поездке (авиабилеты и т. д.) я беру на себя и отказываюсь от заработной платы в рублях на период гастролей. Считаю необходимым сказать, что в настоящее время наши финансовые и планирующие организации, совершенно не компетентные в творческих вопросах, в погоне за сиюминутной, не очень большой прибылью в перспективе, теряют огромные суммы в валюте. Доказательством порочности методов их работы является то, что ни один советский исполнитель, находящийся в первых рядах мировой исполнительской элиты, как живущий, так и ушедший из жизни, даже не приблизился к гонорарам, получаемым его коллегами на Западе, равными ему по положению. Наши исполнители, которые зачастую творчески намного выше своих зарубежных коллег, получают в 10—15 раз меньше, чем они. Если мне будет предоставлена возможность самофинансирования и самоокупаемости, то в течение 3—4 лет эти 30 процентов значительно превысят суммы, которые я в настоящее время сдаю в Госконцерт».

— То есть вы будете получать больше, но больше будет получать и государство? Э, куда замахнулись! Да государство откажется от любой валюты, если речь зайдет о том, чтобы кто-то при этом получал больше того мизера, что он имеет. У нас зарабатывать много — нравственное, а порой и уголовное преступление.

— Думаете, я этого не знаю? Знаю также, что у нас вся экономика строится на погоне за сегодняшними копейками, даже если при этом завтра мы теряем рубли. Все шиворот-навыворот. Урвать сегодня хоть сколько-нибудь, а завтра — пусть потоп. Оттого мы и нищие, оттого наши музыканты — самые дешевые, и они знают, что на Западе их за это презирают: так не ценить себя! Но с чувством самоуважения мы расстались довольно давно, у нас его выколотили за десятилетия унижений.

— Известно, что наши исполнители получают деньги не в зависимости от своего положения в мире, как это водится во всех странах, а согласно той категории, которая им присвоена...

— Да-да-да! Например, едет на гастроли какой-нибудь наш прекрасный скрипач, виолончелист, пианист, получает 3 тысячи долларов за концерт, из них ему выдают его ставку — 800 долларов (тут просто макиавеллевская ситуация: я заполняю авансовый отчет, первая графа: «От кого получено». Тут называется импресарио и сумма гонорара. Вторая графа: «Расходы». Сюда я и пишу ту сумму, что получаю. То есть мой гонорар является по их документам статьей расходов! Бедные! Они бы с удовольствием все у меня забрали, чтоб не нести расходов, но тогда ведь некого будет грабить!). Если же едет Рихтер, он получает за концерт 30 тысяч долларов, но выделяют ему все те же 800 долларов. За одну и ту же работу, если ее можно назвать работой, вернее будет сказать, за одни и те же усилия, Госконцерт получает разные суммы, в первом случае — 2 тысячи 200, а во втором — 29 тысяч 200 долларов. Спасибо, дорогой Святослав Теофилович, за дорогой подарок.

— А тут как-то нам принесли копию постановления Госкомтруда, по которому исполнитель должен получать вроде бы, как уверяют составители, половину заработанного им гонорара.

— Знаю, это они придумали как бы эксперимент. То есть объявили, что «в порядке эксперимента» исполнители будут какое-то время получать много денег, а делается это, чтобы проверить, правда ли, как уверяют артисты, что если у них отбирать меньше, они принесут государству больше валюты. Но разве решится кто из чиновников такое проверить на самом деле? Вы это постановление внимательно смотрели? Оно ведь построено по тем же принципам, что злополучный проект налогов с кооператоров, по которому на вид все вроде бы замечательно, а на деле осуществляется такой грабеж, что зарабатывать деньги люди просто откажутся вообще. Загляните в это постановление. Если с тысячи рублей вы еще получаете 500, половину, то с полутора тысяч идет процент, и ваше вознаграждение — 525 рублей. С трех тысяч вы получите 750, то есть лишь четверть от заработанной суммы.

Увольняться музыкантам некуда. Госконцерт — монопольное учреждение, бастовать тоже вряд ли получится, уж очень труд индивидуальный, остается разбегаться, кто куда может. Что они и делают.

— Но вы же не убежали.

— Потому что порвал с Госконцертом. Прождав больше года ответ от министра культуры, я без всякого разрешения перешел на хозрасчет и самофинансирование, заключив договор с английской фирмой «Энтертейнмент корпорейшн», а Госконцерт просто поставил перед фактом. Я пришел к ним и сказал: «Я для вас умер, дела с вами иметь больше не желаю». И они это проглотили. Потому что я ведь плачу им 30 процентов от моих гонораров. Но лучше бы я отдавал эти деньги на разовые шприцы, в Детский фонд или Фонд культуры, куда угодно, только бы не на прокорм этих чиновников, не умеющих работать, ничего не понимающих в музыке, умеющих только грести под себя, что можно.

— Но в своем интервью Панченко сказал, что валюта, заработанная Госконцертом, идет на приглашения зарубежных музыкантов.

— Да если бы на эту валюту они приглашали Ростроповича или Ашкенази, но они же приглашают Сабрину с ее цицками. Меня возмутило это интервью, хотя лично против Панченко я ничего не имею. Если бы дело было в Панченко! Я пережил семь или восемь директоров Госконцерта, ни один из них при всем желании никогда ничего изменить не смог. Надо менять саму систему. Вот если бы у Госконцерта появился конкурент, другая посредническая фирма, тут, я думаю, и он бы зашевелился. Но пока, увы...

НА ШЕЕ У НАРОДА

Николай Петров зарабатывает сейчас гораздо больше инженера, рабочего, колхозника. Он зарабатывает вовсе не столько, сколько владыки теневой экономики, но столько, сколько средний кооператор.

Обойти тему — артист, считающий свои доходы, тему щекотливую, можно, но не хотелось бы. Не потому, что всегда у нас считалось позорным зарабатывать много, а зарабатывающий, как предполагалось, наделен всеми мыслимыми пороками. Уже сколько сказано слов на эту тему, уже вроде бы всем ясно, что не стыдно быть деловым человеком, стыдно быть неделовым, не стыдно быть богатым, стыдно быть нищим. Особенно когда руки есть и голова на плечах. Да и придумал это обвинение не народ, а все те же чиновники, чтобы народ считал себя счастливым и без богатства, и не волновался. Однако именно чиновники всегда главным доводом против обогащения выдвигали тезис: «Народ этого не поймет!» И знали, что говорили: за десятилетия приучили народ не понимать. И он порой весьма резко возмущается теми, кто умеет заработать и зарабатывает. А уж что касается заработков валютных — тут и вовсе суд короткий и суровый: так ты еще и кочевряжишься! Ешь народный хлеб, а отдать народу заработанное — слабо!

Вот насчет народного хлеба. Николай Петров заработал государству сотни тысяч долларов лишь за последнее время. Он заработал раз в десять больше, чем средний завод. То есть он работает, как десять заводов. Он крупный завод по производству валюты. На которую покупается, кстати, и хлеб. Так что, кто чей ест хлеб — это надо еще посмотреть.

Николай Петров, как музыкант, артист — явление уникальное. Таких в мире немного. Он сам по себе, даже если бы ничего не зарабатывал,— национальное достояние, то, что цены не имеет.

Страна, теряющая бесценные сокровища талантов, обречена. Таких, как Петров, можно позволить себе и содержать на народные деньги. А он нас содержит. Мало того, система организации музыкального дела прилагает все усилия, чтобы такие, как он, оставались лишь средствами добычи валюты, а засопротивляется, так его и сжевать можно. Плевать ей на национальное достояние. Система, вместо того чтобы трястись над каждым таким, пылинке не дать на него упасть, выжимает их из страны, как пасту из тюбика. Зато там, куда она их выжимает, принимают их с распростертыми объятиями, потому что там дураков нет, там все всё считают, причем на будущее, и понимают, что сегодняшняя прибавка интеллектуального потенциала даст стране завтра превосходство во всем. Там считают не сегодняшние центы, завтрашние доллары. Когда же у нас-то догадаются, что иначе, чем так, и жить нельзя?

«ИЛЬ ДЖОРНАЛЕ»:

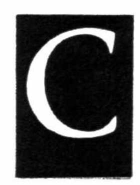
Отбросив всякую традиционную манеру, буйный и самовольный в аппликатуре, взрывоопасный в мощных структурных и объемных размахах, часто нарочито асимметричный даже в выборе динамики, Петров обладает безупречной музыкальностью, которая является у него как бы инстинктом, свидетельством высочайшей творческой элитарности, как это бывает с чистокровными скакунами великой русской породы. Он блистательно и чарующе воспроизвел на рояле ту свободу оркестрового звучания и выражения, к которой именно и стремился Лист в своей транскрипции «Фантастической симфонии». Эта свобода требует цены более дорогой, чем рабство. Она беспощадно требует ценой собственной крови переливать фантазии в оркестровые краски. Она, эта музыка, открыла для артиста путь обреченности на муку, а для исполнителя — дорогу к нервным потрясениям, которым цена — жизнь.

И Петров, исполняя эти бессмертные произведения, дал нам яркий пример того, что артист платит великую цену за свое великое искусство.

Рерихи

Людмила ШАПОШНИКОВА

Старинный дом серого камня на лесистом склоне был легендой долины Кулу. Под его черепичной крышей когда-то переплелись самым неожиданным образом события и судьбы, соединив в этой точке пространства прошлое, настоящее и будущее.

Владелец этого дома — русский художник Николай Константинович Рерих в двадцатые годы нашего столетия совершил крупнейшую экспедицию. Он прошел через горы Индии, пустыни Китая, степи Монголии, одолел снежные хребты Трансгималаев. В Тибете экспедиция чуть не погибла на морозном плато Чантанг. Власти, задержавшие экспедицию, обрекли ее на долгое стояние и снежный плен. Несмотря на все препятствия, Рериху вместе с женой Еленой Ивановной и старшим сыном Юрием Николаевичем удалось в 1928 году вернуться в Индию. И тогда в их жизни возникла древняя долина Кулу и дом с просторными гостиными, скрипучими половицами и тяжелыми деревянными стульями в полутемной столовой. Таким увидела я этот дом в 1972 году.

Экспедиция Рериха чем-то напоминает мне древние китайские путешествия на острова Бессмертных или к центру мира на гору Куньлунь. В ней было что-то от средневековых рыцарских путешествий за таинственным Граалем, когда совершенная гармония высокого духа и высокой цели приводили к победе. Такой высокий дух, несомненно, присутствовал в Центральноазиатской экспедиции и этим делал похожей ее на великое паломничество. Юрий Николаевич Рерих в одной из своих статей обронил очень краткое, но чрезвычайно глубокое замечание. Индия для Николая Константиновича, отметил он, «больше, чем поле творческой деятельности, становится тем, что индийцы называют «кшетра» — «поле делания, жизненная битва». Его жизненная битва совпала с самой жестокой битвой XX века — Великой войной. И не было случайностью появление в старинном доме в 1942 году двух будущих премьер-министров независимой Индии — Джавахарлала Неру и его дочери Индиры. О подобном предназначении гостей тогда еще никому не было известно...

В те дни Неру подолгу разговаривал с Еленой Ивановной Рерих. Елена Ивановна от глубин индийской духовной культуры легко выходила на жизненно важные проблемы XX века. Неру же пытался использовать опыт этой культуры в решении трудностей своего времени. Они оказались единомышленниками, и их волновали послевоенные судьбы мира. Позже, два года спустя, Неру в душной камере ахмеднагарской тюрьмы напишет следующие слова: «Во всем этом прогрессе чего-то не хватает, и в результате никак не удается достичь гармонии ни между нациями, ни в душе человека. Может быть, больше синтеза и немного скромности перед мудростью прошлого, которая в конце концов является накопленным опытом человечества, поможет нам открыть новую перспективу и добиться большей гармонии».

В этих словах слышится явный отзвук бесед индийского политического деятеля и русской женщины, когда они размышляли над нравственными издержками современной технологической цивилизации, задумывались над смыслом гуманизма и сутью этических проблем. В тех беседах не раз звучали слова «Живая этика».

«Живая этика»... Главный результат деятельности Рерихов. Не исключено, что гости, посетившие в те далекие годы старинный дом, знали о существовании целой серии рериховских картин. Их необычные загадочные сюжеты были похожи на нездешние легенды. «Гуру-гури Дхар», «Тень Учителя», «Сожжение тьмы», «Сокровища гор», «Стража Гималаев», «Агни Иога». Те, кто был изображен на этих картинах, назывались Учителями, мудрецами и махатмами — Великими душами. Мудрецы тоже были великими и именовались махаришами. Недалеко от дома, чуть ниже по склону, на аккуратно расчищенной площадке, стоит полуобработанный камень серого гранита. На нем высечено: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, что соответствует 15 декабря 1947 года. Ом. Рам».

Рерих был личностью широчайшего диапазона. Великий художник, выдающийся ученый, уникальный философ, известный путешественник и общественный деятель мирового масштаба, он сродни гигантам эпохи Возрождения. Но слово «махариши», пришедшее совсем из другого мира, своим иным измерением как бы превращало личность уже в явление, обладающее определенной исторической жизнью. И чем больше проходило лет, тем больше росло значение и самого Рериха, и его наследия.

Явление обладает свойством целостности. Однако не всегда эта целостность бралась в расчет. Долгое время Рерих фигурировал у нас только как художник. Но самый блестящий искусствоведческий анализ его картин не мог охватить все явление и неизбежно обеднял личность творца и богатство его духовного мира. Такой чисто «художнический» подход напоминал прямое освещение, в котором исчезала глубина света и тени и все становилось плоским и мертвенным. И если мир рериховских картин еще давал какое-то представление о нем как об ученом и путешественнике, то мировоззрение, стоявшее за ним, духовное движение его творчества и жизни нами не замечались и как бы даже отсекались. Мы отбрасывали самое главное, без чего ни личность, ни тем более явление существовать не могли. Не стремясь вникнуть в суть отброшенного, мы руководствовались идеологическим инстинктом, который безошибочно сигнализировал нам о каком-то неблагополучии в отторгнутой нами области. Чтобы в какой-то мере оправдать такое странное для цивилизованного человека поведение, мы поспешно (как всегда это делали) разделили явление Рериха на «наше» и «не наше», на то, что «мы принимаем», и на то, что «мы не принимаем». Сначала на его идеи навесили ярлыки, похожие на тюремные номера, а потом увели под конвоем куда-то в небытие, как и немало других неблагонадежных идей. Но не всех устраивала такая ситуация. В 1928 году великий русский ученый В. И. Вернадский в своей «Записке о выборе члена академии по отделу философских наук» писал: «...в нашей стране все иные течения философской мысли не могут проявляться, и русская философская мысль почти не имеет возможности выйти в нашей стране наружу, за исключением диалектического материализма. Едва ли может быть сомнение, что такое положение дел есть преходящее, временное явление, ибо в XX веке невозможно долго удержать свободную мысль в искусственных пределах. Особенно это невозможно, когда, как теперь, подымается в человечестве мощное пробуждение философских исканий. Оно стихийно войдет и в нашу страну, охватит ее мыслителей, и неизбежно — рано ли, поздно ли — мощно скажется в ее духовной жизни». Судьба Рериха — лучшее тому подтверждение.

Но сначала кое-что из биографии. Николай Константинович Рерих родился в 1874 году в Петербурге, в семье крупного юриста. Он окончил гимназию, затем юридический факультет Петербургского университета, а параллельно и Академию художеств. Его выпускная картина «Гонец» свидетельствовала о большом таланте и склонности к историческим сюжетам. Склонность эта подкреплялась археологическими раскопками в районах Новгорода и Пскова, которые достаточно профессионально проводил молодой Рерих. И еще его тянуло к Востоку. Совершив вместе с женой Еленой Ивановной путешествие по древним русским городам, он увидел в русской культуре то синтетическое начало, которое давало повод для размышления и о Востоке, и о Западе. Особенно его притягивала Индия. Он задумывался о необъяснимой подвижности древних народов и мечтал найти тот общий гипотетический источник, из которого когда-то, тысячелетия назад, возникли индийская и славянская культуры.

Надо сказать, что увлечение супругов Рерихов Индией и ее традиционной культурой не было чем-то необычным для российской интеллигенции того времени. Культурная Россия в конце XIX — начале XX века переживала неудержимую тягу к этой далекой и чудесной стране. У этого явления были свои глубокие и сложные причины. Здесь можно только отметить созвучие индийской духовной традиции нравственным исканиям русской интеллигенции. К Индии проявляли острый интерес крупнейшие русские писатели: Л. Толстой, Ф. Достоевский, М. Горький. Были переведены на русский язык работы крупнейших индийских философов Рамакришны и Вивекананды, «Жизнь Будды» Асвагоши, эпические поэмы «Рамаяна» и «Махабхарата», ведические гимны и произведения Рабиндраната Тагора.

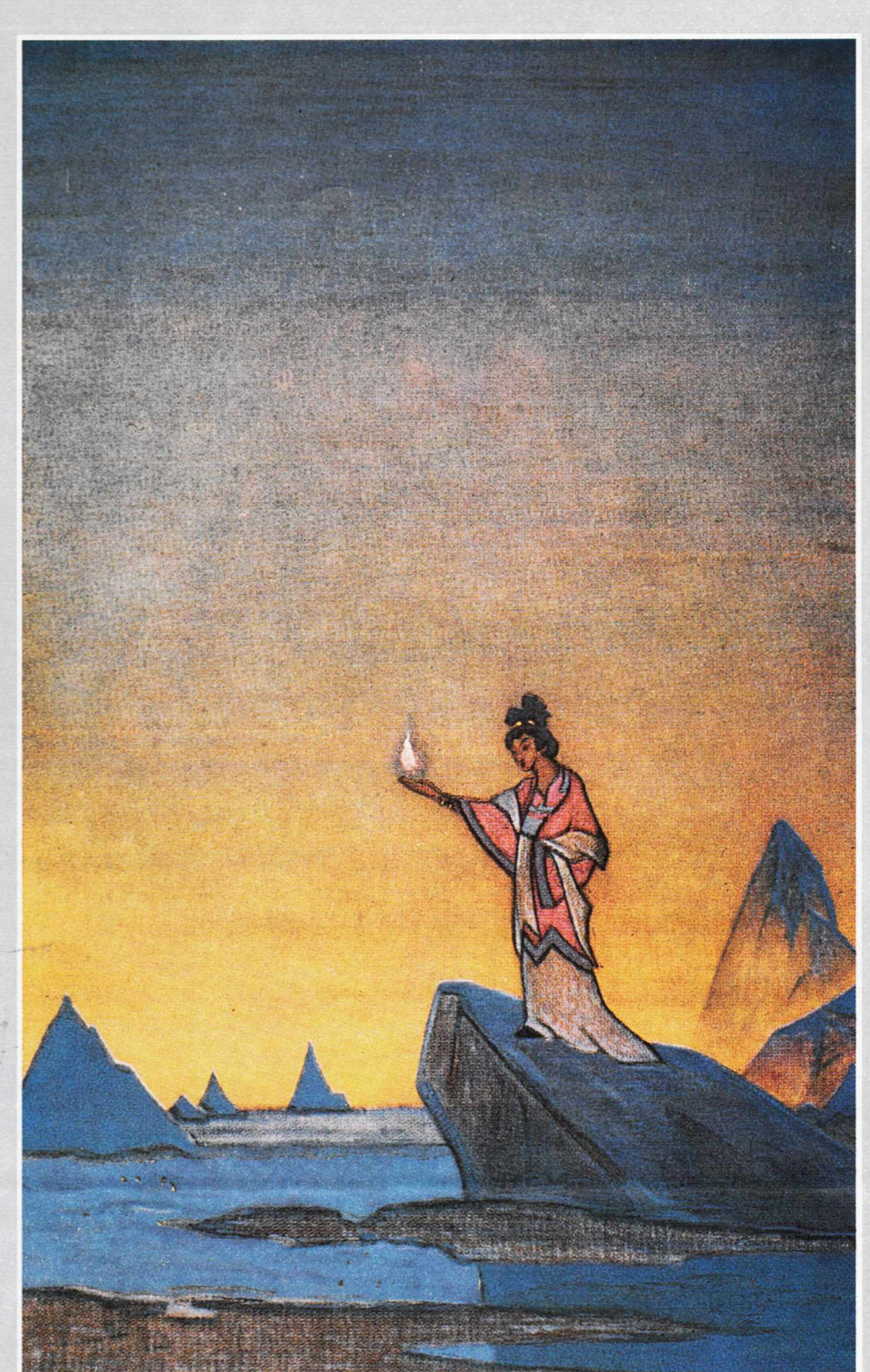
Любой творческий процесс складывает замысловатый орнамент, значение которого нам становится ясным лишь многие годы спустя. В 1897 году известный критик Стасов привез к Толстому в Москву молодого Рериха. Тот показал писателю репродукцию своего «Гонца». Толстой долго рассматривал ее, а затем, внимательно посмотрев на оробевшего гостя, сказал: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет».

Предполагал ли великий русский писатель, что перед ним в тот день стоял не только будущий великий русский художник, но и гонец России в Индию? Гонец так высоко будет править свою свою жизнь, что сумеет поднять на новую ступень взаимодействие духовных традиций Индии и России.

Систематический, неутомимый и тяжелый труд супругов Рерихов и сформировал ту главную, духовную суть их деяний, которую мы так долго считали «не нашей». Как же часто мы бываем

С. Н. Рерих. ПОРТРЕТ Н. К. РЕРИХА. 1936.

Н. К. Рерих.
АГНИ ЙОГА.
1928—1930.

неоправданно расточительны по отношению к духовным и культурным ценностям, как мало ценим подвижнический труд, как спешим отрицать, забывая, что отрицание есть признак невежества. Я вспоминаю человека, облеченного высокими научными степенями, выступавшего перед большой аудиторией. «Мы не всё принимаем у Рериха»,— говорил он, и в его хорошо поставленном голосе не звучало и капли сомнения. Почему «не всё»? Что знал о Рерихе выступавший с высокой трибуны? И что знал он о нас самих, наших духовных исканиях и стремлениях? Он был категоричен в своих суждениях, резал по живому, уродуя лицо духовной культуры, прекрасное и цельное в своей изначальности. К сожалению, он был не единственным, а представлял целую касту себе подобных.

Что же в действительности сделали Рерихи и чего они достигли? Сумев войти внутрь индийской духовной жизни, они стали сотрудниками анонимной группы философов и Учителей. Именно для этого они покинули любимую ими Родину, преодолели немыслимые препятствия, чтобы попасть в колониальную Индию, вступили в единоборство с британской разведкой, которой в каждом русском мерещился шпион. Когда они уезжали из России, там бушевала Великая революция, бескомпромиссная, непримиримая и жестокая. Рерихи рисковали заслужить ее проклятие и несмываемое клеймо эмигрантов. Но время работало на них и вернуло нам незапятнанными их подвижнические имена. Летом 1926 года Рерихам удалось совершить невозможное — вновь оказаться на Родине. Они хорошо понимали, что английские власти Индии не простят им этого визита и как трудно будет вернуться. А их дела в Индии еще не были завершены.

Рерихи привезли в Москву письмо индийских Учителей, ларец с гималайской землей «на могилу нашего брата Махатмы Ленина» и серию картин «Майтрейя», в которых нашли отражение народные предчувствия наступающего нового века. И хотя Николай Константинович встречался с такими крупными деятелями Советского правительства, как Луначарский, Чичерин, Крупская, его визиту не придали того значения, которого он заслуживал. Ни на кого из них не произвело впечатления ни письмо индийских махатм, ни оригинальность высказанных Рерихом идей. Они не заинтересовались по-настоящему авторами письма, проявив лишь положенное вежливое любопытство.

В те годы мир только начинал для себя открывать сокровищницу индийского духа и мысли. Группа Учителей-

Н. К. Рерих.
СОКРОВИЩЕ ГОР.
1930—1940.

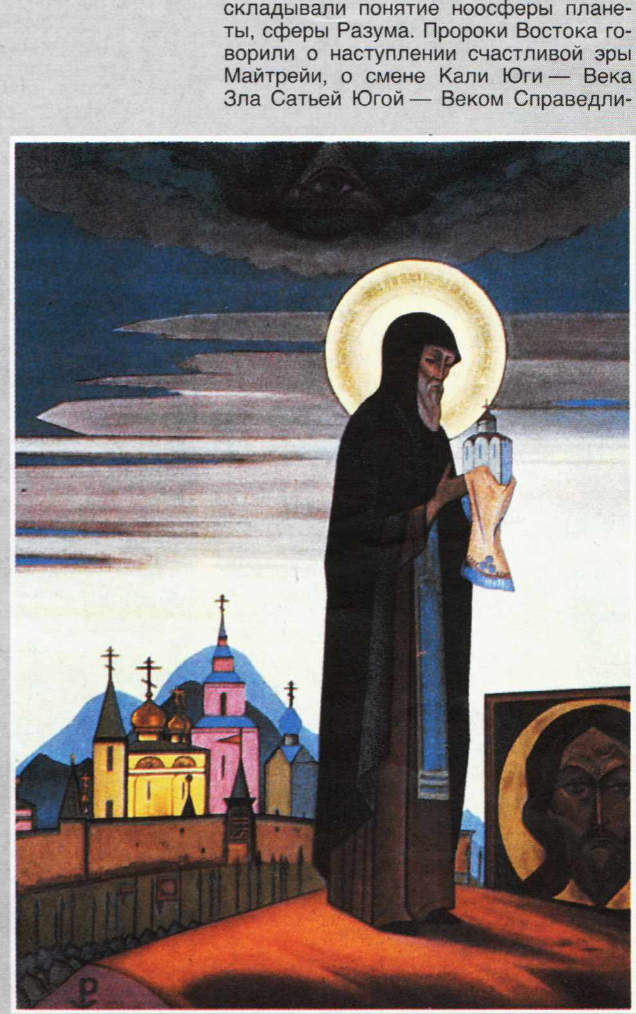
Н. К. Рерих. МАЙТРЕЙЯ. 1932.

махатм, с которыми были тесно связаны Рерихи, имела достаточно древние корни в индийской духовной традиции. Корни эти уходили к философам-кшатриям, создателям «Упанишад», к лесным общинам бродячих проповедников новых идей и, наконец, были плотно переплетены с буддийской философией. Однако все это составляло лишь надводную вершину огромного духовного айсберга, большая часть которого уходила в многовековые слои океана культурно-исторической эволюции человечества. В этих глубинах продолжалась своя таинственная жизнь древней мысли, которая давала себя временами знать именами легендарных мудрецов, их озарениями и пророчествами. В XX веке оттуда пришли и книги, назвавшиеся «Живой этикой», к созданию которых имели непосредственное отношение Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи. Эти книги не случайно появились именно в XX веке, ибо сутью своей были связаны с духовным движением нового времени, с его важнейшими проблемами. Накопленные в предыдущий период знания реализовались в научном «взрыве» 20-х годов. «Взрыв» создал новую научную «вселенную», в которой главную роль стал играть формирующийся целостный подход к явлениям природы и человеческого общества. Забытые мысли древних мудрецов о неразрывности Человека, Планеты и Космоса, о фундаментальном единстве микро- и макрокосма, вдруг нашли неожиданные подтверждения в последних научных открытиях и заставили экспериментальную науку Запада обратить свое благосклонное внимание в сторону умозрительной философии Востока. Начался процесс взаимного обогащения, объективной целью которого являлось одухотворение экспериментальной науки и «онаучивание» духовных достижений Востока. Этот синтетический процесс явился стержнем развивающейся духовной революции XX века. Революция принесла предчувствие предстоящих изменений в сознании человека и ожидание грядущей новой ступени в культурно-духовной эволюции планеты, что нашло свое отражение и в работах крупнейших ученых Запада и в пророчествах Востока. К. Э. Циолковский писал о наступлении Космической эры, В. И. Вернадский и Тейяр де Шарден складывали понятие ноосферы планеты, сферы Разума. Пророки Востока говорили о наступлении счастливой эры Майтрейи, о смене Кали Юги — Века Зла Сатьей Югой — Веком Справедли-

Н. К. Рерих. МАДОННА ОРИФЛАММА. 1932.

Н. К. Рерих. СВЯТОЙ СЕРГИЙ. 1932.

вости. Книги «Живой этики», как бы соединяя в себе оба этих потока, обосновывали непреложность нового витка в эволюции человечества. Они обращали внимание на необходимость сознательного подхода к грядущим изменениям и выдвигали на первый план этические проблемы, как важнейшее условие для дальнейшего роста сознания человека. Знания, содержавшиеся в «Живой этике», шли в одном русле с развитием науки, но в то же время в какой-то степени и опережали ее. Ее авторы и создатели более расширенно, чем это было принято, толковали такие понятия, как материя и энергия. «Живая этика» Рериха,— писал известный советский философ В. В. Мантатов,— неоднозначна по своему содержанию, но несомненно то, что она является выражением реальной социальной потребности в расширении сферы этической ответственности человека в условиях научно-технического прогресса». Мы сейчас убеждаемся на собственном горьком опыте, что без этики нет науки, без культуры нет социального переустройства, без гуманизма нет Планеты.

Стараясь преодолеть стереотипы сложившихся схем и старого мышления, Рерих пытался разъяснить смысл этого многотомного труда. «Они (махатмы.— **Л. Ш.**),— писал он,— говорят о научных основах существования. Они направляют к овладению энергиями. Они говорят о тех победах труда, которые превратят жизнь в праздник. Все предлагаемое ими не призрачно, не эфемерно, но реально и касается самого всестороннего изучения возможностей, предлагаемых нам жизнью. Без суеверия и предрассудков».

На страницах «Живой этики» мы находим так необходимый нам сейчас целостный подход к важнейшим проблемам духовно-культурной эволюции человечества. «И чтобы быть людьми в истинном значении этого слова, мы должны развить в себе такое понимание глобальности всех событий, которое бы отражало суть и основу всей Вселенной».

Единство и объединение на всех уровнях — смысл нового эволюционного витка, утверждается в ее книгах. Для установления этого объединения необходимо сотрудничество между людьми. Социальное устройство будущего человечества будет общинным или коммунистическим. Но без знания и культуры, утверждали создатели «Живой этики», построить такое будущее нельзя. Строительство ускоряется и обретает необходимое качество тогда, когда растет и расширяется сознание строителей. Нравственное совершенствование, неукоснительное соблюдение этических норм, понимание ключевой роли культуры для развития человеческого общества — вот те важнейшие моменты, без которых невозможно продвигать дальше культурно-историческую эволюцию планеты. Каждый виток эволюции ставит перед человечеством новые проблемы. Эволюция приближает к человеку новые энергии и новые состояния материи. Индийские мудрецы указали на психическую энергию, носителем которой является сам человек. «Не опоздайте с применением ее,— писали они.— Иначе океан волн смоет все запруды, обращая течение мышления в хаос. ...Как ученики Ленина смотрите орлиным глазом и львиным прыжком овладейте сужденной мощью. Не опоздайте!» Настаивая на необходимости нравственно-этической основы для научного мышления, они думали о будущем планеты.

«Знамя мира», известное нам как символ Пакта Рериха о защите культурных ценностей во время войны, непосредственно связано с идеями «Живой этики». Поднятое индийскими и русскими сотрудниками, оно знаменует наступление нового витка в духовно-культурной эволюции человечества и символизирует собой Великую космическую спираль эволюции. Три красных круга, заключенных в большом, на белом фоне. Триединство важнейших понятий эволюции: прошлого, настоящего, будущего; человека, планеты, космоса; этики, науки, искусства; трех состояний материи.

Рерих больше не увидел Россию. Последние свои двадцать лет он провел в старинном доме, на склоне горы в гималайской долине Кулу. Там он создал свои полотна, которые принесли ему мировую славу. В них, в формах и цвете, обрели свою вторую жизнь идеи «Живой этики». Там же, в Кулу, начал работать и рериховский Институт гималайских исследований, где впервые был применен малоизвестный тогда комплексный метод научных изысканий. Кончилась Великая война, два года спустя Индия отпраздновала первый день своей независимости. Трудная и долгая миссия Рерихов была практически завершена. Все, что они почерпнули в своем уникальном сотрудничестве с Великими душами Индии, теперь принадлежало их Родине.

В 1947 году Рерих запросил визу на въезд в Советский Союз. Время тянулось мучительно долго, а ответа все не было. В декабре этого же года Николая Константиновича не стало. Он умер, так и не узнав, что в визе ему отказали...

Елена Ивановна вместе со старшим сыном Юрием Николаевичем покинула старинный дом и уехала в небольшой курортный городок Калимпонг, расположенный по соседству с Сиккимом, в восточных Гималаях. Там Юрий Николаевич снял скромный дом, похожий на сельский английский коттедж. В этом доме Елена Ивановна работала много и напряженно: вела обширную переписку, редактировала очередные тома «Живой этики». Все, что она сделала в Калимпонге, опубликовать пока так и не удалось.

Елена Ивановна умерла в 1955 году. «При уходе никто не присутствовал»,— писал младший ее сын Святослав Николаевич. Во время похоронной церемонии ее положили на бамбуковые носилки и понесли на высокую гору. Шесть буддийских лам и шесть индийских коммунистов, подставляя плечи под носилки, сменяли друг друга. На одном из поворотов их встретила воинская часть и оказала Елене Ивановне последние почести. Для этого был издан специальный правительственный указ. Но самым удивительным было другое. Последние восемь лет Елена Ивановна вела уединенный и замкнутый образ жизни, почти ни с кем не общаясь. Но носилки сопровождало огромное количество людей: индийцев, тибетцев, гуркхов. Их никто не извещал о церемонии, и никто не приглашал на нее. Повинуясь какому-то странному зову, они пришли проводить в последний путь русскую женщину, о которой почти ничего не знали. «После себя Елена Ивановна оставила столько замечательных манускриптов. Они одни могут напитать целую эпоху»,— писал в 1962 году Святослав Николаевич Рерих. На Родину вернулся только Юрий Николаевич. Это произошло в 1957 году. Крупный ученый, он проработал три года в Институте востоковедения АН СССР, вплоть до своей неожиданной смерти.

Святослав Николаевич, один из известных художников, до сих пор живет в Индии, в городе Бангалуре, столице одного из южноиндийских штатов. В летние жаркие месяцы он приезжает в долину Кулу. Там все осталось по-прежнему. Та же мебель, те же картины, тот же каменный Гуга Чохан, покровитель долины, во дворе под деодаром, те же французские розы на клумбах, посаженные когда-то Еленой Ивановной. Вот только улица, которая ведет от старинного дома в центр Наггара, теперь называется Рерих марг — Путь Рериха.

На этом можно было бы и поставить точку. Однако Рериху и после смерти была суждена долгая жизнь на его Родине. Эта жизнь самой ее сердцевиной оказалась связанной с тем стихийным пробуждением философских исканий, которое много лет назад так провидчески предсказал В. И. Вернадский. Пожалуй, можно сказать, что пробуждение начиналось на наших глазах и приняло вполне определенные очертания уже в период перестройки, когда во весь рост встали проблемы нашей духовной культуры. Рериховское наследие, во всем его многообразии и целостности, заняло в ней одно из важных мест.

Еще лет 15 тому назад, когда в наше общество неведомыми путями вошел интерес к традиционной культуре Востока, многие официальные толкователи общественных процессов увидели в этом происки империалистических разведок Запада. Логику в таковом утверждении найти трудно, но определенно известно, что внутренних причин, вызывавших это явление, было более чем достаточно. Главная же из них состояла в систематической ломке культурно-духовной сферы, которая началась в далекие 20-е годы, а позже обрела состояние стабильной, а подчас необратимой деформации культуры в целом. За это мы заплатили разрушением общественных идеалов, девальвацией их нравственного обеспечения и, наконец, удручающей бездуховностью самых широких слоев нашего общества, и в первую очередь молодежи. Сталинская концепция человека-винтика, полностью подчиненного государственной машине, уродовала сложившиеся в течение многих тысяч лет эволюции тонкие внутренние механизмы человека, закономерности существования и развития его духа. В беспощадных и изращенных условиях человек не мог реализовать ни свой творческий потенциал, ни личностные качества, ни даже свое право на жизнь. В итоге одни интуитивно, другие сознательно стали искать иную «внегосударственную» культурно-духовную модель, центральной фигурой которой являлся бы сам человек во всей его сложности и культурно-нравственном богатстве. Мировая культура в целом и традиции Востока, в частности, давали немало таких моделей. Поэтому интерес к культуре таких стран, как Индия, Китай, Япония, год от года усиливался, повергая в изумление не подготовленных к этому востоковедов, которые в своей массе не могли удовлетворить этот интерес ни в практическом, ни в просветительском плане. А десяток-другой фундаментально образованных ученых и философов были не в состоянии изменить общей удручающей картины научной беспомощности и несостоятельности. Более того, в существовавших тогда востоковедческих исследованиях все «не наше» было отторгнуто и срезано или же подвергнуто такой сокрушающей критике, после которой от первоначальных идей оставались лишь рожки да ножки. И тогда ищущие и жаждущие стали полагаться на собственные силы.

Культурно-художественное наследие Рериха, прочно связанное и с самой традиционной культурой Востока и с ее духовно-философской сердцевиной, естественным образом оказалось в эпицентре этих исканий. В отличие от выступавших с высоких трибун чиновников советский интеллигент, увлекаемый стихией «пробуждения философских исканий», не делил рериховское наследие на «наше» и «не наше», а брал его в целом, зачастую предпочитая философское «не наше» всему остальному. Именно в этой части наследия ищущие и стремящиеся находили ответы на свои вечные вопросы, получали искомую пищу для размышлений и духовной работы.

Однако на этом пути возникали неизбежные трудности и сложности. Дело в том, что стихийный духовный прорыв пришелся на деформированный культурный фон, который уже закрепил в психологии так называемого «человеческого фактора» всякого рода отклонения и нравственные перекосы. Все это порождало острые противоречия, которые как бы разрывали вновь формирующуюся духовную сферу изнутри. В результате в ней образовались целые заторы человеческих амбиций и тщеславия, завалы чудес, мистики, оккультизма.

Друг на друга громоздились торосы искренней веры в собственную избранность и исключительность. Появились различного рода «учителя», «гуру» и посланцы «высших сил». «Учителя» ставили перед учениками фантастические цели, спасали землю, сносились с инопланетянами и толковали, как могли, малознакомые им самим понятия восточной философии. Они приспосабливали сложнейшие ее понятия к собственным суетным целям, выхолащивали из них непреходящую духовную суть, профанировали ее и манипулировали ею с искусством хорошо обученных жонглеров.

Вульгаризаторы создали среду, где спекулировали на поиске идеалов, жили на грани нравственно допустимого, нередко соскакивали с этой грани и без особых сожалений погружались в вязкое болото уголовщины. Время от времени о случаях такого рода сообщала нам пресса (всем нам хорошо памятен шумный процесс «учителей» Мирзы и Абая, по наущению которых был убит «ученик»).

Однако ошибочным было бы считать, что такого рода отклонения и деформации определяли всю духовную стихию исканий. Были и другие трудности. Еще в период застоя идеологические организации начали борьбу с так называемым «неориентализмом». Слово столь же трудное для катаевского кота, как и «неоколониализм», стараясь произнести которое, как вы помните, несчастное животное скончалось. Но в отличие от последнего слова вновь образованное не несло никакого смысла.

Несмотря на семантическую неясность нового термина, некоторых журналистов и даже ученых охватил разоблачительный зуд. И те и другие, наточив перья, в то же время сочли знание предмета излишней для себя роскошью. В результате досталось и культуре дружественных нам стран Востока, и Рериху.

На страницах газет и журналов появились чудовищные утверждения, искажавшие до неузнаваемости духовную суть философской традиции Востока и рериховского наследия. «Агни Иога» («Живая этика».— **Л. Ш.**) — учение опасное. Оно уводит от реальной жизни в мир иллюзий. Заставляет (именно заставляет) отказаться от любого дела, даже стирки собственного белья. Люди, издающие и распространяющие учение «Агни Иога»,— убежденные противники марксизма-ленинизма, деятельности КПСС в области формирования научного мировоззрения трудящихся. При распространении учения «Агни Иога» духовные потери в нашем обществе неизбежны»,— писала 20 апреля 1985 года «Алтайская правда», выражая обеспокоенность местных властей тем, что Алтай стал местом паломничества рериховцев. Вот и вся «аргументация», своеобразный «классовый подход» к источнику, который автор статьи, по-видимому, и в руках не держал. Впрочем, в том не было никакой необходимости — достаточно набора расхожих политических обвинений, который действовал безотказно и в 30-е, и в 70-е, и в первую половину 80-х.

Эпоха застоя с ее идеологическими стереотипами и нравственной неразборчивостью продолжает жить в людях, мешая им видеть реальность. Пишущие о сложных духовно-культурных процессах в нашей стране подчас забывают о судьбах тех, кто вовлечен в эти процессы, а бойкое журналистское перо, поднаторевшее в идеологических штампах, нередко влияет на эти судьбы не самым лучшим образом. Местные власти в таких случаях проявляют завидную оперативность в ликвидации неугодной и непонятной им деятельности. Известны случаи вынесения строгого партийного взыскания за одно лишь чтение «Живой этики».

...Когда дописывала эту статью, позвонили из Таллинна и сообщили о создании Общества Рериха. А до этого мы узнали об обществах Рериха в Латвии, в Калуге, о рериховских организациях в Ленинграде, Киеве, Краснодаре, Челябинске, Новосибирске и многих других местах. Рериховские клубы, рериховские чтения, рериховские выставки и торжественные вечера. В них участвуют сотни и тысячи людей самых разных возрастов, самых разных устремлений, самых разных уровней образованности. Все это позволяет говорить о целом культурном движении, связанном с именем Рериха и его идеями. Движение это было разбужено перестройкой и созвучно этой перестройке, ее духовно-культурным целям. Мы должны признать эту реальность, которая сейчас входит в нашу жизнь наряду с остальными. Реальность со своими противоречиями, слабостями, но и с большим потенциалом духовного устремления. Ее нужно принять, помочь ей, защитить от доморощенных «учителей» и открытого невежества, от своеволия и бесцеремонности властей и, наконец, от публикаций, которые появляются даже в столичных литературных журналах, где по авторской необразованности искажаются и профанируются рериховские идеи и мысли «Живой этики»*.

Еще раз хотелось бы напомнить, что движения, которые захватывают суть человеческого духа, его важнейшие проблемы и устремления в XX веке не могут быть ограничены только одной страной. В восьмидесятые годы за пределами нашей страны возникло движение «Мир через культуру». В нем участвуют рериховские организации США, Канады, ФРГ. Видно, большая сила заложена в идеях «Живой этики».

Когда думаешь о Рерихе и о том, что сейчас происходит, то вновь вспоминаешь древнюю долину Кулу. Перед глазами снова проходят снежные пики, склоны, поросшие соснами и елями, старинный дом, увитый плющом, гранитный камень, на котором вырезаны слова «Махариши Рерих». Вспоминаю старого гуру-прорицателя, который подошел, когда я стояла около этого камня.

— Кто такой махариши? — спросила я его.

— Это тот,— начал гуру, устремив взор к двуглавой вершине Гепанга,— чьи дела и мысли обгоняют устремления живущих с ним рядом, и поэтому эти дела и мысли после его ухода еще долго продолжают жить и служить людям.

— Никогда не слышала такого определения махариши.

— Странно,— укоризненно покачал головой гуру,— ведь ты живешь в старинном доме.

Я действительно жила в старинном доме и работала за тем письменным столом, за которым Елена Ивановна Рерих готовила книги «Живой этики» к публикации. Но тогда и предположить не могла, что через недолгое время все так обернется. Если дела и мысли человека обгоняют свое время, то они живут и действуют очень долго...

---

* Примером таких искажений и неточностей является ряд разделов в публикации В. М. Сидорова «Мост над потоком» («Москва» № 4, 1988). «Рерихов можно назвать первопроходцами всего загадочного и таинственного» (стр. 31),— пишет он. Не правда ли, странная формулировка для характеристики такого крупномасштабного культурного явления, каким были Рерихи? И не только странная, но крайне принижающая и извращающая смысл и значение этого явления. Такие сложнейшие понятия, как Шамбала, психическая энергия и др. упрощаются и профанируются. Из работ Рериха выдергиваются цитаты и, в отрыве от остального текста, подвергаются вольному и весьма субъективному толкованию. Попытка соотнесения философских положений «Живой этики» с открытиями современной науки и современными социальными движениями привели автора к необоснованным выводам, искажающим как основные достижения современной науки, так и особенности мировоззрения самих Рерихов и их Учителей.

«ЖИВАЯ ЭТИКА»

Фрагменты

Книги «Живой этики» охватывают огромный спектр различных проблем, связанных с взаимодействием человека, планеты, Вселенной. Взаимодействие это многогранное и крайне сложное. Читателям предлагаются некоторые высказывания, содержащиеся в этих книгах и имеющие, несомненно, актуальное значение для нашего времени.

Нужно до такой степени обосновать материализм, чтобы все научные достижения современности могли войти конструктивно в понятие материализма. Мы говорим об астральных телах, о магнитах, о свечении ауры, об излучении каждого предмета, о перемещении чувствительности, о проникновении одного слоя материи через другой, об изменении весомости, о посылках мысли через пространство, о явлении цементирования пространства, о чувстве центров, о понимании слова материя. Много невидимого, ощутимого аппаратами нужно вместить тем, кто хочет применить технику в жизнь. Нужно заменить идеальные слюни твердым разумом. Мы, материалисты, имеем право требовать уважения и познавания материи.

Друзья, материя не навоз, но вещество, сияющее возможностями. Нужда человечества от презрения материи. Настроены храмы, где востребована помощь для обмана и убийства, но не воспеты гимны знанию.

Община, ч. 2, X, 9

Эволюция мира складывается из революций или взрывов материи. Каждая революция имеет поступательное движение вверх. Каждый взрыв в конструкции своей действует спирально. Потому каждая революция в своей природе подвержена законам спирали. Поэтому правы те, кто заботится о движении завоеваний революции.

Община, ч. 2, V, 1

Невежественный коммунизм — темница, ибо коммунизм и невежество несовместимы.

Община, ч. 2, X, 5

Из всех насилий самое преступное и уродливое зрелище являет насильственная коммуна.

Община, ч. 3, II, 3

Младенческий материализм явится дурманом для народа, но материализм просвещенного знания будет лестницей победы. Без отрицания, без суеверий, без страха пойдете к истинной общине.

Община, ч. 2, X, 7

Современные вожди считают, что строят Новый Мир, но никому не приходит на ум, что их Новый Мир есть оскал старого. Новый Мир идет новыми путями.

Братство, 389

Весь мир делится по границе личного и Общего Блага. Если мы действуем в сфере Общего Блага искренними помыслами, то за нами стоит весь резервуар космических накоплений.

Листы сада М. II, 202

Дух человеческий Мы возводим в ряд высоких пониманий явлений Космоса.

Беспредельность, 113

Взаимоотношение между всеми космическими силами и человеком признавалось самыми древними явлениями. Человек — часть космической энергии, часть стихий, часть разума, часть высшей материи.

Беспредельность, 155

Законы Космические так мало понимаются человечеством! Все устройства жизненные идут вразрез с Космосом. Так человечество принимает малое количество видимых следствий, но отказывается принять сокровище Космоса.

Иерархия, 288

Господство духа и сердца есть великий космический закон.

Мир Огненный

...пора от грубых слоев материи перейти к исследованию тончайших энергий.

Агни Иога, 56

Светлая всепобеждающая мысль будет вполне соответствовать условиям грядущей Новой Эры сотрудничества.

Община, 219

Насилие над мыслью есть тяжкое преступление. Оно не может быть оправдано. Оно послужит лишь новому насилию, и где же будет конец бесчинству? Невозможно предположить, чтобы нечто, созданное во имя ненависти, могло быть прочным. Лишь созидание, но не ниспровержение может почерпнуть силу для свободной мысли. Нужно беречь мысль. Нужно любить сам процесс мышления.

Братство, 151

Из всех энергий тончайшая есть мысль. Можно истинно утверждать, что мысль переживает все. Мысль бессмертна и живет, создавая новые сочетания...

Беспредельность, 798

Может ли быть потоп, смывающий целые области? Может ли быть землетрясение, разрушающее целые страны? Может ли быть вихрь, сметающий города? Может ли быть падение громадных метеоров? Все может быть, и качание маятника может увеличиться. Не имеет ли значения качество человеческой мысли? Так пусть подумают о сущности вещей. Она очень близка мысли, и много мыслей устремлено из разных миров. Не будем винить одни солнечные пятна.

Братство, 250

Мысль нерушима, и она вибрирует в пространстве.

Аум, 520

Уже говорил, что наука о передаче мысли на расстояние является сужденным достижением человечества. Но она должна быть подлинной наукой и вызывать достойное уважение. Недопустимо, чтобы люди более почитали первобытный аппарат, нежели великую энергию, заключающуюся в них самих.

Братство, 410

Пределы знания расширяются. Между отраслями науки создаются новые взаимоотношения. Многое, недавно казавшееся разделенным, теперь оказывается растущим из одного корня.

Аум, 316

Почему трудно соединить наблюдения из разных областей науки? Приходит время, когда потребуется согласие ученых самых различных областей науки. Нужно будет соединить нахождения новых и древних культур с наблюдениями механическими и физическими. Найдутся скелеты великанов с предметами разнородного наблюдения. Наконец, потребуется древнее знание небосклона в связи со странными переменами нашей планеты. Нужно доброе согласие, чтобы расширить горизонт новых наблюдений...

Мир Огненный, I, 462

Пусть ученые найдут в себе решимость не отрешаться от того, что им в данное время неизвестно.

Братство, I, 216

Умение воспринять значение нравственных понятий относится к области науки. Нельзя легкомысленно делить науку на материальную и духовную, граница будет несуществующей.

Аум, 380

Творчество духа, истинно, есть строительство эволюции.

Беспредельность, 373

Рост духа не терпит насилия. Этим объясняется медленная эволюция человечества.

Л. С. М. II, 238

Осмотрев карту Мира, можно легко убедиться, что разложение предшествует расцвету, который может осуществиться лишь обновлением духа.

Мир Огненный, III, 388

И знание приходит лишь при готовности духа.

Л. С. М. II, 31

Лишь дух не знает границ и Учение будущего будет основано на завоевании духа.

Сердце, 287

Так мысль, лишенная вибрации духа, есть явление мертвенности. Только вибрация духа может созидать.

Беспредельность, 584

Дух, обремененный останками вчерашнего дня, нагружен громадами; с таким грузом не взобраться на Гору, не пройти через Врата Света.

Мир Огненный, III, 264

...не фабрика, но мастерская духа обновит мир.

Л. С. М. I, 21.1.23

Мир един созвучием духа.
Л. С. М. I, 1.2.23

Отвернувшиеся от духа должны испытать несчастье, ибо иначе, как же им вернуться. В этом смысл великих событий.
Агни Иога, 14

Не разрушайте чужой храм, если не можете немедленно воздвигнуть на месте том новую храмину. Место храма не должно оставаться пустым.
Агни Иога, 58

Строительство новых оснований будет заключаться в установлении равновесия и в установлении координации между наукой, искусством и жизнью.
Мир Огненный, III, 93

Сущность инквизиции есть преследование необычного.
Озарение, ч. 2, VI

Особый ущерб расширению сознания нанес тот, кто противопоставил дух материи.
Аум, 532

Оглянемся на страницы истории. Пришло время освобождения мысли, и запылали костры, но мысль потекла. Пришло время народоправства, и загремели расстрелы, но воспряли народы. Пришло время развития техники — ужаснулись стародумы, но двинулись машины, пульсируя с темпом эволюции. Теперь пришло время осознания психической энергии. Все инквизиторы, реакционеры, стародумы и невежды могут ужасаться, но возможность новых достижений человечества созрела во всех неисчислимых возможностях мощи. Инквизиторы и реакционеры могут строить тюрьмы и сумасшедшие дома, которые пригодятся для них же, в виде рабочих колоний. Но созревшую ступень эволюции отодвинуть нельзя. Так же как нельзя человечество лишить всех путей сообщения.
Община, ч. 3, III, 6

Так называемое четвертое измерение есть свойство психической энергии. Свойства психической энергии дадут расширение всех пониманий.
Агни Иога, 542

Каждый век несет свою весть человечеству. Психическая энергия имеет назначение помочь человечеству среди нерешенных для него проблем.
Аум, 381

Психическая энергия в руках человеческих есть самое страшное оружие.
Мир Огненный, III, 409

Правда, нужно понять единство энергии, иначе невежды могут отнести ее только к человеку. Опять может произойти умаление.
Аум, 479

Кто может поверить, что организм человеческий созвучит не только на планетные потрясения, но и на токи всей Солнечной системы?
Мир Огненный I, 479

Среди невидимых воздействий очень сильны явления магнитных центров, которые все растут. Явления эти скоро будут доступны самым простым физическим наблюдениям.
Беспредельность, 490

Явление извращенного материализма именно отвратило мышление от материи, как источника Света. Дух отринут и материя забита — остался базар!
Мир Огненный, I, 182

Правы прекрасная Истина в Красоте. Космос утверждает на этой формуле эволюцию. Космос направляет мир к овладению красотою.
Беспредельность, 178

Много говорят о слове эволюция и совершенно не представляют себе этот процесс в действительности. Много рассуждали о строении общества, но всегда предпосылали, что это человеческое общество живет в чем-то неподвижном, законченном. История Потопа и Ледникового периода считается чем-то почти символическим. Об Атлантиде не принято даже говорить, несмотря на греческих писателей. Можно видеть, как человеческое сознание избегает всего, что угрожает его установленному благополучию. Так и понятие эволюции само по себе становится отвлеченным и нисколько не беспокоит сознание каменного сердца. Но разве не зовет каждый небосклон к мысли о вечном движении? Только в этих эволюционных понятиях можно принять красоту пути земного, как обители по восхождению.
Мир Огненный, I, 408

Путь эволюции проходит, как нить, через все физические и духовные степени. Потому государственный и общественный строй могут применить все космические законы для усовершенствования своих форм.
Мир Огненный, III, 65

Никто никаким запретом не прервет путь эволюции. Могут невежды создавать судороги в познавании, восстания и разрушения. Именно запретом невежды вызывают волны хаоса...
Аум, 595

Человечество должно сначала принять будущее, если ждет успеха. Но не может быть успех в прошлом, потому искание новых путей первая необходимость.
Беспредельность, 486

Действительно, человечество представляет как бы цемент планеты, оно помогает сдерживать части, угрожаемые хаосом. Мир не населенный легко распадается, но не гордиться должен человек такому поручению, он должен чувствовать себя стражем на дозоре.
Мир Огненный, I, 514

Так лишь обновление духа дает прочный фундамент для нового строительства. В нем человечество найдет свое великое назначение и свое место в Космосе. Истинно, воскресение духа будет творчеством Новой Эпохи.
Мир Огненный, III,186

Следует сказать человеку — не обессиливай себя; недовольство, сомнение, саможаление поедают психическую энергию. Явление труда отемненного — ужасное зрелище!
Аум, 303

Следует по всей истории человечества убедиться, каким щитом была красота. Ущемление творчества является признаком падения человечества, но каждая эпоха расцвета творчества осталась, как ступень достижения.
Братство, 498

Между тем нужно понять, что человечество не имеет права отравлять атмосферу Земли — оно ответственно за гигиену планеты.
Аум, 224

Теперь нужно не забыть, что энергия, изучаемая человечеством, нужна для правильного движения планеты. Когда же эта энергия становится отравленной, она ослабляет заградительную сеть и тем нарушает равновесие многих светил.
Мир Огненный, II, 92

Не будем успокаивать себя тем, что будто бы какие-то умы за всех что-то выдумывают. Человечество обязано мыслить, оно должно сообща устремляться к достижениям. Нельзя, чтобы хаос невежества в пышных одеждах вторгался и глумился над познанием.
Аум, 310

Станислав РАССАДИН

ГОРДОСТЬ ПАЧЕ УНИЖЕНИЯ

Вы замечали: смешное сегодня стало смешней?.. Нет, говорю не о юморе как таковом, который претендует на то, чтоб смешить и смеяться. С ним-то — наоборот, его эзопов язык, точнее сказать, язычок, еще вчера остро точивший совсем небезопасные лясы, нынче выглядит опасливо укороченным рядом с тем, что режется напрямую, без потуг и подмигиваний, горько и страшно. Сегодня смешнее то, на что недавно мы были способны взирать пусть не почтительным, но тоскливо-равнодушным оком — как, к примеру, на кинохронику о вручении Леониду Ильичу очередного ордена, которая из разряда заурядного быта мгновенно скакнула в разряд нечаянного, но отчаянного гротеска.

И стихи тут не отстают. Даже норовят перехватить первенство.

Статья о стихах, не только о них и совсем не о них

1.

Вот, скажем, Сергей Смирнов горестно повествует, как художник Лактионов некогда задумал писать его, Смирнова, портрет и даже назначил час первого свидания, а он, Смирнов, по поэтическому легкомыслию, забылся и не пришел. В чем и кается нынче с чувством трагической вины:

И — раскаянье в день его смерти.
И раздумья, все годы подряд...
Вижу, как у холста при мольберте
Укоризненно краски горят...

Словом, вообрази все это, читатель, и зарыдай, вообразив: какого портрета лишились! Какая натура пропала, какая кисть лишилась достойной ее работы!..

Да и не один Смирнов норовит исторгнуть из наших душ сострадание по схожему поводу. Не так уж давно «Огонек» напечатал стихи Станислава Куняева (подчеркну: новый, уже не софроновский «Огонек», явивший тем самым отчетливый плюрализм, чего не скажу, однако, о столь же отчетливом чувстве юмора). Стихи, начатые строкой нешуточной, навевающей уж подлинно трагические воспоминания, неотрывные от минувшей войны и от павших на ней: «Вызываю огонь на себя...»

Правда, выясняется, что огонь, пламя не фронтовое, но адское (тоже не шуточки!), и лирический герой стихов сражается с пламенем ада, топчет его в одиночку, обгорая и тщетно зовя на помощь друзей, о которых он, впрочем, уже загодя отнюдь не лестного мнения: «Где друзья? Почему не спешат? Неужели с похмелья лежат?»

Увы. Не поспешили. Бросили, так что пришлось побеждать одному.

Я иду — победитель огня,
предвкушаю — дружина моя
от восторга и радости ахнет!
Но шарахнулись вдруг от меня:
— Адским пламенем,— шепчутся,—
пахнет!..

Конечно, это забавно и потому, что неминуемая ассоциация — не кто иной, как сам Данте Алигьери! Это ведь от него, как свидетельствует молва, завидевши его смуглое, будто бы опаленное «адским пламенем» лицо, шарахались флорентинцы: «Боже, он был в аду!» И тем забавней, пародийней (Куняев в обличье Данте — это же и есть **снижение**, главный прием всякой пародии) надежда представить литературные стычки и свары войной с Сатаною, с геенной; тем комичнее непомерное самочувствие байронического избранника, получившего горькое право всех попрекать в недооценке его персоны, даже в предательстве — всех, от неповоротливых с похмелья друзей до брата и до жены: «Когда в груди горит надсада на земляков и на жену... И коль из уст родного брата идет неправедный укор...»

Да, смешное — смешней. Но почему?

Взять, скажем, меня. Никогда не любил стихов Куняева (вот уж чего не было, того не было). Но чтоб они меня вдруг рассмешили... Нет, этого не предвидел.

Что ж случилось? Он ли продвинулся дальше в утрате чувства реальных соотношений малого и великого, в степени обретения — или, вернее, потери — душевного такта? Или в нас (да хоть бы и во мне) отчетливее проявилась безыллюзорность, это невеселое, но необходимое приобретение нашего времени? Вероятно, и это, и то. А еще — исступленнее, истеричнее, вплоть до «надсады», стали усилия самоутверждения, **логики выживания,** согласно которой, дабы самому выплыть, надо топить других. Чтоб не ходить далеко, вспомним, с какой неразборчивой ненавистью тот же Куняев бранился вслед ушедшему Высоцкому; как не останавливался перед отъявленной и, казалось бы, бессмысленной ложью — например, насчет фальшивой могилы «майора Петрова», которую якобы варварски затоптали поклонники покойного барда, сделавши это (так намекалось) чуть ли не его злою загробной волей. Ведь уличили ж во лжи, немедля и документально выставив на позор, подняли на смех, ибо смешна всякая разоблаченная ложь,— нет, шалишь, не повинился. Такова она, значит, «надсада», согласно Владимиру Далю,— «надрыв, надмога, повреждение от натуги».

Избыточное самоуважение родилось не сегодня, и средь постоянных грехов пишущей братии уж этот-то постояннейший. Но, может быть, то, что комизм этого переизбытка стал особенно явен,— симптом именно нашего времени? Черта нынешнего самосознания, с подчеркнутой неприязнью отталкивающего от себя нечто? И ежели так, то что́ именно?

Попробуем разобраться. Не торопясь.

Процитирую стихотворение, представляющееся мне — честное слово, не иронизирую — замечательно интересным. Достойным самого пристального исследования, и, чтоб не мешать исследовательской сосредоточенности, попробуем свершить почти невозможное. А именно — не обращать внимания на... ну, скажем, весьма своеобразные отношения автора стихов Ивана Савельева («Молодая гвардия», 1989, № 3) с логикой, с правилами стихосложения, даже с родным языком. Хотя, повторю, это и вправду трудно, потому что нельзя проскочить мимо уже самого по себе однословного названия стихотворения: «Историку» — то бишь известному Юрию Афанасьеву. Оно, название, любопытно тем, что заключено автором в иронические кавычки, саму афанасьевскую профессию отказываясь признать,— примерно так же, как в пору ждановщины, понося славу и совесть нашей словесности, уничижительно закавычивали самые нейтральные термины. «В своих «стихотворениях» Ахматова... В клеветнических «произведениях» Зощенко...» И т. д.

Между прочим, и это само по себе, думаю, ждет исследователя. Предмет серьезный. «Сейчас темно сделаю!» — угрожающе говорит малый ребенок, запечатленный Корнеем Чуковским, и закрывает глаза, веря, что и весь мир вместе с ним погружается во мрак. Взрослым апологетам тьмы, казалось бы, давно уж пора избавиться от наивности младенческого солипсизма — ан нет, все они, от Андрея Жданова до Ивана Савельева, верят: стоит им захотеть, и их супротивники обратятся не то что даже в плохих либо вредных писателей и историков, а в никаких. В несуществующих, как деликатно изъяснялся Павел Иванович Чичиков.

Быть может, это закономерно для страны, где неугодных так долго и убедительно обращали в ничто, в «лагерную пыль»?..

Итак: «Историку» (в кавычках). И начинается... Что? Полемика? Нет. Тут ведь — изящная словесность, поэзия, так сказать, игралище страстей и лежбище муз. Область, где «невозможное возможно», где автор стихов, чередуя по мере умения сарказм и пафос, заводит беседу со своим покойным отцом:

Ты эту жизнь —
всю жизнь! —
тащил, как вол,
В движенье к идеалу смел и стоек...
Но ты не той, отец, дорогой шел.
Не то творил,
Не то все годы строил.

Сознательно историю дробя
И полуправдой новою итожа,
Твою судьбу решают за тебя —
Ту самую,
Что ты достойно прожил.

Как оказалось, были мы рабы —
Ты винтик был восточного тирана...
И никакой-то не было судьбы
У нас с тобой,
А были только планы.

«Были... был... не было... были...» Бюрократический стиль анкеты. Но — договорились. Терпим.

...Теперь за то, что строил коммунизм,
Отдав ему двужильные усилья,
Они твою оплакивают жизнь
И проливают слезы крокодильи.

Они бы вырвали тебе язык,
Настольно душу-разум обработав,
Чтоб на колхоз смотрел ты, словно бык
На новые тесовые ворота.

Бык? А раньше было, помнится, про вола, двигавшегося к идеалу... Но ладно, ладно, некогда разбираться в капризах поэтической фантазии, тем паче что стоит набраться духу перед следующим соображением. Прямо скажу, ошеломляющим:

Ты вовремя — прости, отец! — ушел,
Произношу кощунственное слово,
Иначе б, видя этот произвол,
Сам на погост сбежал из Рудакова.

Признаться, с осторожностью приискиваю слова. С сыновней волей тоже вроде бы надобно посчитаться, ведь так? Вероятно. Но нам-то с вами — ка́к быть, ка́к себя чувствовать перед такой картиной: родной сынишка надсадно и исступленно благодарит судьбу, что отец его помер, не дожив до афанасьевского «произвола», каковой произвол, надо думать, куда покруче сталинского? А если бы дожил? Если бы, наплевав на оголтелых перестройщиков, продолжал радовать сына тихим своим присутствием? Но что ж тут за радость? «Ты вовремя — прости, отец! — ушел...» А там иди разбирай, простит ли отец своего беспощадного отпрыска.

Да, «повреждение от натуги». Прав мудрый лексикограф.

Не шучу, да и тема не располагает. Наоборот, хочу проявить к этим стихам необходимое уважение, отнесясь к ним не как к словоблудию, а как к действительно испытанному чувству. Такому, которое обоснованно рассчитано на наше сопереживание. Вот и пытаюсь проявить понимание, думаю о своей матери, о Варваре Егоровне, в соответствии с эстетикой времени захотевшей зваться Георгиевной (тетка Марфа, профессиональная грузчица, та стала даже Марией Евгеньевной). О крестьянской сироте с девяти лет, детдомовке, чернорабочей, затем выдвиженке, впоследствии маленьком партработнике, солдатской вдове и неколебимой сталинистке, которой «Он» дал, как ей думалось, все... Не умри она в 54-м, застань первые шажки моего запоздалого самоосознания, Боже, как бы мы с ней, наверное, спорили и ругались! (Разругался ж я в пух и прах с ее лучшей подругой-единоверкой.) Но кем бы я был, если бы взял да воскликнул: ах, дескать, мамочка, ну, как это славно, что ты умерла сорока трех лет от рака, не дожив до XX съезда?.. Так кем же? Ни в кого не мечу, говорю исключительно о себе: я был бы нелюдью.

История отучила нас чересчур удивляться превращеньям того, что́ нам выдавали и выдают за любовь к родителям или родине,— чаще всего превращеньям под воздействием ненависти, весьма приспособленной для того, чтобы обращать людей в нелюдей. И если что меня все-таки поражает в высказываниях подобного рода, так это помянутый солипсизм (ограничимся этим благовоспитанным термином) совершенно младенческого уровня. К примеру:

«И не «процессами» запомнились мне 1937—1940 годы, а подвигами папанинцев, дальними перелетами экипажей во главе с Чкаловым и Расковой. За четыре предвоенных школьных года я ни разу не слышал упоминания имени Сталина, кроме как на уроках по истории и Конституции. Никакого «культа» из школы я не вынес».

Впору только завидовать — надо же, как повезло человеку (конструктору В. Перову, высказавшемуся в том же 3-м номере «Молодой гвардии»). Не меньше, чем еще одному везуну, стихотворцу Феликсу Чуеву. Его коллега Олег Шестинский (там же) решил оправдать и понять чуевское пристрастие к Сталину. То, которое выражалось порою открыто, а порою лукаво, даже подпольно,— когда-то, представьте, даже акростих напечатал, преподнеся читателям под видом вполне беспартийной лирики свой пламенный девиз: «Сталин в сердце!»

«Ф. Чуев,— объясняет Шестинский чуевское везение,— как можно предположить, имел иной опыт тех лет, причем опыт опосредованный,— ведь он родился в сорок первом году. Его отец, принадлежавший к самому престижному роду войск, к «сталинским соколам», прошел страшные для народа годы не задетым, к счастью, репрессиями. Ф. Чуев становится думающим человеком в послевоенные годы, он юноша послевоенных лет. У определенной части его поколения формировалось по отношению к Сталину преданно-романтическое чувство. Сталин очерчивался как олицетворение Победы. Ф. Чуев стал в известной мере как поэт выразителем этого чувства» — ну и т. д.

Стал да так и остался... Логика тут вообще восхитительная, вплоть до того, что нашему «думающему человеку», начавшему думать в пору клеветы и славословящего вранья, дано благодушное разрешение так и застрять навсегда на уровне тогдашнего его думанья. Ну а с моралью тут ка́к обстоит? С совестью — как? Разве так называемая десталинизация — всего лишь сведение частных счетов? Если, мол, **ты** некогда втюрился в Генералиссимуса, если **твоя** жизнь сложилась под Его благодатной тенью, если **твоей** семьи не коснулись репрессии, то, выходит, какой с тебя спрос? И что тебе до трагедии множества миллионов, не обласканных сталинским «престижем», а перееханных кровавой колесницей твоего кумира? «Надо уважать любое мнение, только... надо же сознавать, что отказываться от прежних убеждений — предательство пусть и обманутых пропагандой, но построивших социализм людей. В этом я солидарен с Н. Андреевой. Те, кто строил, верили не столько Сталину, сколько идее социализма» (все тот же журнал, все то́т же — насыщенный, надо признать — номерок, все то же сплоченное единодушие, разве что автор другой — врач Ю. Чихов).

Как хотите, а я готов посочувствовать, уж, разумеется, не сыновьям, в своей слепой агрессивности обретающим явственное «повреждение» и ликующим по поводу смерти отцов, а им, отцам, выжившим и дожившим. Им-то ведь в самом деле обидно встретиться наконец с голой, горькой, беспощадной правдой,— тут даже то́ понятно, что с непривычки к правде и обижаются-то не на что иное, а именно на нее. За то, что — правда. «Я 25 лет состою в рядах КПСС... Я все свои обязанности старался выполнять добросовестно, ни одного взыскания не имел, регулярно платил членские взносы. И ради чего? Чтобы меня спросили: «А вы не задумывались, сколько лагерного в нашей ежедневной «вольной» жизни?» Конечно, недостатков много, но чтобы к таким выводам прийти... Неужели это я помогал строить «лагерную» жизнь?» («Советская культура», 1989, 28 марта).

Что тут скажешь? Разве что вспомнишь с не очень-то развеселой улыбкой песню Александра Галича — ту, где симпатичный образцовый рабочий Клим Коломейцев кровно обижается за родимый цех, которому ни в какую не присваивают почетного звания: «Мы ж работаем на весь наш соцлагерь, мы ж продукцию даем на отлично!» И получает толковое разъяснение: «А так, говорят, ну, ты прав, говорят, и продукция ваша лучшая, но все ж, говорят, **не драп,** говорят, а **проволока колючая...»**

2.

Впрочем, можно выразиться и погрубее.

Когда уж слишком старательно являют самоува-

жительную щепетильность, атакуя, скажем, Андрея Сахарова, предположившего факт нарушения правил джентльменства на афганской войне, я (грешен) вспоминаю бессмертного чеха Ярослава Гашека:

«...Тут Швейк... принялся рассказывать, что в одном полку у одного офицера был такой же послушный денщик. Он делал все, что ни пожелает его господин. Когда его спросили, сможет ли он по приказу своего офицера сожрать ложку его кала, он ответил: «Если господин лейтенант прикажет — я сожру, только чтобы в нем не попался волос. Я страшно брезглив, и меня тут же стошнит».

Что толковать, «анекдот довольно не чист», как говаривал Пушкин, но Гашек быть галантным и не подряжался, а нам сегодня как раз полезно пожестче заглядывать в собственные души и попрямей называть то, что там увидим. Доделикатничались. Догордились.

Странное, между прочим, дело. Открываю современный словарь. «ГОРДОСТЬ. 1. Чувство собственного достоинства, самоуважение... 2. Чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов, чувство своего превосходства в чем-л.». Заметим: это все о чувствах, как говорится, заслуженной гордости, и только третье, стало быть, третьестепенное значение таково: «Чрезмерно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим; заносчивость, высокомерие».

Любопытно — или закономерно? — что в начале нашего века, в пору отнюдь не рабскую, очередное издание словаря Даля обнаруживало куда более определенное отношение к этому слову-понятию: «**Гордиться** чем, быть гордым, кичиться, зазнаваться, чваниться, спесивиться; хвалиться чем-либо, тщеславиться; ставить себе что-либо в заслугу, в преимущество, быть самодовольным». Да что Даль! Откройте Новый Завет, в течение столетий лежавший в основу нашей нравственности и даже фразеологии, и в так называемой «симфонии», то есть в именном и предметном указателе, узрите: «ГОРДОСТЬ **грех**...»

Не лезу в глубины этимологии, не делаю скоропалительно-однозначных выводов, но одно, увы, достаточно ясно. Ясней некуда. Ромен Роллан, который, пребывая в СССР, из последних старческих сил старался сохранять лояльность и к строю, и к Сталину, он, француз, «человек со стороны», все же видел, не мог не видеть: «Даже Горький,— писал он в своем московском дневнике, напечатанном в майском номере «Вопросов литературы»,— сожалел при мне о злоупотреблении чувством гордости, перерождающимся в тщеславие, которое поддерживается у рабочих... К тому же не только их индивидуальная или рабочая гордость, но и гордость советского гражданина подогревается ценой искажения истины... Миллионы честных советских тружеников твердо верят, что все лучшее, что у них есть, создано ими самими, а остальной мир лишен этих благ (школы, гигиена и т. д.). У молодежи нет возможности свободно сопоставлять свои интеллектуальные достижения и мысли с достижениями их товарищей на Западе. Бойтесь потрясения, когда это в один прекрасный день вдруг произойдет!»

Как в воду глядел: произошло! И не могло не произойти, так что, пожалуй, не стоит преувеличивать мудрости прорицания. Тут не провидчество волхва, а свойство всего лишь нормального, неискаженного взгляда, то самое свойство, что дается нам трагической ценой, которую мы по мере сил превращаем в комическую. Так, допустим, некормленый народ — это драма, трагедия, а народ неумытый — фарс; не страшнее трагедии, но оскорбительнее ее.

Но сегодня пора уж попридержать разбежавшуюся инерцию похвальбы, в том числе еще вчера вроде бы небезосновательной, и перечесть по пальцам уже утраченные или еще утрачиваемые права на гордость.

Те или иные права — хотя бы и вот такое...

«Один американский писатель, интересовавшийся тиражами наших книг, сказал: «Черт возьми, у нас отличная литература, а читатель плохой; у вас же такой отличный читатель, хотя литература ваша куда слабее нашей». Мы скромно развели руками — дескать, что поделаешь». Не кто-нибудь, а Твардовский являл в 1961 году это знаменитое российское унижение паче гордости, веря в свою правоту и, возможно, в ту пору еще имея для нее основание. А мы — повторим ли мы все это нынче без зазрения совести? Поверим ли, что гигантские тиражи равновелики читательской культуре? И здесь — загордились и догордились. «Самая читающая страна...» Чтó — читающая? Вспоминаю чей-то хороший каламбур: «Самая читающая Пикуля страна».

Дальше. Кто — не исключая меня — не гордился, что в иностранных-де словарях указано: «интеллигенция» — понятие русское? «У них» — интеллектуалы, белые воротнички; интеллигенты как совесть нации — только у нас. И что? Смотри телевизор, читай прессу: слово «интеллигент» в согласии с бюрократической ненавистью к «либералам» опять становится бранным. Как прежде, при Сталине: «гнилой», «размагниченный», даже «паршивый».

Нет уж. «Смирись, гордый человек...» — эти слова Достоевского я бы (если уж никак не обойтись без лозунгов) предпочел всем иным.

Вот только ради чего — «смирись»? Унижения ради, которое можно стерпеть, если оно экономически выгодно? Нет. Ради обретения человеческого достоинства, дороже чего на Земле ничто покуда не обнаружено.

...Мне кажется, самое важное для себя в характере англичан я понял, когда увидал в Лондоне памятник Черчиллю. Для нас сэр Уинстон — то заклятый враг, то союзник, то международный Собакевич, то фигура истории, удостоенная почтительной монографии; для них же, для всяких,— несомненный национальный герой. **Гордость.** И вот гляжу: в ряду викторианских, одно на другое чинно похожих, изображений британских премьеров, Гладстона или Дизраэли, стоит — карикатура... Или скорее шарж, но исполненный с такой раскрепощенностью, что по нашим аскетически-бюрократическим меркам его и дружеским назовешь не сразу, а лишь поразмыслив. Так как же должны быть глубоки и протяженны корни личного, личностного достоинства, чтоб не ощущать оцепенелой одури перед кумиром, чтоб любить его и выражать любовь не в унижение себе самому, а легко, если захочется, то и весело...

Раскрепостимся ли? Глянем ли — на себя, на свою историю, на народ — без оскорбительного тщеславия и умиления?

В полемическом обиходе мелькает, оспариваясь и одобряясь, полуязвительная фраза одного из наших прозаиков: коли, мол, люди прочих национальностей гордятся принадлежностью к ним, то уж позвольте и мне, русаку, гордиться, что — русский.

Как говорилось, свое сыновнее право всяк понимает по-своему. Потому не спорю. Просто хочу понять — лично, конкретно, примеряя горделивое это чувство на себя. Вот он я, тоже русский, как говорится, со всех сторон (что, возможно, заставит расхохотаться тех, кто шлет мне письма с требованием убираться в Израиль: полагают, как видно, что ежели мне не по нраву антисемитизм, то... Словом: «Наших бьют!» — растолковала мои гнев и боль написавшая мне М. Васильева с Новослободской). Так чем же я, имярек, заслужил свое право на гордость? Составом крови? Но это было бы глупо. И мерзко. Тогда (поднатужусь в самоуважении), может быть, тем, что, раз уж я литератор, причастен к великой русской культуре?.. Но это и выговорить-то неловко: до гордости ли там, где ужасает мысль о непосильной ответственности?

Кто как, а я кровно ощущаю причастность к русской породе через боль.

В чем трагедия русского народа — общая, однако же, и особая? Думаю, отчасти и в том, что ему, обделив его не менее прочих, упорно внушали противоестественную, калечащую гордость. «Старший брат»... «Первый среди равных»... Старше кого? Армян или коряков? А средь истинно равных первенства не бывает, так что одной стороне эта замечательная формула внушает сознание ее второй, четвертой или пятнадцатой сортности, а другую убеждает, притом с успехом, что всем иным ее следует особенно, избранно чтить. И, конечно, бояться.

Много лет меня не отпускает такая простенькая картинка. Иду зимними Дубултами, что под Ригой, и вижу, как в двух шагах по заборчику скачет непуганая белка. Стою, любуясь, и вдруг на зверька в ярости кидается прохожий, мой, увы, земляк:

— У-у, сволочи! Обнаглели!

Его оскорбило, что кто-то из «меньших братьев» посмел его не бояться. Ему недоступно счастье — быть неугрожающей силой...

Так как же нам надо об этом помнить — и лучше, чтоб память была подлиннée. А то... Цитирую:

«— Горжусь тем, что я русский!.. Да, я смело говорю всем в глаза: довольно нам стоять на задних лапах перед Европой. Пусть не мы ее, а она нас боится... Мы плюем сами себе в кашу. Мы продаем нашу святую, великую, обожаемую Родину всякой иностранной шушере... У нас, куда ни обернешься, сейчас на тебя так мордой и прет какая-нибудь благородная оскорбленная нация. «Свободу! Язык! Народные права!» А мы-то перед ними расстилаемся. «О, бедная, культурная Финляндия! О, несчастная, порабощенная Польша! Ах, великий, истерзанный еврейский народ!..» ...Н-но нет!.. Нет!.. Этому безобразию подходит конец. Русский народ еще покамест только чешется спросонья, но завтра, господи благослови, завтра он проснется. И тогда он стряхнет с себя блудливых радикальствующих ин-тел-ли-гентов, как собака блох, и так сожмет в своей мощной длани все эти угнетенные невинности, всех этих жидишек, хохлишек и полячишек, что из них только сок брызнет во все стороны».

Год 1904-й. Куприн. Рассказ «Корь» — вот, правда, название подгуляло. Как и брезгливый, однако оптимистический диагноз, с которым поспешил Александр Иванович: «Ваш идеальный всероссийский кулак, жмущий сок из народишек, никому не опасен, а просто-напросто омерзителен, как и всякий символ насилия. Вы — не болезнь, не язва, вы — просто неизбежная, надоедливая сыпь, вроде кори».

Хорошо б, коли так, но разве не затянулась болезнь, лекарство против которой — чистая, жестокая правда о том, чтó с нами произошло? Да и началась-то болезнь не с купринского хама. Ведь еще вон когда, в золотые двадцатые годы прошлого столетия, и вон кто, Николай Языков, прекрасный поэт, да и человек-то незлой, добродушный и простодушный, пишет на масленицу из университетского Дерпта-Тарту: «Скучно, любезнейший, видеть, как немцы пренебрегают русскими праздниками; если б я был императором российским, я бы заставил их и пить русский квас, и есть русские блины, и ходить в русскую церковь, и говорить по-русски, да обрусеют и да принадлежат вовсе к огромному государственному телу России».

Шутка, если даже и неуклюже-бестактная? Да нет: «Не правда ли это предположение политическое, и — шутку в сторону — его исполнение было бы полезно царству православному».

Так ли уж долог путь от этих полугастрономических умозаключений к поре, когда Языков обрушится на «ин-тел-ли-гентов» Чаадаева, Белинского и Грановского, возопив: «...Вы все — не русский вы народ!» А Герцен по печальному праву назовет новейшие языковские стихи «доносом» и сравнит с действием «полицейской нагайки»...

Вот почему с горькой радостью и с робкой надеждой читаю у одного из совестливейших — и потому лучших — наших поэтов:

Над кремлевской стеной сыпал снег слюдяной
и кремнисто мерцал на брусчатке.
По кремнистым торцам грохотали войска,
репетируя скорый парад.
Тягачи на катках и орудья в чехлах проходили
в походном порядке.
Я поодаль следил, как на траках катил
многотонный стальной агрегат...
Что ж, рассудит затвор затянувшийся спор?
Нет, что мне до чужого наречья!
Я люблю свою Родину, но только так,
как безрукий, слепой инвалид.
О, родная страна! Твоя слава темна!
Дай хоть слово сказать человечье.
Видит Бог, до сих пор твой имперский позор
у варшавских предместий смердит.
Что ж теперь? До каких языков и столиц
доволочится хромая громада?
Что от бранных щедрот до потомства дойдет?
Неужели один только Стыд?

Это из новой книги Олега Чухонцева — новой, хотя я-то знаю эти стихи уже много, много лет и, еще не совсем веря, надеюсь: то, что и они наконец напечатаны, знаменует наступление времен, когда можно вслух высказывать и такую любовь к Родине. Истинную. Не парадную.

К счастью, и такая любовь тоже традиционна.

«Что есть любовь к Отечеству в нашем быту? — спрашивал некогда Петр Андреевич Вяземский.— «Ненависть настоящего положения». В этой любви патриот может сказать с Жуковским:

В любви я знал одни мученья.

Какая же тут любовь, спросят, когда не за что любить? Спросите разрешения загадки этой у строителя сердца человеческого. За что любим мы с нежностью, с пристрастием брата недостойного, сына, за которого часто краснеем?»

Ссылка на стих Жуковского — это как бесконечная российская нить, которую тянет Вяземский, и ничего удивительного, что аналог его слов, его любви вдруг сыщется у русского интеллигента совсем иного времени и уж вовсе иного толка. Ленин (вспомнив, в свою очередь, Чернышевского) скажет, что слова того о «жалкой нации», где «сверху донизу — все рабы», это «слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения».

Тоскующая любовь — понимаю то есть: ежели без тоски, без стыда, без боли, то это уж не любовь, а любование. Не унижение паче гордости, а наоборот: неразборчивая, самодовольная, постыдная гордость, которая хуже всякого унижения.

Для многих поколений болельщиков фамилия Старостиных олицетворяет собой благополучие и счастливую судьбу в спорте. Но в их жизни был и драматический период. В 1942 году Николай, Александр, Андрей и Петр были арестованы. Так родилось «дело братьев Старостиных». Неприязнь Почетного Председателя общества «Динамо» Лаврентия Павловича Берия к спартаковским кумирам стоила им 10 лет северных скитаний.

Старший из них, патриарх советского футбола, заслуженный мастер спорта Николай Петрович Старостин, впервые выйдя на зеленое поле в 1918 году, и сегодня, в 1989-м, остается одной из ключевых фигур в нашем футболе: работает начальником команды московского «Спартака».

В издательстве «Советская Россия» готовится к выходу в свет его книга «Футбол сквозь годы» в литературной записи журналиста Александра Вайнштейна. Предлагаем вам главу из этой книги.

Братья Старостины и их команда. Снимок начала тридцатых годов. (Четвертый слева — Андрей, пятый — Николай, седьмой — Александр, третий справа — Петр.)

НИКОЛАЙ СТАРОСТИН: КАК ВАСИЛИЙ СТАЛИН СПАС МЕНЯ ОТ ЛАВРЕНТИЯ БЕРИЯ

Более грязного и мрачного места, чем привокзальная площадь Комсомольска-на-Амуре, я никогда не видел ни в одном городе. Но запомнил ее на всю жизнь по другой причине: прямо к ней примыкала территория гаража Амурлага, где я имел счастье жить почти два года. Счастье в прямом смысле слова: ведь гараж не зона.

К тому времени меня мало чем уже можно было удивить. Но признаюсь честно, когда глухой ночью 1948 года к моей каморке подкатила машина первого секретаря горкома партии Комсомольска и приехавший на ней запыхавшийся капитан с порога выпалил: «Одевайтесь! Вас срочно требует к телефону Сталин!»— я подумал, что у меня начались галлюцинации.

Через полчаса я был в кабинете первого секретаря у телефона правительственной связи. Рядом со мной навытяжку стояли не понимающие, что происходит, начальник Амурлагеря генерал-лейтенант Петренко и хозяин кабинета. Я поднес к уху трубку аппарата и услышал голос сына Сталина — Василия.

У всей этой фантасмагории, как ни странно, имелось объяснение. До войны, в конце 30-х годов, в конноспортивной школе «Спартака» вместе с сыновьями Микояна верховой ездой занимались моя дочь Евгения и дочь нашего футболиста Станислава Леута Римма, будущая неоднократная чемпионка Союза. С ними тренировался худощавый, неприметный паренек по фамилии Волков. И только я, как руководитель «Спартака», знал, что его настоящее имя Василий Сталин. К моменту следующей встречи он успел стать генерал-лейтенантом, а я — политзаключенным.

Его неожиданно проявившийся — через столько лет — интерес ко мне вызывался отнюдь не детскими воспоминаниями. Будучи командующим Военно-Воздушными Силами Московского военного округа, он, используя особое влияние и положение, мог удовлетворить любую свою прихоть. В частности, желание иметь «собственную» футбольную команду ВВС, куда — кого уговорами, кого в приказном порядке — пытался привлечь лучших игроков из других клубов. По вечерам он во время застолья в своем доме-особняке любил обсуждать с игроками, среди которых оказалось и несколько бывших спартаковцев, текущие спортивные дела.

И вот однажды при очередном таком кворуме один из них, Саша Оботов, брякнул:

— Василий Иосифович, да что мы все думаем-гадаем, как нам поправить дела. Надо назначить тренером Николая Петровича.— Все его дружно поддержали. Командующий на секунду сдвинул брови, видимо, что-то про себя прикидывая, потом вызвал своего адъютанта, тоже хорошо известного мне футболиста Сергея Капелькина, и произнес фразу, положившую начало моей двухмесячной эпопее: «Соедините меня со Старостиным».

Все это я узнал много позже в Москве. А тогда ночью в Комсомольске-на-Амуре, сделав шаг к черному телефону правительственной связи, я шагнул навстречу судьбе.

— Старостин слушает.

— Николай Петрович, здравствуйте! Это тот Василий Сталин, который Волков. Как видите, кавалериста из меня не получилось. Пришлось переквалифицироваться в летчики. Николай Петрович, ну что они вас там до сих пор держат? Посадили-то попусту, это же ясно. Но вы не отчаивайтесь, мы здесь будем вести за вас борьбу.

— Да я не отчаиваюсь,— ответил я бодрым голосом и почувствовал, как меня прошиб холодный пот. За один такой разговор я вполне мог получить еще 10 лет.

— Ну вот и хорошо. Помните, что вы нам нужны. Я еще позвоню. До свидания.

...От телефонисток по Амурлагу мгновенно разлетелась весть: Старостин разговаривал со Сталиным. Фамилия завораживала. В бесконечных пересудах и слухах терялась немаловажная деталь: звонил не отец, а сын. Местное начальство, конечно, знало истину, но для них и звонок отпрыска значил очень много.

Разговор с Василием вернул меня к футбольным интересам Большой земли. Я стал регулярно слушать радиорепортажи Вадима Синявского — из-за разницы во времени это приходилось делать в 4 часа ночи,— зажил двойной спортивной жизнью. Днем — местной, региональной, дальневосточной. Ночью — московской, далекой, желанной.

К тому моменту — шел, как я говорил, 1948 год — до моего освобождения оставалось четыре года. Но судьба благоволила ко мне.

Директором одного из заводов Комсомольска был инженер Рябов из Москвы, с Красной Пресни, наудачу оказавшийся болельщиком «Спартака». Он сумел использовать то, что отцы города и Амурлага, сбитые с толку особой расположенностью ко мне сына вождя, позволили немыслимую вещь: не только зачислить политического заключенного на завод, но и допустить его к работе на станке. Как вскоре объяснил мне Рябов, теперь при условии выполнения плана мне за день полагалось два дня скидки со срока заключения.

Так прошли два года, которые были зачтены мне за четыре. Мой срок истек. Местный народный суд на основании представленных документов утвердил досрочное освобождение. Мне выдали паспорт, где черным по белому были перечислены города, в которых я не имел права на прописку. Первой в этом списке значилась Москва.

Рассказываю об освобождении столь буднично, потому что именно так его и встретил: ни эмоций, ни желаний никаких я в тот момент не испытывал. Помню только опустошенность и растерянность: куда ехать, где жить, кем работать?

И тут вновь позвонил Василий:

— Николай Петрович, завтра высылаю за вами самолет. Мы ждем вас в Москве.

— Как в Москве... Я же дал подписку...

— Это не ваша забота, а моя. До встречи...— И в трубке раздались частые гудки...

Прямо с подмосковного аэродрома меня привезли в особняк на Гоголевском бульваре — резиденцию Сталина-младшего.

Когда я вошел, Василий поднялся.

— С возвращением, Николай Петрович!

— Спасибо.

— Выпьем за встречу.

— Василий Иосифович, я не пью.

— То есть как не пьете? Я же предлагаю «за встречу». За это вы со мной должны выпить.

Стоявший сзади Капелькин потихоньку толкнул меня в бок, а Саша Оботов из-за стола начал подавать знаки: мол, соглашайся, не дури. Я замялся, но деваться некуда — выпил. И, усталый после перелета, голодный да еще и непривычный к алкоголю, сразу захмелел.

А Василий, смачно хрустнув арбузом, тут же перешел к делу.

— Где ваш паспорт?

— При мне, конечно.

— Степанян,— позвал «хозяин» одного из адъютантов,— срочно поезжай и оформи прописку в Москве.

Офицер моментально исчез.

Вскоре, так же незаметно, он появился и вернул мне паспорт. Открываю — и не верю глазам: прописан в Москве постоянно по своему старому адресу — Спиридоньевский пер., 15, кв. 13.

...Чем ближе подходил я к Спиридоньевке, тем отчетливее понимал, чего мне больше всего не хватало все эти годы — ощущения, что тебя ждут. И когда я, переступив порог квартиры, увидел плачущую жену и дочерей, я понял, как мало, в сущности, нужно человеку для счастья.

После моего ареста семье оставили только восьмиметровую комнату. Но именно те первые часы, проведенные в крохотной комнатке, до сих пор считаю одними из самых счастливых в моей жизни.

На следующий день меня доставили в штаб ВВС Московского округа, где правил бал Василий Сталин. Вся эта суета после Комсомольска-на-Амуре казалась мне игрой в оловянные солдатики. Главное — вскоре я должен был получить возможность вновь окунуться в любимую атмосферу футбольной жизни.

Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Через несколько дней ко мне на квартиру явились два полковника из хорошо знакомого ведомства.

— Гражданин Старостин, ваша прописка в Москве аннулирована. Вы прекрасно знаете, что она незаконная. Вам надлежит в 24 часа покинуть столицу. Сообщите, куда вы направитесь.

Подумав, назвал Майкоп. В Комсомольске у меня в команде играл майкоповец Степан Угроватов. Он часто говорил мне: «Майкоп — хороший город, если что, приезжайте туда. Там можно устроиться даже с вашей 58-й».

Итак, в моем распоряжении были сутки.

Не теряя времени, я отправился в штаб ВВС МВО и доложил о случившемся командующему.

— Как они посмели без моего ведома давать указания моему работнику. Вы остаетесь в Москве!

— Василий Иосифович, я дал подписку, что покину город в 24 часа. Это уже вторая моя подписка, первую я дал в Комсомольске о том, что не имею права находиться в столице. Меня просто арестуют...

Василий задумался.

— Будете жить у меня дома. Там вас никто не тронет.

Василий Сталин решил бороться за меня не потому, что считал, будто невинно отсидевший действительно имеет право вернуться домой. Я был ему нужен как тренер. Но сейчас и это отошло для него на задний план. Суть заключалась в том, что он ни в чем не хотел уступать своему заклятому врагу — Берия, которого люто ненавидел, постоянно ругал его последними словами, совершенно не заботясь о том, кто был в тот момент рядом.

Так я оказался между молотом и наковальней, в центре схватки между сыном вождя и его первым подручным. Добром это кончиться не могло.

Переехав в правительственный особняк на Гоголевском бульваре, я не сразу осознал свое трагикомическое положение — персоны, приближенной к отпрыску тирана. Оно заключалось в том, что мы были обречены на «неразлучность». Вместе ездили в штаб, на тренировки, на дачу.

Даже спали на одной широченной кровати. Причем засыпал Василий Иосифович, непременно положив под подушку пистолет. Только когда он уезжал в Кремль, я оставался в окружении адъютантов. Им было приказано: «Старостина никуда одного не отпускать!» Несколько раз мне все-таки удавалось усыпить бдительность охраны и незамеченным выйти из дома. Но я сразу обращал внимание на двух субъектов, сидящих в сквере напротив, вид которых не оставлял сомнений в том, что и Берия по-прежнему интересуется моей особой. Приходилось возвращаться в «крепость».

Не могу сказать, что подобное существование было мне по душе. Но я получил благодаря стечению обстоятельств редкую возможность наблюдать жизнь сына вождя.

В его особняке было очень много фотографий матери. Судя по ним, она была красивой женщиной. Василий гордился ею. Сам он был похож на отца: рыжеватый, с бледным лицом, на котором слегка просматривались веснушки. Мать же его была брюнеткой.

Василий никогда, даже будучи в заметном подпитии, не заикался о гибели матери. Но однажды по его реплике около фотопортрета: «Эх, отец, отец...» — я понял, что ему все известно о ее самоубийстве. Он с удовольствием вспоминал то время, когда его и Светлану воспитывала их тетка, старшая сестра матери. Она была замужем за Станиславом Францевичем Реденсом, который в 30-х годах занимал видные посты в НКВД, был большой любитель спорта, и особенно футбола, часто приходил на матчи сборной Москвы. После окончания очередной игры Станислав Францевич любил заглянуть в раздевалку, мы с ним подолгу обсуждали футбольные проблемы. Меня всегда поражали его умение слушать собеседника и тактичность, с которой он ненавязчиво высказывал свое мнение. Разве можно было представить, какая страшная судьба вскоре ждет этого обаятельного, по-настоящему интеллигентного человека. Сейчас известно, что по приказу Сталина он был расстрелян во второй половине 30-х годов, а его жена отправлена в лагерь как «член семьи изменника Родины».

Я тогда ничего этого не знал. Василий тоже ничего не говорил, только ругал Берия, ставя ему в вину участь своих родственников.

Об отце в течение моего пребывания у него он не сказал ни слова. Ни восторженного, ни критического. Это само по себе уже было удивительно. Ведь тогда вся страна вставала и ложилась спать с молитвами во славу «великого Сталина».

Признаться, и я был не самый подходящий собеседник для разговоров на темы, отвлеченные от спорта и футбола,— только что освободившийся политзаключенный. Да и время, и место общения не располагали к откровенности.

Беседы наши, как правило, происходили по утрам: с 7 до 8 с ним можно было обсуждать что-то на трезвую голову. Потом он приказывал обслуге: «Принесите!» Все уже знали, о чем речь. Ему подносили 150 граммов водки и три куска арбуза. Это было его любимое лакомство. За два месяца, что я с ним провел, я ни разу не видел, чтобы он плотно ел. С похмелья он лишь залпом опорожнял стакан и закусывал арбузом. Затем из спальни переходили в столовую. Там и оставалось полчаса для обмена разного рода соображениями. Чаще всего спортивными, но которые — хочешь не хочешь — всегда задевали текущие общественно-политические события. Мой «покровитель», как я вскоре убедился, очень слабо представлял себе проблемы и заботы обычных людей. Характер у него был вспыльчивый и гордый. Возражений он не терпел, решения принимал быстро, не тратя время на необходимые часто размышления. И в этом отличался от отца, который, судя по кинофильмам, расхаживал по кабинету, покуривал трубку и медленно, обдумывая каждое слово, изрекал «гениальные» мысли.

Я хорошо запомнил наш первый совместный приезд на дачу в Барвиху. Громадная столовая, метров сто, большой дубовый стол. У стола — овчарка неправдоподобных размеров. Потом Василий рассказал, что это собака Геринга, присланная в подарок Иосифу Виссарионовичу, но отец «передарил» ее сыну. Когда я вошел, она грозно зарычала, ее свирепый вид не оставлял сомнений, что она запросто может разорвать цепочку, которой была привязана к ножке стола, и вцепиться клыками в любого, кто приблизится к ее новому хозяину. Услышав команду: «Бен, это свой», она презрительно отвернулась от меня и уселась на стул рядом с Василием, никого по-прежнему к нему не подпуская. Василию это очень нравилось...

Наш разговор за обедом начинался с одного и того же вопроса:

— Николай Петрович, вы знаете, кто самый молодой генерал в мире?

Я понимал, куда он клонит.

— Наверное, вы.

— Правильно. Я получил звание генерала в 18 лет. А вы знаете, кто получил генерала в 19 лет? — И сам же отвечал:— Испанец Франко.

Несмотря на бесконечные повторы, такая викторина, видимо, доставляла ему удовольствие. Сказывались тщеславие и обостренное самолюбие. Думаю, благодаря этим качествам он мог бы стать неплохим спортсменом. Спорт он действительно любил и посвящал ему все свободное время. Хорошо водил мотоцикл, прекрасно скакал верхом. Из рассказов адъютантов и других из его окружения я знал, что он очень смело и дерзко летал на истребителе. В этом отношении он был далеко не неженка, хотя выглядел довольно тщедушным. Если и весил килограммов 60, то дай-то бог...

Помню, как повариха на даче буквально преследовала меня требованиями повлиять на Васеньку, чтобы он получше поел. Я же больше старался использовать свое красноречие в пользу просьбы Светланы Аллилуевой, которая просила меня помочь ей — и сама всеми силами пыталась — отлучить брата от выпивок.

В основном вокруг него крутились люди, которые устраивали свои личные дела: «пробивали» себе квартиру, звания, служебное повышение. Я не припомню, чтобы он при мне занимался служебными делами. Молва о нем слыла такая, что если попадешь к нему на прием, то он обязательно поможет.

Разномастные чиновники не давали ему прохода: он наивно выполнял бесчисленное количество просьб оборотистых людей, которые его использовали. Все вопросы решались обычно с помощью одного и того же приема — адъютант поставленным голосом сообщал в телефонную трубку: «Сейчас с вами будет говорить генерал Сталин!» Пока на другом конце провода приходили в себя от произнесенной фамилии, вопрос был практически исчерпан.

К тому времени я уже разобрался, что Василию нравилась роль вершителя чужих судеб, он пытался в этом подражать отцу.

Вращаясь в пределах высшего партийного круга, с высот которого кажется, что в жизни все просто, не приученный даже к минимальным умственным усилиям, он не был расположен к серьезной государственной деятельности; заниматься какой-либо научной работой тоже был не в состоянии. Он не давал себе труда поработать дома даже с теми служебными документами, которые не успевал просмотреть в штабе, и возвращался к ним лишь после того, как выходил из очередного запоя.

Мое постоянное присутствие в особняке непрерывно напоминало Василию о необходимости решать мой вопрос. Тем более что сама ситуация — проживание бывшего политзаключенного без всяких документов (паспорт был переслан в Майкоп) у члена семьи руководителя партии и государства — становилась двусмысленной и давала Берия прекрасный шанс для компрометации сына в глазах отца. Реального выхода для себя я не видел, нервы были напряжены до предела. Может быть, поэтому допустил ошибку: решил, несмотря на риск, снова повидать семью. Дождавшись, когда Василий, уже основательно набравшись, уснул, я незаметно через окно выбрался в сад, перелез через ограду и оказался на Гоголевском бульваре. Оглянулся — никого. Свернул к Никитским воротам и пошел на Спиридоньевку. Воодушевленный тем, что так удачно обманул бериевских агентов, забыв об элементарной осторожности, остался ночевать дома. Помню, подумал: надоело прятаться, тоже мне, событие — Старостин спит в своей постели.

Ровно в шесть часов утра раздался звонок в дверь, и два знакомых мне полковника вошли уже без всяких церемоний.

— Одевайтесь. Мы за вами. Почему вы не уехали, хотя давали подписку?..

— Не уехал потому, что мне не разрешил командующий.

— У нас есть указание отправить вас в Майкоп немедленно.

Я в очередной раз собрал чемоданчик, положил туда плащ, рубашки. И в сопровождении «почетного конвоя» прибыл на Курский вокзал. Буквально через несколько минут мне принесли билет и сказали:

— Следуйте до Краснодара. Там явитесь в городское управление НКВД и получите направление в Майкоп и свой паспорт.

Потом один из полковников вышел в соседнюю комнату, и я услышал, как он докладывал кому-то по телефону:

— Товарищ генерал, Старостин на вокзал доставлен. Отправляем его в Краснодар ближайшим поездом. Нет, не сопротивляется, ведет себя спокойно...

Шел по перрону, а на душе от досады на себя кошки скребли. И тут из пришедшей дачной электрички буквально выскакивает навстречу Николай Баранов, бывший спартаковский легкоатлет.

— Вы куда, Николай Петрович?

Я говорю:

— Николай, зайди, пожалуйста, к моей жене и скажи, что я вот этим поездом поехал в Краснодар.

Сижу в купе. Напротив еще трое. Вычисляю: который из них приставлен за мной следить? Во время стоянки в Орле вдруг вижу в проходе вагона знакомую фигуру начальника контрразведки Василия Сталина, которого встречал в особняке на Гоголевском бульваре. С ним стоит мой верный Санчо Панса — Василий Куров и подает чуть заметные знаки: мол, идите сюда. Когда я вышел в тамбур, начальник контрразведки сказал:

— Николай Петрович, мы догнали вас на самолете. Василий Иосифович приказал любыми средствами вернуть вас в Москву.

— Мне нельзя в Москву.

— Николай Петрович, он вас ждет. Вы даже не представляете, как он рвет и мечет!

Поезд вот-вот тронется, надо что-то решать. Я пытаюсь найти для себя последнюю зацепку:

— Там мои вещи. И потом за мной скорее всего следят.

— Черт с ними, с вещами, и вашим шпиком. Надо лететь.

Была не была! Соскакиваю с поезда. Бежим на привокзальную площадь. Там уже ждет «джип». Мы в него — и на аэродром. Короче, когда я переступаю порог кабинета Василия Сталина, то

имею в прямом и переносном смысле очень бледный вид. Но он не обращает на это никакого внимания. Истерично кричит:

— Кто?! Кто вас брал?

— Они не назывались, но в разговоре один из полковников упомянул фамилию Огурцов.

— Ах, Огурцов! Ну, хорошо...

Хватается за телефон и набирает какой-то номер. Из трубки слышен голос:

— Генерал-лейтенант Огурцов у аппарата...

— Вы не генерал-лейтенант Огурцов, вы генерал-лейтенант Трепло. Это я вам говорю, генерал-лейтенант Сталин!

Тот явно с испугом:

— Товарищ генерал! Что случилось?

— Я с вами разговаривал два часа назад. Спрашивал, где Старостин. Вы сказали, что не знаете, где он.

— Действительно не знаю.

— Как вы не знаете, когда вам докладывали с вокзала, что его отправляют в Краснодар.

— Вас кто-то ввел в заблуждение.

И тут Василий, уже успокоившись, отчеканивает:

— Меня ввел в заблуждение Старостин, который сидит напротив. Но вы должны знать, что в нашей семье обид не прощают.

И бросает трубку.

У меня одно желание — побыстрее умыться и отоспаться. Но командующий не унимается.

— Николай Петрович, сегодня «Динамо» играет с ВВС. Идите пообедайте, и поедем на футбол. Сейчас мы их всех там накроем.

Игра пошла ва-банк. Подъезжаем к «Динамо» — ворота стадиона настежь, все сразу навытяжку: «Здравия желаем, товарищ генерал!» Входим в центральную ложу, которая забита до отказа. При появлении Василия все поднялись с мест.

— Познакомьтесь,— говорит он мне,— это генерал Огурцов. А это,— обращается к генералу,— Николай Старостин, которого вы сегодня утром выслали из Москвы.

Побагровевший Огурцов демонстративно покидает ложу.

— Видите,— обращается ко всем Василий,— какой он нервный? Значит, чувствует свою вину.

Остальные офицеры следуют примеру Огурцова.

Наше присутствие в первом ряду центральной ложи вызывает повышенное любопытство болельщиков на трибунах.

Чувствую, что Василию не сидится. Он говорит:

— Пошли, они все в буфете.

Входим в буфет.

Генералы встают и уходят в ложу. Обслуга в недоумении. Никто ничего не понимает.

— Ну все,— подводит он итог.— Выпейте кофе, а я добавлю водочки, и пойдем к команде. Считаю, что мы им отомстили.

После всего происшедшего я более ясно осознал, в какую тяжелую историю он меня втянул, и даже не хотел предполагать, чем она может закончиться. Все осложнялось тем, что как раз в это время Василий был в опале: на рыбалке, когда он с друзьями глушил рыбу, осколками одной из гранат ранило его и убило военного летчика, говорили, что личного пилота Сталина. После этого отец очень рассердился на сына. Василий считал, что Берия преподнес этот инцидент специально в искаженном виде, чтобы поссорить его с отцом.

Через день Василий сказал мне за завтраком:

— Берия улетел из Пицунды. Отец остался там. Я сегодня вылетаю к нему. У меня есть несколько неотложных вопросов, и одновременно я постараюсь поговорить о вас. Будете дожидаться моего возвращения на базе. Никто вас там не тронет. Берите с собой жену и дочерей. С вами поедет мой адъютант Полянский. Отдохнете, половите рыбу в озере...

Для меня его предложение было достаточно заманчиво, потому что рядом, буквально в 18 километрах — деревня, где в то время жили мать и сестры с детьми.

Василий вызвал майора Полянского.

— Возьмите в сопровождение две машины охраны. Одна из них пойдет впереди, другая — сзади. В середине поедет Николай Петрович с семьей.

— Что я должен делать, если по дороге люди Берия захотят арестовать Старостина, если они попытаются захватить его силой?

— Отстреливаться...

Пора было мне вмешаться.

— Василий Иосифович, как отстреливаться?.. Мы будем стрелять в чекистов, а они в нас? Я не поеду.

Тогда Полянский предлагает:

— Мы можем долететь туда на двух самолетах. Там есть маленький аэродром. В воздухе Берия не сможет нас перехватить.

— Хорошо, действуйте. Но учтите, отвечаете за Старостина головой.

И вот младшая дочь (старшая из-за учебы осталась дома), жена, Куров, Полянский и я на двух самолетах приземляемся на аэродроме.

Роскошная территория базы, прекрасное озеро, рыбалка... Это немного отвлекло от мрачных мыслей.

Через несколько дней позвонил из Пицунды Василий, сообщил:

— С отцом хуже. Врачи к нему не пускают. Не сегодня завтра сюда опять должен прилететь Берия.

«Все,— решаю я,— больше невмоготу. Надоело. И рыбная ловля, и охрана. Да и жена волнуется: в Москве как-никак старшая дочь осталась».

Прошу соединить с Пицундой.

— Василий Иосифович, я принял решение — еду в Краснодар. По прибытии извещу, куда меня направят. Это самый реальный и простой выход. Я уже два месяца мотаюсь между небом и землей. Не хочу чувствовать себя камнем на вашей шее.

Через два-три дня после приезда в Краснодар меня вызвали в городской отдел МГБ:

— Москва не разрешила оставить вас в Краснодаре. Вам придется ехать в Майкоп.

— Хорошо,— соглашаюсь,— поеду в Майкоп.

Но и здесь в прописке отказывают.

В конце концов меня прописывают у какой-то старухи, в Ульяновске, и я начинаю тренировать ульяновское «Динамо».

Проходит год. Все идет своим чередом: тренирую команду, езжу с ней на матчи. И вот однажды на вокзале подходит ко мне высокий парень и говорит:

— Товарищ Старостин, можно вас на минутку... Вам придется поехать со мной.

— Почему?

— Команда поедет с Куровым, а у меня есть приказание сопровождать вас отдельно от команды. Выходим на привокзальную площадь — там стоит тюремная машина.

Приводят в кабинет к начальнику областного управления МГБ О. М. Грибанову.

— Николай Петрович, извините, что так вышло. Пришло постановление коллегии. За злостное нарушение паспортного режима вы осуждены на пожизненную ссылку в Казахстан. Я пытался как-то это смягчить. Все, что можно было, сделал. Но... Распишитесь, что вы ознакомлены с решением коллегии.

Я понял, что наступила расплата за московскую эпопею, за мое дерзкое появление в центральной ложе стадиона «Динамо».

Опять тюремный вагон. Направление следования — Акмолинск. Господи, когда же кончится эта маета?!

В предместье города в доме с чудесным яблоневым садом снимаю комнату и начинаю работать.

Прихожу на первую тренировку футболистов. Дождь. И вижу прелюбопытную картину — команда месит грязь, а в середине поля под зонтиком, в плаще и шляпе, в ботинках с галошами расхаживает человек и дает указания. Я спрашиваю у местных работников:

— Кто это?

— Это же Хофман, бывший центрфорвард сборной Румынии.

Так я познакомился с Аркадием Вольфовичем Хофманом, который, будучи гражданином Румынии, после окончания войны добровольно изъявил желание остаться в СССР, был «душевно» встречен и быстро отправлен на Дальний Восток. Это было одно из самых приятных знакомств в моей жизни. По кругозору и уровню интеллигентности Хофман выделялся среди наших тренеров, второго такого вряд ли отыщешь. Игроков он называл исключительно на «вы».

— Игорь, вот вы здесь сделали ошибку... Сергей, зачем вы туда побежали?..

Слушать это было забавно, а эффект имело поразительный. Его авторитет был непререкаем.

Во многом благодаря ему у меня появилось в Казахстане много друзей. Да и алма-атинский «Кайрат» с тех пор стал для меня командой почти родной...

Что говорить, в моих воспоминаниях Алма-Ата занимает особое место. Иногда закрываю глаза и вижу — лежу в яблоневом саду, рядом ручеек, арык. Можно спокойно спать под яблоней, и ни одного комара. Проснуться, поднять руку и сорвать самое вкусное в мире яблоко — алма-атинский апорт.

Согласитесь, после стольких лет скитаний это ли не подарок судьбы!

Но главные события были впереди.

На одном из собраний команды разбирали с футболистами предыдущую игру. Вдруг входит опоздавший Ермек Утибаев, наш нападающий. Я никогда не забывал, что остаюсь политическим ссыльным, но считал необходимым поддерживать дисциплину в команде. Пришлось сделать замечание:

— Ермек, почему опаздываешь?

— Я опоздал из-за этого предателя, врага народа — Берия.

— Ты что мелешь?! Выпил, что ли...

— Как что? Вы не знаете? Берия сегодня арестовали. Он оказался врагом народа и шпионом.

Это известие перевернуло мою жизнь. Я воспринял его, как воспринимается восход солнца на севере после долгой полярной ночи. Смешались и удивление, и радость, и надежда...

А еще через месяц я услышал по телефону далекий взволнованный голос жены:

— Николай, мне звонил товарищ, как я поняла, близкий к руководству ЦК. Передал, чтобы ты немедленно написал на имя Хрущева заявление с просьбой о пересмотре вашего дела.

Играют «Спартак» — «ВВС»

Стадион «Динамо». Перед началом матча

Михаил Жаров — любимец публики

Фото Анатолия БОЧИНИНА

Стоит ли говорить, что я в тот же день отправил его в Москву.

Далее события развивались стремительно. Приходит вызов в столицу. Я тут же вылетаю в Москву.

Не успел переступить порог дома, как жена протягивает листок из школьной тетради с номером телефона:

— Тебя срочно просили позвонить.

Как медленно крутится телефонный диск... Как бесконечно тянутся гудки... Наконец-то:

— Лебедев слушает...

— Здравствуйте. Это Николай Старостин говорит...

— Срочно приезжайте. Пропуск заказан.

— У меня нет паспорта, только одна командировка.

— Не волнуйтесь, вас встретят.

Это стало началом конца «дела Старостиных».

Конечно, безумно жаль потерянные в расцвете сил «лагерные» годы. Но человеку свойственно себя успокаивать. Я себя успокаиваю тем, что они не прошли впустую, многому в жизни научили, дали возможность узнать свою собственную страну — от Хабаровска до Владивостока, от Читы до Алма-Аты. И везде футбольный кожаный мяч, как это, может быть, ни странно, оказывался неподвластным Берия. Он стал ему противником, которого Берия, сам в прошлом футболист, победить не сумел. Его главные подручные на местах относились ко мне благосклонно, даже с симпатией. И делали это только лишь по одной причине: круги шли по воде — футбольные амбиции их «вождя» в Москве переходили в местное тщеславие и желание иметь у себя лучшую команду края, области, города, лагеря...

Думаю, что наша семья должна быть благодарна обществу «Динамо». В те тяжелые годы оно явилось островом, на котором мы устояли, сохранили свои семьи и в конце концов вернулись назад, в столицу.

...Я горжусь, что в семье Старостиных после всего пережитого никто не растерялся и не затерялся в жизни и еще четверть века и больше оставался в своем деле на виду.

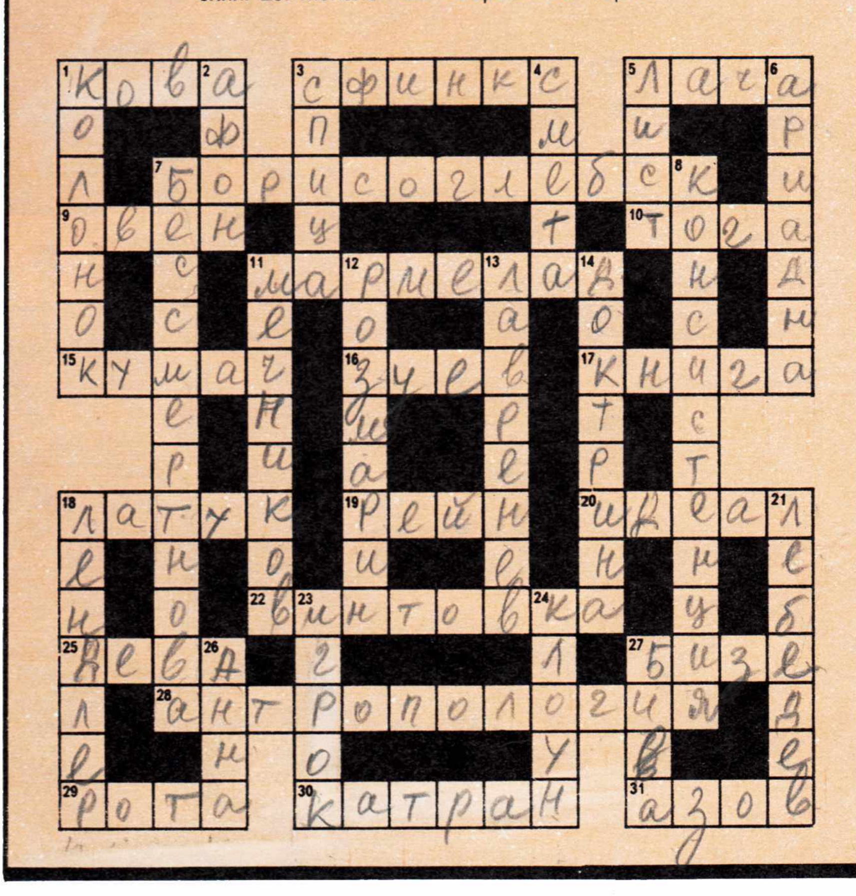
По горизонтали: 1. Приток Ангары. 3. Каменное изваяние в Древнем Египте. 5. Озеро в Архангельской области. 7. Город в Воронежской области. 9. Зодиакальное созвездие. 10. Древнеримский плащ. 11. Кондитерское изделие. 15. Хлопчатобумажная ярко-красная ткань. 16. Академик, естествоиспытатель и путешественник, автор первого русского учебника по естествознанию. 17. Непериодическое издание печати. 18. Овощное растение, вид салата. 19. Река в Западной Европе. 20. Образец, высшая цель стремлений. 22. Огнестрельное нарезное оружие. 25. Зодиакальное созвездие. 27. Французский композитор XIX века. 28. Наука о происхождении и эволюции человека. 29. Войсковое подразделение. 30. Крупная промысловая морская рыба. 31. Порт на Дону в Ростовской области.

По вертикали: 1. Пушной зверек семейства куньих. 2. Гора на северо-востоке Греции. 3. Игла для вязания. 4. План предстоящих расходов и поступления средств. 5. Венгерский композитор, пианист, дирижер XIX века. 6. Рассказ А. П. Чехова. 7. Балерина, народная артистка СССР. 8. Степень густоты вязких жидкостей. 11. Русский биолог и патолог, создатель научной школы. 12. Сорт яблок. 13. Советский писатель, автор повести «Сорок первый». 14. Учение, научная или философская теория. 18. Народный австро-немецкий танец. 21. Летчик-космонавт СССР. 23. Роман Ф. М. Достоевского. 24. Цирковой артист. 26. Действующее лицо в пьесе М. Горького «На дне». 27. Озеро на острове Хонсю в Японии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 42

По горизонтали: 1. Фасад. 7. Гамалия. 9. Ожрагис. 10. Бира. 11. Лаванда. 13. Муар. 14. Сальери. 15. Спондей. 16. Топология. 21. «Иоланта». 22. «Бурелом». 23. Софа. 24. Воркута. 27. Свод. 28. Селигер. 29. «Ревизор». 30. Вагай.

По вертикали: 1. Фляга. 2. Дрозд. 3. Канифас. 4. Касальс. 5. Таймень. 6. Писарев. 8. Станиславский. 11. Лермонтов. 12. Амплитуда. 17. Водолей. 18. Каманин. 19. Ленский. 20. Монолог. 25. «Обрыв». 26. Торий.

Егор Зайцев поначалу считал, что модельер — занятие не мужское. Впрочем, это не помешало ему с отличием окончить Московский текстильный институт и пойти работать к отцу.

Клиенты и посетители Московского Дома моды на проспекте Мира уже хорошо знают его модели, некоторые из которых вы видите на снимках. Знакомы с ними и во многих городах страны, а также в Японии, Австралии, Индии, Старом и Новом Свете — везде, где модели младшего Зайцева побывали вместе с коллекциями отца.

Сейчас Егор работает над созданием собственной коллекции моделей одежды. О достоинствах можно будет судить только после ее появления, однако Егор уже получил предложение сотрудничать от главы фирмы «Эксквизит», одного из ведущих специалистов моды ГДР Артура Винтера, а Пьер Карден и лидер французского авангарда Тьери Мюглер приглашают его для совместных работ.

Моделирование одежды для Зайцевых не просто семейное дело, но и попытка изменить наше с вами нередко негативное отношение к моде. Некоторые модели они делают вместе, а вот подход к моде у отца и сына различный. Что же такое мода?

Вячеслав Зайцев: «Мода — это надстройка над проблемой культуры и ассортимента, и у нас эта проблема не решена. Поэтому все разговоры о моде — профанация. Я не занимаюсь чистой модой. Я занимаюсь модным ассортиментом, то есть одеждой, способной прожить сегодня, завтра и послезавтра. Учитывая, что люди не могут позволить себе покупать, например, пальто на один сезон, делаю модели, которые остаются современными несколько лет. Я приверженец классики. Классика — прибежище людей, жаждущих покоя и комфорта в эстетике одежды, это азбука хорошего вкуса. Классический костюм проверен временем, это не мода, а стиль».

Егор Зайцев: «Мода — самостоятельное искусство, сродни музыке или живописи. Это игра настроения, возникающая от общения с людьми, от слушания музыки, что-то, что живет с тобой и вне тебя и может возникнуть в любой момент. И если мода — задача, в конце которой вместо ответа многоточие или вопросительный знак, то это прекрасно. Должна быть бесконечная загадка, в противном случае ею просто нет смысла заниматься!»

Вячеслав Зайцев считает сына надежным союзником в борьбе за новую эстетику одежды. Отец для Егора — учитель и постоянный пример отношения к делу, а их взаимоотношения на работе — взаимоотношения начальника и подчиненного.

«С отцом на «ты» я только в момент ссоры или конфликта»,— улыбается Егор.

Если основа моделей старшего Зайцева английский костюм, то младший больше склонен к авангарду, хотя и не считает это определение правомерным. В чем они единодушны, так это в том, что, несмотря ни на что, отечественная мода существует, развивается и оказывает заметное влияние на творчество ведущих модельеров мира.

Леонид ЗАВАРСКИЙ,
фото
Андрея СЕМАШКО

ОГОНЁК

40 коп.
Индекс 70663